

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 73
№ 5 (162) 2020
МАЙ

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

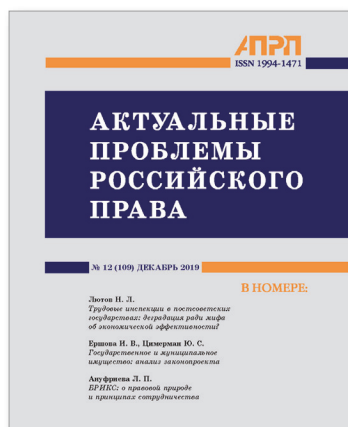
Обеспечение независимости
и самостоятельности
судебной власти в контексте
конституционной реформы
2020 года

Критерии живорождения
при определении жизни
как объекта
уголовно-правовой
охраны

«Амнистия через заднюю
дверь» для нацистского
преступника Отто Брадфиша

Отдельные проблемы
защиты прав граждан
при использовании
геномных технологий

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

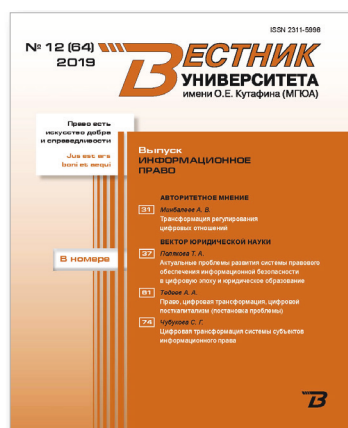
- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471;
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998;
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, уже издаваемых Университетом (Lex Russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КСЕНОФОНТОВА Дарья Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЕШЕ-ГОЛОВКО Карин — доктор публичного права (Франция), президент Комитас Генциум Франция-Россия,

приглашенный профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гётте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

ИСАЕВ Игорь Андреевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1-го класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

МОРОЗОВ Андрей Витальевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СТАРИЛОВ Юрий Николаевич — доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович — кандидат юридических наук, профессор, заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерал-полковник, главный редактор журнала «Наркоконтроль», г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — доцент Лейденского университета, г. Лейден, Нидерланды

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

ЯРКОВ Владимир Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГРОМОШИНА Наталья Андреевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОМАРОВА Валентина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 73
№ 5 (162)
май 2020

ЛЮТОВ Никита Леонидович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.
ISSN	1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru
САЙТ	https://lexrussica.msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 11198 Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет: 15.05.2020 Объем 19,29 усл. печ. л. (15,55 а. л.), формат 60×84/8 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная
Переводчики	<i>Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова</i>
Редактор	<i>М. В. Баукина</i>
Компьютерная верстка	<i>Д. А. Беляков</i>

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается
только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.
Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector on Scientific Work of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Daria S. KSENOFONTOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Family and Housing Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Karine BECHET-GOLOVKO — Doctor of Public Law (France), President of the Comitatus Gentium France-Russie, Visiting Professor of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Otmár SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Igor A. ISAEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Andrey V. MOROZOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law, Informatics and Mathematics of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Yuriy N. STARILOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Procedural Law of the Voronezh State University, Voronezh, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Aleksandr V. FEDOROV — Cand. Sci. (Law), Professor, Vice-Chairman of the Investigation Committee of the Russian Federation, Colonel General, Editor-in-Chief of the Journal «Drug Enforcement» (Narcocontrol), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Assistant Professor of Leiden University, Leiden, The Netherlands

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vladimir V. YARKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Natalia A. GROMOSHINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Valentina V. KOMAROVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Nikita L. LYUTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA

Scientific Journal of Law

Vol. 73
№ 5 (162)
May 2020

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

15.05.2020.
Volume: 19,29 conventional printer's sheets (15.55 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editor

M. V. Baukina

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / *JUS PUBLICUM*

- Кулаков Н. А.** Институт административной ответственности как средство защиты патентных (изобретательских) прав в Российской Федерации: некоторые проблемы правового регулирования 9
- Лихтер П. Л.** О модели конституции соразмерного развития 18
- Лулева Е. В.** Использование общедоступных информационных технологий в защите экологических прав и прав на природные ресурсы 29
- Стеничкин Н. Г.** Обеспечение независимости и самостоятельности судебной власти в контексте конституционной реформы 2020 года 41

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / *JUS CRIMINALE*

- Каменова А. Н.** Общественно опасные последствия в нормах о преступлениях в сфере экономической деятельности: проблемы отражения в законе 53
- Коробеев А. И., Ширшов А. А.** Критерии живорождения при определении жизни как объекта уголовно-правовой охраны 64

ИСТОРИЯ ПРАВА / *HISTORIA LEX*

- Аминов И. И.** Развитие государственности в Центральной Азии в ахеменидский период (VI—IV вв. до н.э.) 73
- Грахоцкий А. П.** «Амнистия через заднюю дверь» для нацистского преступника Отто Брадфиша 83
- Лазич Д.** Развитие уголовно-правовой санкции в Сербии с 1804 по 1945 г. 97
- Пирожкова И. Г.** Правотворчество в Российской империи: градостроительная политика и законодательство 106
- Шкаревский Д. Н.** Дефекты в деятельности органов транспортной юстиции в 1940—1950-е гг. 116

ГЕНОМ / *GENOME*

- Богданова Е. Е., Малейна М. Н., Ксенофонтова Д. С.** Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий 129

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / *COMPARATIVE STUDIES*

- Zekić M.** Challenges and Perspectives of the EU Accession Policy — a Reflection on Criminal Law 143
- Сиряков А. Н.** Классификация осужденных к лишению свободы в Испании 148

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА / *NOVUS LEX*

- Новикова Н. В.** Проблемы защиты инвестиций работодателя в образование работников и лиц, ищущих работу, средствами трудового права 157

CONTENTS

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

Kulakov N. A. Administrative Responsibility as a Means of Protection of Patent (Inventor's) Rights in the Russian Federation: Some Issues of Legal Regulation	9
Lichter P. L. The Model of the Constitution of Proportionate Development	18
Luneva E. V. The Use of Public Information Technologies in Protection of Environmental Rights and Rights to Natural Resources	29
Stenichkin N. G. Ensuring the Independence and Autonomy of the Judiciary in the Context of the 2020 Constitutional Reform	41

CRIMINAL LAW SCIENCES / JUS CRIMINALE

Kameneva A. N. Socially Dangerous Consequences in the Norms on Economic Crimes: Problems of Recognition in the Law	53
Korobeev A. I., Shirshov A. A. Live Birth Criteria when Defining Life as an Object of Protection under Criminal Law	64

HISTORY OF LAW / HISTORIA LEX

Aminov I. I. Development of Statehood in Central Asia during the Achaemenid Period (6th — 4th Centuries BC)	73
Grakhotskiy A. P. "Amnesty through the Back Door" for Nazi Criminal Otto Bradfisch	83
Lazić D. Development of Criminal Law Sanctions in Serbia from 1804 to 1945	97
Pirozhkova I. G. Law-Making Process in the Russian Empire: Urban Planning Policy and Legislation	106
Shkarevskiy D. N. Defects in the Activity of Transport Justice Bodies in the 1940s and 1950s	116

GENOME / GENOME

Bogdanova E. E., Maleina M. N., Ksenofontova D. S. Certain Problems of Citizens' Rights Protection when Using Genomic Technologies	129
---	-----

COMPARATIVE LEGAL STUDIES / COMPARATIVE STUDIES

Zekić M. Challenges and Perspectives of the EU Accession Policy — a Reflection on Criminal Law	143
Siryakov A. N. Classification of Persons Sentenced to Imprisonment in Spain	148

THE IMPROVEMENT OF LEGISLATION / NOVUS LEX

Novikova N. V. Problems of the Employer's Investment Protection in the Employees and Job Seekers Education by means of Labor Law	157
---	-----

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.009-017

Н. А. Кулаков*

Институт административной ответственности как средство защиты патентных (изобретательских) прав в Российской Федерации: некоторые проблемы правового регулирования

Аннотация. Целью научной статьи выступило изучение проблем правового регулирования административной ответственности в области патентного законодательства. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что институт административной ответственности как средство правовой защиты патентных прав обладает значительным потенциалом. Вместе с тем ряд факторов не позволяют реализовывать данный потенциал в необходимой мере. К числу таких факторов автор относит: латентность административных правонарушений в области патентного законодательства и недоверие со стороны правообладателей к компетенции правоохранительных органов в указанной области; низкий уровень юридической квалификации должностных лиц правоохранительных органов в области патентного законодательства; проблемы нормативно-правового регулирования административной ответственности за нарушение патентных прав. Решение проблемы повышения эффективности административной ответственности в области патентного законодательства автор видит в комплексном противодействии вышеперечисленным факторам. В рамках статьи отдельное внимание уделяется проблемам правового регулирования административной ответственности в области патентного законодательства. Автор анализирует ч. 2 ст. 7.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которая предусматривает ответственность за нарушение патентных и изобретательских прав. Автор приходит к выводу о необходимости модернизации данной правовой нормы и формулирует ряд предложений по внесению изменений в действующее законодательство. Кроме того, в целях обеспечения комплексной и эффективной защиты права на вознаграждение за служебное изобретение (полезную модель, промышленный образец) формулируется предложение по расширению юрисдикционных полномочий федеральной трудовой инспекции и внесению соответствующих изменений в подзаконные нормативные правовые акты.

Ключевые слова: административная ответственность; административное правонарушение; интеллектуальная собственность; интеллектуальные права; патентные права; право авторства; плагиат; принуждение к соавторству; право на вознаграждение; изобретение; полезная модель; промышленный образец.

Для цитирования: Кулаков Н. А. Институт административной ответственности как средство защиты патентных (изобретательских) прав в Российской Федерации: некоторые проблемы правового регулирования // *Lex russica*. — 2020. — Т. 73. — № 5. — С. 9—17. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.009-017.

© Кулаков Н. А., 2020

* Кулаков Николай Андреевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России
ул. Летчика Пилютова, д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 198206
2-kvadrat@mail.ru

Administrative Responsibility as a Means of Protection of Patent (Inventor's) Rights in the Russian Federation: Some Issues of Legal Regulation

Nikolay A. Kulakov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Administrative Activity of Law Enforcement Agencies, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ul. Lyotchika Pilyutova, d. 1, Saint Petersburg, Russia, 198206
2-kvadrat@mail.ru

Abstract. The purpose of the research paper is to study the problems of legal regulation of administrative liability in the field of patent law. As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that administrative responsibility as a means of legal protection of patent rights possesses significant potential capacity. However, a number of factors do not allow this potential to be enforced to the necessary extent. The author enumerates the following factors: latency of administrative offenses in the field of the patent legislation and lack of confidence of rights' holders in law enforcement agencies in this area; low level of legal qualification of law enforcement officials in the field of the patent legislation; problems of the normative and legal regulation of administrative liability for infringement of patent rights. The author sees the solution to the problem of increasing the efficiency of administrative responsibility in the field of the patent legislation as a complex counteraction to the above factors. Within the framework of the paper special attention is paid to the problems of legal regulation of administrative liability in the field of patent legislation. The author analyzes Para 2 of Art. 7.12 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, which provides for liability for violation of patent and inventor's rights. The author comes to the conclusion about the need to develop this legal rule and defines a number of proposals for amending the current legislation. In addition, in order to ensure a comprehensive and effective protection of the right to remuneration for an invention (utility model, industrial design), a proposal has been formulated to expand the jurisdiction of the federal labor inspectorate and introduce the consequential amendments to the secondary legislation.

Keywords: administrative liability; administrative offense; intellectual property; intellectual property rights; patent rights; copyright; plagiarism; compulsion to co-authorship; right to remuneration; invention; utility model; industrial design.

Cite as: Kulakov NA. Institut administrativnoy otvetstvennosti kak sredstvo zashchity patentnykh (izobretatelskikh) prav v Rossiyskoy Federatsii: nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya [Administrative Responsibility as a Means of Protection of Patent (Inventor's) Rights in the Russian Federation: Some Issues of Legal Regulation]. *Lex russica*. 2020;73(5):9—17. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.009-017. (In Russ., abstract in Eng.).

Каждый без исключения человек обладает способностями к интеллектуальному созиданию. Такие способности нередко перерастают в потребность. Свойственное людям желание создавать новое, развиваться — вот главные двигатели общественного прогресса. При этом реализация интеллектуального потенциала общества лежит в основе разрешения комплекса социально-экономических проблем государства, модернизации экономики и производства и в конечном итоге прямо влияет на благополучие и уровень жизни людей.

Важнейшее значение для общественного прогресса имеет такая разновидность интеллектуально-творческой деятельности, как изобретательство. Повышение эффективности правовой охраны результатов изобретательской

деятельности — одна из приоритетных функций любого современного государства. Не является исключением в этом смысле и Российская Федерация.

Действующее российское законодательство предусматривает несколько вариантов защиты патентных прав: гражданско-правовую, уголовно-правовую и административно-правовую. Первый вариант является наиболее востребованным среди патентообладателей и иных лиц, считающих, что их патентные права нарушены. Само же право интеллектуальной собственности воспринимается многими в качестве подотрасли гражданского права. Вместе с тем, по мнению многих специалистов, право интеллектуальной собственности является комплексным правовым институтом¹.

¹ См., например: *Близнец И. А.* Право интеллектуальной собственности: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 13 ; *Лушникова М. В.* Интеллектуальные права работников: проблемы и решения // *Актуальные проблемы российского права*. 2015. № 9. С. 125—129.

Решение реализовать кодификацию соответствующих норм именно в рамках гражданского законодательства породило множество споров и придало новый импульс многочисленным дискуссиям относительно отраслевой принадлежности института интеллектуальной собственности. Более того, отдельные теоретики небезосновательно критикуют и сам факт кодификации норм об интеллектуальной собственности в ч. IV Гражданского кодекса РФ, и качество получившегося в итоге нормативного правового акта. Причину недостатков ч. IV ГК РФ специалисты связывают в том числе и с тем, что законодатель не в достаточной степени учел межотраслевую природу права интеллектуальной собственности.

Так, В. И. Еременко отмечает следующее: «В мире имеет место тенденция к принятию отдельных кодексов по интеллектуальной (промышленной) собственности или комплексных законов в этой области. Очень жаль, что опыт таких государств остался не востребуемым в России. Это привело к самому неожиданному и ущербному варианту кодификации российского законодательства об интеллектуальной собственности»².

Придерживаются обозначенной позиции и юристы-практики, которые акцентируют свое внимание на последствиях кодификации норм об интеллектуальной собственности в рамках Гражданского кодекса РФ. В частности, В. А. Мещеряков считает, что следствием избранной модели кодификации стала разработка самых общих положений и вопросов договорных отношений, которые близки правововедам, являющимся специалистами в области гражданского права. Вопросы регистрации патентных прав, регулируемые административно-правовыми и административно-процессуальными нормами, либо не урегулированы вовсе, либо их регулирование характеризуется низким качеством³.

По нашему мнению, ошибочность восприятия интеллектуальной собственности в качестве области удовлетворения лишь частных интересов безусловна. Для социума первоочередное значение имеет не творческая деятельность

отдельно взятого индивида (протекающая за гранью доступа для общества), а итоги такой деятельности и возможность их практической реализации. Следует согласиться с тезисом Е. В. Кирдяшевой о том, что результаты интеллектуального труда обеспечивают социальный прогресс, образуя в своей совокупности всю человеческую культуру⁴.

Не вызывает сомнения, что преобладающий в частном праве диспозитивный метод не обеспечивает должной регламентации отношений в области интеллектуальной собственности. Данный метод, в сущности, не предполагает решения задач, связанных с обеспечением общественных интересов в области интеллектуальной собственности.

Потребность в правовой регламентации активной роли государства в обеспечении интеллектуального творчества детерминирует необходимость применения метода административного и административно-процессуального права для регулирования соответствующих правоотношений. В числе административно-правовых средств защиты патентных прав необходимо отметить прежде всего институт административной ответственности.

Как было отмечено выше, большинство патентообладателей не считают административно-правовые средства эффективной мерой защиты патентных прав. Проведенное социологическое исследование демонстрирует, что участники отношений в области изобретательской деятельности в принципе не знают о таком варианте защиты патентных прав, как институт административной ответственности⁵.

Вместе с тем административная ответственность как средство защиты патентных прав характеризуется оперативностью и относительно простой процессуальной формой; обязанностью уполномоченного ведомства проявлять активность при пресечении правонарушения, доказывании и привлечении виновных к административной ответственности (чего нельзя сказать о гражданско-процессуальной форме защиты, предполагающей возложение бремени доказывания своей правоты по делу на сторо-

² Еременко В. И. Некоторые проблемы кодификации законодательства об интеллектуальной собственности // Законодательство и экономика. 2014. № 2. С. 3—9.

³ Мещеряков В. А. Развитие российского патентного законодательства на современном этапе // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 4. С. 29—36.

⁴ Кирдяшева Е. В. Интеллектуальные права в системе прав человека // Lex russica. 2013. № 5. С. 478—487.

⁵ См. подробнее: Тюкалова Н. М., Кулаков Н. А. Административно-правовая охрана патентных прав в Российской Федерации : монография. Хабаровск, 2016. С. 123.

ны). Кроме того, результаты производства по делу об административном правонарушении можно использовать в качестве доказательств для защиты патентных прав в рамках гражданского процесса.

Институт административной ответственности представляется перспективным способом защиты патентных прав. Его низкая эффективность, на наш взгляд, связана с рядом факторов, в числе которых:

- латентность административных правонарушений в области патентного законодательства (о наличии таких правонарушений свидетельствует как гражданско-правовая, так и пусть небогатая, но все же имеющая место уголовно-правовая статистика⁶) и недоверие со стороны правообладателей к компетенции правоохранительных органов в указанной области;
- низкий уровень юридической квалификации должностных лиц правоохранительных органов в области патентного законодательства;
- проблемы нормативно-правового регулирования административной ответственности за нарушение патентных прав.

Решение проблемы повышения эффективности административной ответственности в области патентного законодательства лежит в комплексном противодействии вышеперечисленным факторам. В рамках данной статьи подробнее остановимся на отдельных элементах последнего из этих факторов — проблемах нормативно-правового регулирования административной ответственности в области патентного законодательства.

В соответствии с ч. 2 ст. 7.12 КоАП РФ административная ответственность наступает за одного из следующих деяний:

- 1) незаконное использование изобретения, полезной модели, промышленного образца;
- 2) разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до официального опубликования сведений о них;
- 3) присвоение авторства или принуждение к соавторству.

Рассмотрим используемое в формулировке ч. 2 ст. 7.12 КоАП РФ словосочетание «сущность изобретения». Согласно ст. 1354 ГК РФ охрана интеллектуальных прав на изобретение (полезную модель, промышленный образец) предоставляется на основании патента в объеме, определяемом содержащейся в патенте формулой изобретения (полезной модели, промышленного образца). Для толкования формулы изобретения и формулы полезной модели могут использоваться описание и чертежи. Согласно ст. 1375—1377 ГК РФ сущность изобретения (полезной модели, промышленного образца) определяется их формулой.

Разглашение сведений, содержащихся в заявке на выдачу патента, описании изобретения, части реферата или формулы, не является разглашением его сущности в целом. При этом такие действия не образуют состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.12 КоАП РФ. Вместе с тем указанные действия способны нанести ущерб будущему патентообладателю, так как новизну изобретения или полезной модели можно установить из части формулы изобретения или, например, из реферата⁷.

Сведения, содержащиеся в заявке на выдачу патента, также не должны раскрываться до выдачи патента, так как их раскрытие даст возможность недобросовестным конкурентам выяснить потенциальную ценность объекта патентования и персональные данные автора. Это, в свою очередь, может послужить угрозой безопасности для автора изобретения. Такой сценарий становится более вероятным, если речь идет о значительном финансовом эффекте, который может иметь место в случае получения патента на соответствующий объект и его последующей коммерциализации.

В контексте анализируемой проблемы интересен опыт законодателя Эстонской Республики. В соответствии с ч. 1 ст. 282 УК Эстонии ответственность предусмотрена за обнародование *сведений* об изобретении или о промышленном образце заведомо без разрешения лица, имеющего право на патент, полезную

⁶ Официальный сайт Судебного департамента. Отчет о деятельности судов общей юрисдикции за первое полугодие 2018 г. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759> (дата обращения: 2 апреля 2019 г.).

⁷ См., например: приказ Минэкономразвития России от 25 мая 2016 г. № 315 «Об утверждении административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации изобретения и выдаче патента на изобретение». П. 10.10 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 15 июля 2016 г.

модель или промышленный образец, до обнародования этих сведений в предусмотренном законом порядке.

Такая формулировка представляется гораздо более удачной. Во-первых, категория «сведения об изобретении» охватывает весь перечень данных, опубликование которых может привести к нарушению прав и законных интересов патентообладателей. Во-вторых, имеет значение указание на то, что ответственность наступает за обнародование такого рода сведений до их обнародования в установленном законом порядке. Такая юридико-техническая конструкция актуальна и для российского административно-деликтного законодательства ввиду того, что в соответствии с гражданским законодательством (например, ст. 1385 ГК РФ — публикация сведений о заявке на изобретение) часть сведений о патентуемом изобретении (полезной модели, промышленном образце) публикуется уже вскоре после подачи заявки. Объем этих сведений определяется в ГК РФ, а их публикация необходима для обеспечения производства по регистрации объектов патентного права.

На основании изложенных выше аргументов для обеспечения более комплексной и эффективной охраны прав и законных интересов патентообладателей целесообразным представляется вести речь об административной ответственности «за разглашение без согласия автора или заявителя *сведений* об изобретении, о полезной модели или промышленном образце до их официального опубликования в установленном законом порядке».

Отметим, что вызывает сомнения отнесение анализируемого способа совершения правонарушения к числу нарушений патентных прав. В соответствии с пп. 1 п. 2 ст. 1358 ГК РФ под использованием изобретения следует понимать ввоз на территорию Российской Федерации, изготовление, применение, иное введение в гражданский оборот или хранение для этих целей продукта, в котором использованы объекты патентно-правовой охраны. Совершение указанных действий без согласия патентообладателя образует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.12 КоАП РФ.

Вместе с тем разглашение сведений об изобретении, о полезной модели или промышлен-

ном образце до официального опубликования сведений о них не предусмотрено в качестве способа использования объектов патентных прав. Следовательно, разглашение информации такого рода само по себе не является нарушением каких-либо патентных прав, хотя и тесно связано с возможностью такого нарушения.

Разглашение такой информации до ее официального опубликования в рамках производства по регистрации патентуемого объекта может повлечь нарушение интересов обладателей патентных прав. По нашему мнению, требование о неразглашении сущности изобретения представляет собой дополнительные правовые гарантии, направленные на предупреждение нарушений исключительного патентного права. Само по себе такое разглашение нарушением патентных прав не является. Интересно, что проанализированный выше УК Эстонии придерживается именно такой логики: ст. 282 предусматривает ответственность за обнародование сведений об изобретении или о промышленном образце, а в ст. 283 установлена ответственность за нарушение исключительных прав на объект патентного права.

В соответствии с ч. 2 ст. 7.12 КоАП РФ присвоение авторства и принуждение к соавторству также выступают в качестве способа выполнения объективной стороны рассматриваемого правонарушения. Рассмотрим присвоение авторства, то есть плагиат.

В данном случае в качестве объекта административно-деликтной охраны выступает личное неимущественное патентное право, закрепленное в ст. 1356 ГК РФ, — право авторства. На наш взгляд, административная ответственность за плагиат в области патентных правоотношений необходима. Вместе с тем к числу неимущественных патентных прав, помимо права авторства, относятся и так называемые иные патентные права (ч. 3 ст. 1345 ГК РФ). В частности, речь идет о праве на получение патента и о праве на вознаграждение за служебное изобретение (полезную модель, промышленный образец).

В соответствии со ст. 1370 ГК РФ служебным признается изобретение (полезная модель, промышленный образец), созданное в пределах трудовых обязанностей работника. По общему правилу исключительное право на слу-

⁸ Постановлении Пленума Верховного Суда от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 7.

жебный объект патентного права принадлежит работодателю. Если работодатель в течение четырех месяцев не приступит к использованию изобретения (полезной модели, промышленного образца), то исключительное право переходит к автору. В случае же использования объекта работодателем у автора возникает право на вознаграждение. Размер такого вознаграждения определяется договором между работодателем и автором служебного объекта патентного права. Обратим внимание так же на то, что право на вознаграждение за служебное изобретение (полезную модель, промышленный образец) неотчуждаемо, то есть оказаться от него в рамках гражданского или трудового договора автор не может.

Право на вознаграждение за создание служебного объекта промышленной собственности является важным стимулирующим фактором. «Уязвимость» права на вознаграждение и его систематические нарушения со стороны работодателей влекут снижение количества и качества служебных произведений. Низкая эффективность охранительных правовых механизмов в отношении данного патентного права в масштабах государства отрицательно сказывается на инновационной политике государства в целом.

При этом очевидно, что работник, чье право на вознаграждение нарушено, в большинстве случаев не будет предпринимать мер по защите своего права, так как будет опасаться осложнения личных и трудовых отношений с работодателем. Отмеченный фактор снижает потенциал гражданско-правовых способов защиты права на вознаграждение за создание служебного произведения.

В связи с этим видится целесообразным внесение изменений в правовую норму, устанавливающую административную ответственность за нарушение патентных прав. Диспозиция соответствующей нормы в качестве способа совершения правонарушения, помимо нарушения исключительных прав, должна предусматривать нарушение иных патентных прав. Таким образом, законодатель включит в объект административно-деликтовой охраны и личное неимущественное право авторства, и так называемое «иное патентное право» — право на вознаграждение за служебное изобретение (полезную модель, промышленный образец). Стоит отметить, что подобную конструкцию законодатель применил в ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ, объектом охраны которой являются авторские и смежные права.

В дополнение к предложенному законодательному решению представляется целесообразным предоставить право составления протоколов по данному составу административных правонарушений федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему государственный надзор в области труда, — Федеральной инспекции труда. Право на вознаграждение хотя и является патентным, но все же находится в прямой связи с трудовыми правоотношениями, в сущности являясь элементом их структуры (кроме случаев, когда служебный результат интеллектуальной деятельности создается в рамках отношений, определенных гражданско-правовым договором подрядного типа).

Федеральная инспекция труда как контрольно-надзорный орган реализует функции по проведению плановых, а при наличии оснований и внеплановых проверок в отношении работодателей. В рамках такого рода проверок устанавливается соответствие деятельности работодателя требованиям трудового законодательства. Именно поэтому, на наш взгляд, трудовая инспекция обладает наибольшим инструментарием для выявления правонарушений, связанных с выплатой вознаграждения за служебное произведение.

Еще одним способом совершения административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.12 КоАП РФ, является принуждение к соавторству. Прежде всего отметим, что способы совершения правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.12 КоАП РФ, по своему содержанию идентичны способам совершения преступления, предусмотренного ст. 147 УК РФ. Данная уголовно-правовая норма, являющаяся материальной по конструкции объективной стороны и предусматривающая причинение крупного ущерба потерпевшему, также закрепляет такой способ совершения преступления, как принуждение к соавторству.

Согласно разъяснению Верховного Суда, под принуждением к соавторству следует понимать оказание воздействия любым способом (в том числе посредством насилия, угроз наступления неблагоприятных последствий) с целью получения согласия автора на включение других лиц в соавторы готовых или разрабатываемых объектов патентного права⁸. Представляется, что указанное разъяснение Верховного Суда в полной мере справедливо в отношении принуждения к соавторству, как способу совершения административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.12 КоАП РФ.

В связи со сказанным возникает как минимум два принципиальных вопроса. Во-первых, учитывая личный неимущественный характер охраняемого в ст. 147 УК РФ права авторства, совершенно не ясно каким образом принуждение к соавторству непосредственно может причинить крупный ущерб. В соответствии со ст. 1353 ГК РФ исключительное право на объект патентного права признается и охраняется после его регистрации в Федеральной службе по интеллектуальной собственности (далее — Роспатент). Только нарушение исключительного права может повлечь имущественный ущерб. Нарушение же права авторства само себе не влечет причинения имущественного ущерба, хотя и тесно связано с возможностью получения имущественных выгод в будущем, так как именно право авторства позволяет подать заявку на регистрацию изобретения (полезной модели, промышленного образца). На наш взгляд, при принуждении к соавторству правильнее вести речь о существенном нарушении прав (прежде всего конституционного права на охрану интеллектуальной собственности) и законных интересов автора, нежели о причинении имущественного ущерба.

Во-вторых, если закрыть глаза на неимущественный характер права авторства и учитывать, что его нарушение может стать причиной имущественного ущерба, остаются неясными критерии отграничения принуждения к соавторству, как способа совершения преступления, предусмотренного ст. 147 УК РФ, от таких составов преступлений, как:

- вымогательство, в случае, если автор принуждается к соавторству посредством угрозы применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких;
- злоупотребление полномочиями в случае, если принуждение к соавторству осуществляется посредством использования лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своих полномочий;
- злоупотребление должностными полномочиями, когда принуждение к соавторству происходит с использованием должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы.

Помимо способов, образующих объективную сторону преступлений, предусмотренных ст. 163, 201, 285 УК РФ, можно смоделировать

еще одну ситуацию принуждения к соавторству: применение насилия к автору с требованием получения согласия автора на включение других лиц в соавторы готовых или разрабатываемых объектов патентного права. Вместе с тем данное разъяснение не дает ответа на поставленные выше вопросы о разграничении ст. 147 УК РФ и составов преступлений, предусмотренных ст. 163, 201, 285 УК РФ.

На наш взгляд, принуждение к соавторству при любых обстоятельствах следует расценивать, как существенное нарушение прав и законных интересов автора. Право авторства носит неимущественный характер и его нарушение само по себе не влечет причинения имущественного ущерба. Вместе с тем, как показано выше, принуждение к соавторству всегда так или иначе связано с достаточным для уголовной квалификации общественно опасным воздействием на автора — физическим или психическим.

Что касается психического воздействия, используемого для принуждения к соавторству, такие действия по своей сущности близки к вымогательству. И даже если автор не согласится на требования лица, принуждающего его к соавторству, его интеллектуальные права и законные интересы уже существенно нарушаются. Описываемую ситуацию можно сравнить с ситуацией, когда преступник требует у потерпевшего передать ему сумму (независимо от размера) под угрозой применения насилия. Учитывая, что состав, предусмотренный ст. 163 УК РФ формальный, то уголовная ответственность наступает уже за факт такого требования и независимо от того, был ли фактически нанесен материальный ущерб. Принуждение к соавторству, на наш взгляд, отличается лишь тем, что на момент реализации умысла правонарушителя размер материального ущерба от таких действий точно не может быть известен.

Примечательно, что ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ не упоминает такого способа посягательства на авторские и смежные права, как принуждение к соавторству. Такой подход законодателя совершенно оправдан, так как исключительное авторское право, являющееся имущественным, возникает у автора в момент создания объекта авторского права. Воздействие на автора путем угроз с целью принудить к соавторству (например, указать в качестве соавтора литературного произведения) можно квалифицировать как вымогательство (требование о совершении действий имущественного характера, а именно

о частичной передаче исключительного права на произведение).

На наш взгляд, принуждение к соавторству в области патентного законодательства нуждается в уголовно-правовой реакции государства. Данное деяние, независимо от способа совершения, характеризуется достаточной степенью общественной опасности для его отнесения к числу преступлений. Юридический состав соответствующего преступления по конструкции объективной стороны должен быть формальным.

В завершении еще раз отметим, что институт административной ответственности, как способ защиты патентных прав, обладает значительным потенциалом. Вместе с тем ряд факторов не позволяют реализовать данный потенциал в необходимой для современного российского общества мере. Одним из таких факторов являются проблемы нормативно-правового регулирования административной ответственности в области патентного законодательства. Анализ отдельных из таких проблем в рамках настоящей статьи, стало возможным сформулировать следующие предложения по изменению действующего законодательства.

Во-первых, административная ответственность должна наступать не только за разглашение сущности изобретения (полезной модели, промышленного образца), как это предусмотрено в действующей ч. 2 ст. 7.12 КоАП РФ, но и за разглашение без согласия автора или заявителя *любых сведений* об изобретении, по-

лезной модели или промышленном образце до их официального опубликования в установленном законом порядке.

Во-вторых, в целях соблюдения принципа системности законодательства и гармонизации норм гражданского и административного права представляется целесообразным выделить указанное выше деяние в самостоятельный состав административного правонарушения, предусмотрев его в отдельной статье КоАП РФ.

В-третьих, помимо нарушения исключительных прав, в качестве административного правонарушения необходимо законодательно закрепить такой способ, как нарушение иных патентных прав. Такое решение позволит включить в объект административно-деликтовой охраны личное неимущественное право авторства, а также иное патентное право — право на вознаграждение за служебное изобретение (полезную модель, промышленный образец). Также видится необходимым предоставить право составления протоколов по данному составу административных правонарушений Федеральной инспекции труда Российской Федерации.

В-четвертых, предлагается исключить принуждение к соавторству из числа способов совершения административного правонарушения, посягающего на патентные права. По нашему мнению, степень общественной опасности данного деяния предопределяет необходимость уголовно-правовой реакции государства на его совершение.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Близнец И. А. Право интеллектуальной собственности: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2003. — 50 с.
2. Еременко В. И. Некоторые проблемы кодификации законодательства об интеллектуальной собственности // Законодательство и экономика. — 2014. — № 2. — С. 3—9.
3. Кирдяшева Е. В. Интеллектуальные права в системе прав человека // Lex russica. — 2013. — № 5. — С. 478—487.
4. Лушникова М. В. Интеллектуальные права работников: проблемы и решения // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 9.
5. Мещеряков В. А. Развитие российского патентного законодательства на современном этапе // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2012. — № 4. — С. 29—36.
6. Тюкалова Н. М., Кулаков Н. А. Административно-правовая охрана патентных прав в Российской Федерации : монография. — Хабаровск, 2016.

Материал поступил в редакцию 8 ноября 2019 г.

REFERENCES

1. Bliznets IA. Pravo intellektualnoy sobstvennosti: teoretiko-pravovoe issledovanie : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [The right to Intellectual Property: theoretical and legal research: Author's Abstract of Doctoral Dissertation (Law)]. Moscow; 2003. (In Russ.)
2. Eremenko VI. Nekotorye problemy kodifikatsii zakonodatelstva ob intellektualnoy sobstvennosti [Some problems of codification of legislation on intellectual property]. *Zakonodatelstvo i ekonomika*. 2014;2:3—9. (In Russ.)
3. Kiryasheva EV. Intellektualnye prava v sisteme prav cheloveka [Intellectual Rights in the Human Rights System]. *Lex russica*. 2013;5:478—487. (In Russ.)
4. Lushnikova MV. Intellektualnye prava rabotnikov: problemy i resheniya [Intellectual Rights of Employees: Problems and Solutions]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2015;9. (In Russ.)
5. Meshcheryakov VA. Razvitie rossiyskogo patentnogo zakonodatelstva na sovremennom etape [Development of the Russian patent legislation at the present stage]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*. 2012;4:29—36. (In Russ.)
6. Tyukalova NM, Kulakov NA. Administrativno-pravovaya okhrana patentnykh prav v Rossiyskoy Federatsii : monografiya [Administrative and legal protection of patent rights in the Russian Federation: A monograph]. Khabarovsk; 2016. (In Russ.)

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.018-028

П. Л. Лихтер*

О модели конституции соразмерного развития

Аннотация. Ценности общества потребления оказывают влияние на все сферы общественных отношений. Сегодня значительные сдвиги происходят в торговой, финансово-кредитной, информационной, социальной, экологической и других сферах.

Цель исследования — проанализировать текущие преобразования с точки зрения взаимодействия с конституционно-правовыми институтами, а также выявить перспективные направления их дальнейшего формирования. Особое внимание уделяется разработанной в конце прошлого века концепции устойчивого развития — комплексу мер, направленных на рациональное потребление экологических ресурсов, согласованное преодоление социальных и экономических кризисов в интересах не только нынешних, но и будущих поколений. В работе использованы методы правового моделирования и межотраслевого анализа, формально-юридический и системно-структурный методы. Формально-логический анализ действующего законодательства и международных документов, а также метод мониторинга правоприменения позволяют предположить правовые подходы, которые существенно препятствуют устойчивому прогрессу в экологической, экономической и социальной сферах.

По результатам исследования ставится вопрос о разработке модели конституции соразмерного развития как инструмента противодействия рискам общества потребления. С учетом специфики государственных и общественных институтов России представленная модель предусматривает экономическую, экологическую, социальную, этическую и эстетическую составляющие. Ключевые вопросы взаимного влияния перечисленных подсистем касаются новых подходов к каталогу конституционно-правовых ценностей, целей и принципов.

Ключевые слова: конституция соразмерного развития; общество потребления; конституционно-правовая аксиология; античное миропонимание; экономика; экология; этика; эстетика.

Для цитирования: Лихтер П. Л. О модели конституции соразмерного развития // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 5. — С. 18—28. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.018-028.

The Model of the Constitution of Proportionate Development

Pavel L. Likhter, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private and Public Law, Penza State University
ul. Krasnaya, d. 40, Penza, Russia, 440026
lixter@mail.ru

Abstract. The values of the consumer society have an impact on all fields of social relations. Currently, significant changes are taking place in trade, financial and credit, information, social, environmental and other fields.

The purpose of the study is to analyze the current transformations from the point of view of interaction with constitutional and legal institutions, and to identify promising directions of their further formation. Particular attention is paid to the concept of sustainable development initiated at the end of the last century — a set of measures aimed at rational consumption of environmental resources, coordinated overcoming of social and economic crises for the benefit of not only present generation but also future generations. Methodologically, the paper is based on the methods of legal modeling and intersectoral analysis, formal-legal and system-structural methods. The formal-logical analysis of the current legislation and international instruments, as well as the

© Лихтер П. Л., 2020

* Лихтер Павел Леонидович, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право» Пензенского государственного университета
Красная ул., д. 40, г. Пенза, Россия, 440026
lixter@mail.ru

method of monitoring enforcement allow us to assume legal approaches that significantly hinder sustainable progress in the environmental, economic and social fields.

Following the results of the study, the author raises the question of the development of a model of the constitution of proportional development as a tool for counteracting the risks of the consumerist society. Taking into account the specifics of state and public institutions of Russia, the presented model provides economic, ecological, social, ethical and aesthetic components. Key issues of mutual influence of these subsystems concern new approaches to the catalog of constitutional and legal values, goals and principles.

Keywords: constitution of proportional development; society of consumption; constitutional and legal axiology; antique world understanding; economy; ecology; ethics; aesthetics.

Cite as: Likhтер PL. O modeli konstitutsii sorazmernogo razvitiya [The Model of the Constitution of Proportionate Development]. *Lex russica*. 2020;73(5):18—28. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.018-028. (In Russ., abstract in Eng.).

Проблемы общества потребления во взаимосвязи с правовыми рисками

Термин «общество потребления» («консюмеризм») можно использовать в широком смысле для обозначения сдвига в социальной значимости акта потребления. Приобретение товаров и услуг уже не просто способ удовлетворения конкретных материальных потребностей, но самодостаточный процесс и даже цель жизни. С точки зрения аксиологии такие изменения генерируют систему общественных отношений, где высшей ценностью становится удовлетворение совокупности желаний индивида. В результате, если ранее труд и образование являлись необходимыми условиями самореализации человека, то сегодня это необязательное или вынужденное средство в процессе, направленном на максимизацию потребления.

В связи с увеличением пространства между актом производства товара и актом потребления всё большее значение приобретают отношения, которые складываются до непосредственного момента заключения гражданско-правовой сделки. Перенастройка правовой реальности связана с областями рекламы, мерчандайзинга, брендинга, новыми техниками продаж и т.д.

Происходящие преобразования имеют философскую, социально-экономическую и правовую перспективы рассмотрения. Необходимость конституционного ответа на новые вызовы приводит к трансформации всей правовой системы, включая гражданские, налоговые, трудовые и другие институты права.

Первой особенностью, непосредственно связанной с правовым регулированием, яв-

ляется размывание границ общественных интересов в результате *индивидуализации потребления*. Человек стремится обособиться в потреблении так, чтобы «не сливаться с толпой», внешний успех достигается путем деятельной конкуренции и победе одного над всеми. Такая модель поведения возникла не спонтанно: в кальвинизме отношения индивида с Богом не опосредованы какими-либо социальными институтами (будь то церковь, государство или общество). М. Вебер (1864—1920) в своей главной работе фиксирует, что средством удовлетворения материальных потребностей человека должно быть приобретение и на него должно быть направлено земное существование. Бедность же рассматривается как божья кара¹. В итоге характерными чертами иерархии ценностей общества потребления становятся гипертрофированный рационализм и лишенный каких-либо иллюзий индивидуализм, граничащий с эгоцентризмом. Учет общественных интересов в идеологической и правовой матрице современного общества отходит на второй план.

Провозглашение индивида, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2 Конституции России) создает предпосылки для снижения юридической ответственности отдельного человека, превращения общества в совокупность потребителей, отодвигающих интересы другого на задний план. Соответственно, увеличивается *социальная поляризация населения*. По данным World Wealth Report, в 2018 г. 1 % наиболее обеспеченных граждан России контролировали около 70 % общего благосостояния населения (учитываются все активы, кроме стоимости недвижимости, являющейся основным местом

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М. : Прогресс, 1990. С. 25.

жительства)². По этому показателю наша страна уверенно охраняет лидерство на протяжении нескольких последних лет.

На фоне такой сегментации общества стремление проигравших в гонке за материальный успех граждан к потреблению (но несколько иного уровня) не снижается. Широкие слои населения все чаще заключают гражданско-правовые сделки по приобретению в кредит бытовой техники, смартфонов, автомобилей и др. Средняя сумма кредита в России на потребительские цели по итогам 2018 г. выросла на 46 %; общее количество выданных кредитов составило более 30 млн; установлен исторический рекорд задолженности населения перед банками — 14,4 трлн руб.³ Так проявляется *трансформация финансово-кредитной системы*: в целях максимизации потребления появляются множественные предложения по кешбэку, системе бонусов, скидкам, картам постоянных покупателей. Происходит тотальное расширение системы кредитования со стороны банковских структур и микрофинансовых организаций.

Помимо социального расслоения, стремительно увеличивается «информационный разрыв»: растет дистанция между обладателями необходимой технологической, финансовой, экологической информации и теми, у кого ее нет. В результате этого разрыва развивается недоверие граждан к государственным институтам в период экономических и социальных кризисов. С точки зрения юриспруденции такие тенденции повышают актуальность права на информацию, например права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды (ст. 42 Конституции России).

Существенные преобразования происходят в *сфере торговых правоотношений*. Посещение супермаркетов становится значимой составляющей жизни человека, и если ранее обычаи торговой деятельности предполагали защиту потребителя от случайных покупок, то сегодня целые сферы общественных отношений преследуют противоположную цель. Человек покупает новую вещь чаще в результате морального, а не физического устаревания, что порождает ряд правовых проблем, связанных

с нарушением экологических прав, прав потребителя при реализации стратегии умышленного планового устаревания товара и т.п.

Всё больший удельный вес в цене товара занимает стоимость интеллектуальных прав. Зачастую она значительно превосходит затраты на приобретение комплектующих изделий и труд работников из стран третьего мира. *Формирование культа бренда* создает условия, при которых дорогостоящий «статусный» товар может не отличаться по техническим характеристикам от аналога, произведенного другими фирмами.

Правовое регулирование сферы исключительных и личных неимущественных прав осложняется результатами очередной информационной революции. Правоотношения чаще складываются в информационном пространстве (мобильные покупки, онлайн-обучение, социальные сети и пр.). Выход в виртуальную сеть связан с заключением гражданско-правовых сделок по предоставлению провайдерских и посреднических услуг, что требует особого внимания со стороны государственных органов. Неслучайно серьезную полемику вызывают любые варианты законопроектов об обеспечении безопасного функционирования сети Интернет.

Помимо перечисленных проблем культ потребления приводит к тому, что производственный процесс обеспечивается небольшой группой разработчиков, функции же остальной части населения сводятся к техническому сопровождению и оказанию вспомогательных услуг. В результате происходит отчуждение работника от процесса и результатов труда, а также его прекаризация, то есть подмена устойчивых социальных отношений негарантированными формами занятости. В целом снижаются требования к интеллектуальному развитию личности, что создает угрозу неспособности дать ответ на новые глобальные вызовы. Труд и образование перестают быть целью сами по себе, но становятся лишь средством достижения необходимого уровня благосостояния, одобряемого обществом статуса.

Перечисленные особенности во взаимосвязи с правовыми проблемами представлены в таблице.

² World Wealth Report 2018 // URL: <https://worldwealthreport.com/resources/world-wealth-report-2018> (дата обращения: 24.08.2019).

³ По данным Центрального банка РФ (URL: <https://www.cbr.ru/statistics> (дата обращения: 24.08.2019)).

**Соотношение социально-экономических особенностей
и правовых проблем в обществе потребления**

Социально-экономическая особенность	Правовая проблема	Отрасли права	Ответственный государственный орган
Крайняя индивидуализация потребления	Дисбаланс конституционно-правовой иерархии ценностей; снижение индивидуальной юридической ответственности	Конституционное, уголовное, административное	Высшие органы всех ветвей власти, Конституционный Суд РФ
Трансформация торговой сферы	Уязвимость «слабой» стороны гражданско-правовой сделки; необходимость изменения законодательства в сфере регулирования торговых отношений	Гражданское	Центральный банк РФ, Министерство финансов РФ
Концепция вещи как показателя статуса, а не средства удовлетворения потребности	Необходимость изменения базовых институтов гражданского права	Гражданское	Федеральное Собрание РФ
Трансформация финансово-кредитной системы	Увеличение количества недобросовестных кредитных организаций; рост мошеннических операций при заключении договоров	Гражданское, финансовое, налоговое	Федеральная антимонопольная служба, Центральный банк РФ
Социальное расслоение	Нарушение социальных и экономических прав человека; угроза основам конституционного строя	Конституционное, налоговое	Высшие органы всех ветвей власти, Конституционный Суд РФ
Завышение стоимости интеллектуальных прав в цене товара (культ бренда)	Необходимость урегулирования проблем исключительных и личных неимущественных прав	Право интеллектуальной собственности	Федеральная служба по интеллектуальной собственности, Министерство промышленности и торговли РФ
Расширение информационного пространства	Защита прав человека и государственных интересов в сети Интернет	Конституционное, гражданское	Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Новые подходы международного сообщества к преодолению вызовов эпохи потребления

Структурный кризис традиционной экономики из-за несоразмерного потребления был предсказан еще в 1970-х гг. после публикации доклада Римскому клубу «Пределы роста» о резуль-

татах моделирования влияния человечества на состояние окружающей среды⁴. В связи с очевидной ограниченностью природных ресурсов разработчики доклада поставили своей целью определить экономические и демографические пределы современной цивилизации при сохранении установившихся темпов потребления. Из

⁴ Meadows D. H., Meadows D. L. et al. The Limits to Growth. New York : Univers Books, 1972.

⁵ Медоуз Д. [и др.] Пределы роста. 30 лет спустя. М. : Академкнига, 2007. С. 16.

нескольких вариантов развития человечества на период до 2100 г. пять (в том числе наиболее вероятный) приводили к увеличению популяции до 10—12 млрд с последующим обвалом примерно до 1 млрд при резком снижении уровня жизни. Для исключения самых неблагоприятных сценариев эксперты предлагали прежде всего политические и правовые реформы, а не технологические изменения.

В 2004 г. была опубликована обновленная версия доклада «Пределы роста: 30 лет спустя»⁵, в которой констатируется значительное ухудшение ситуации за прошедший после выхода первого доклада период. По мнению авторов, человечество уже утратило шансы на благоприятные сценарии из-за недопустимого отношения к экосистемам Земли. Выводы специалистов подтвердили подход, согласно которому экономическая, социальная и экологическая эволюция являются гранями одного процесса. Вот почему привычное понимание прогресса человечества исключительно как технического прогресса является устаревшим, а концепция «приоритета экономического развития» вызывает все больше вопросов.

Доклад «Пределы роста» оказал влияние на ряд программных документов международных организаций. В рамках этого процесса в Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию⁶, принятой на конференции ООН в 1992 г., получила институциональное закрепление концепция устойчивого развития. Подобный перевод с английского языка выражения sustainable development нельзя признать безупречным, так как слово sustainable, помимо характеристики устойчивости, содержит указание на способность к продолжению, обеспечение учета будущих потребностей, подкрепление извне, экологическую рациональность, гармоничность, приемлемость и пр.⁷ В связи с этим более удачными переводами рассматриваемого явления представляются «соразмерное» или «сбалансированное» развитие, в котором мерами будут объективные показатели возможного потребления природных и социальных ресурсов. Впервые этот термин был озвучен Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию (известной как комис-

сия Брундтланд — по имени председателя Гру Харлем Брундтланд), созданной ООН в 1983 г. по причине «быстрого ухудшения состояния окружающей среды, человека и природных ресурсов и последствий ухудшения экономического и социального развития»⁸. Суть этого вида развития предполагает разумное ограничение потребления человека ради ценностей, имеющих приоритетное значение для нынешнего и будущего поколений. *Составными частями устойчивого развития являются социальный, экологический и экономический прогресс.*

Экономическая составляющая устойчивого развития исходит из теории максимального потока совокупного дохода Хикса — Линдаля, которая предполагает ограничение потребления человеком невозобновляемых ресурсов в целях сохранения капитала, необходимого для производства. Экологическая составляющая направлена на сохранение целостности природных систем. Социальная составляющая устойчивого развития предполагает противодействие социальному расслоению в странах. Согласование этих трех составляющих является основной задачей практической реализации устойчивого развития. Важны также и механизмы взаимодействия этих трех концепций.

Холистический подход к этим составляющим обусловил новые пути разрешения таких задач, как взаимодействие стоимостной оценки и интернализации воздействий производителей на окружающую среду (экономическая и экологическая составляющие); установление справедливых принципов торгово-экономической деятельности при оказании помощи бедным слоям населения (экономическая и социальная составляющие); участие граждан в обсуждении ряда экологических проблем, соблюдение прав человека будущих поколений (социальная и экологическая составляющие) и т.д.

По итогам Саммита Земли 1992 г. в Рио-де-Жанейро был принят программный документ «Повестка дня на XXI век», который формализовал основные положения концепции устойчивого развития через положения о необходимости изменения структур потребления. Согласно выводам «Повестки дня на XXI век» для сокращения потерь в процессе производства и решения

⁶ Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (принята на конференции ООН в г. Рио-де-Жанейро 14.06.1992) // Международное публичное право : сборник документов. М. : Бек, 1996. Т. 2. С. 135—138.

⁷ Англо-русский словарь по экологии // URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 24.08.2019).

⁸ Peter A. V. Managing without Growth. Slower by Design, not Disaster. L. : Edward Elgar Publishing, 2008. P. 47.

социальных задач требуется комплексная стратегия, направленная на изменение структуры спроса, для разработки на ее базе согласованной международной и национальной политики. При этом ставятся под сомнение традиционные концепции экономического роста и отмечается необходимость поиска новых стратегий, учитывающих важность сохранения природного капитала и разрешения проблем социальных диспропорций. «Повестка дня на XXI век» призывает правительства стран и транснациональные корпорации приложить все усилия для укрепления и активной пропаганды системы ценностей, поощряющих рациональный образ жизни и соразмерное потребление.

В дальнейшем аксиологическая теория устойчивого развития уточнялась в Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций от 08.09.2000⁹, согласно которой для международных отношений в XXI в. будет иметь существенное значение ряд фундаментальных ценностей:

- 1) уважение к природе (современные модели потребления должны быть изменены в интересах выживания человечества и будущего благосостояния);
- 2) солидарность (разрешение глобальных проблем осуществляется на многосторонней основе);
- 3) социальная справедливость (честное распределение бремени на основе фундаментального принципа равенства);
- 4) общность обязанностей (разрешение ряда проблем осуществляется с привлечением к ответственности государственных и коммерческих организаций, индивидов).

Концепция устойчивого развития нашла воплощение еще в одном документе, утвержденном Резолюцией ООН от 25.06.2015, — «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»¹⁰. Документ содержит 17 глобальных целей и 169 тактических задач. К числу основных целей относится обеспечение рациональных моделей потребления и производства, снижение уровня неравенства внутри стран и между ними, рациональное использование

океанов и морских ресурсов, защита экосистем суши и др.

Таким образом, международные соглашения все активнее призывают к пониманию того факта, что экологические, экономические и социальные проблемы — это вопросы всеобщего участия. Однако, несмотря на то, что перечисленные международные акты подписаны более чем 150 странами, реальные шаги по воплощению в жизнь концепции устойчивого развития незначительны, так как вступают в противоречие с принципами экономики общества потребления, направленными на неограниченный рост в целях максимизации продаж.

О моделировании конституции соразмерного развития в условиях общества потребления

Трансформация общественных отношений в эпоху потребления требует неизбежной перенастройки социальных регуляторов. Правовые институты и нормы национального законодательства становятся не просто инструментом, обеспечивающим соответствие правовой реальности фактическим условиям жизни социума, но объектом воздействия с его стороны, в результате которого происходит преобразование механизмов формирования и функционирования права.

Сегодня законотворческие органы концентрируются в основном на разрешении узких вопросов регулирования новых аспектов общественных отношений (повышение безопасности электронной торговли, хранения большого объема информации и т.п.). При этом используются традиционные инструменты правового регулирования, не обеспечивающие фиксацию базовых принципов, ценностей, целевых установок. Представляется важным привлечение внимания исследователей к разработке долгосрочных актов стратегического планирования, закрепляющих новые принципы сбалансированного развития общества. Речь не идет об обязательном изменении Основного закона страны; способствовать указанной перенастройке могут современные технологии правового прогнози-

⁹ Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций (принята 08.09.2000 Резолюцией 55/2 на заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations (дата обращения: 24.08.2019).

¹⁰ Преобразование нашего мира : Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (принята 25.09.2015 Резолюцией 70/1 на заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 24.08.2019).

рования, юридического моделирования и проектирования, оценки регулирующего воздействия и др.

Как уже отмечалось, международное сообщество один из путей противодействия рискам консюмеризма видит в разработке концепции устойчивого развития — процессе экономических и социальных изменений, при котором использование экологических ресурсов, научно-технические исследования эволюции личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и способствуют удовлетворению потребностей как нынешних, так и будущих поколений. *Согласно этой теории преодоление последствий общества потребления на национальном уровне возможно через глубокое преобразование системы конституционно-правовых ценностей, целей и принципов; а именно через переход от распространенных либерально-рыночных моделей конституций к модели конституции соразмерного развития, ориентированной на социальное и экологическое благополучие.*

Особое значение здесь приобретает принцип интегративности, который предполагает возможность сопряжения экономической, экологической и социальной частей системы в целях эффективного решения ее задач. В любом случае элементы рассматриваемой системы не должны быть противопоставлены друг другу: социальное благополучие не является альтернативой свободе экономической деятельности, продуманная экологическая политика не означает автоматического банкротства производственных предприятий и т.п.

Экология, экономика и социальная сфера — это условно обособленные части, но части единой системы. Нельзя рассматривать экологические проблемы в отрыве от производственной модели и основных форм социального устройства. Социальная ориентация конституционно-правового регулирования проявляется в признании социальной функции собственности и экономической деятельности и т.д. Все три составляющие конституционной модели и входящие в них элементы являются прочно связанными друг с другом «кирпичиками», с четко определенным местом, функцией, назначением¹¹. Так, положение Основного за-

кона об обязанности государственных органов содействовать обеспечению развития здоровой окружающей среды и прав населения на принятие решений по вопросам, связанным с собственной жизненной средой (например, ст. 20 Конституции Финляндии 1999 г.¹²), — это не просто правовая норма экологического содержания, но регулятор, который организует всю конституционную структуру, не только определяет характер использования демократических институтов для принятия решений в сфере защиты окружающей среды, но и неизбежно воздействует на совокупность экономических и социальных отношений.

Взаимосвязь экономических, экологических и социальных конституционных норм очевидна и требует исследования многообразия и сложности всех основополагающих частей общественных отношений с позиции теории систем, то есть в качестве относительно обособленных частей, находящихся друг с другом в сложных интерреляциях. Модель единой системы конституционного регулирования и соотношение ее частей определяется ценностными установками и иными характеристиками. Архитектоника рассматриваемой системы является сложной и многоуровневой, где у каждой составляющей имеются собственные цели, функции и задачи. При этом изменение в одной группе элементов через сложные звенья взаимосвязи могут вызвать «эффект бабочки» в других элементах.

Ключевые вопросы взаимовлияния различных подсистем будут касаться выбранной идеологии, ценностей и пределов вмешательства государства в общественные отношения. Проводимая в России экономическая политика после принятия Конституции 1993 г. характеризуется непоследовательностью в данном вопросе: в разных периодах ей были свойственны взаимоисключающие элементы монетаризма, кейнсианства, нового институционализма, индикативного планирования. Само по себе чередование различных методов регулирования на определенных этапах оправданно, но при условии проработанного плана и единого понимания стратегии развития государства.

Сердцевиной современной правовой идеологии является индивидуализм, в своих крайних проявлениях порой близкий к гедонизму.

¹¹ Андреева Г. Н. Социально-ориентированная рыночная модель экономической конституции: постановка проблемы // Публично-правовое регулирование экономических отношений. 2010. № 2. С. 4—59.

¹² Конституция Финляндии от 11.06.1999 // URL <https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1999/ru19990731.pdf> (дата обращения: 24.08.2019).

В России ключевое значение для сохранения рисков общества потребления имеет статья 2 Основного закона, провозглашающая человека, его права и свободы высшей ценностью. В других нормах действующей Конституции статья 2 раскрывается за счет ряда неоднозначных положений о соотношении ценностей потребления и личных прав, с одной стороны, и ценностей труда и конституционно-правовых обязанностей, с другой. Например, актуальное значение при консюмеризме имеет коллизия конституционного принципа свободы экономической деятельности и принципа общего блага. Статья 8 гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции. В то же время этот принцип не предполагает обязательного учета общественных и государственных интересов. И хотя статья 55 Конституции содержит определенные ограничения, само понятие «общее благо» в Основном законе России не встречается.

Разрешение подобной конституционно-правовой полифонии на практике часто происходит с учетом приоритета индивидуальных, а не общественных интересов. В то же время России традиционно не были свойственны ценности безграничного индивидуализма, утилитаризма, общества потребления. Иной подход, отрицающий крайний индивидуализм и безграничное потребление, в течение всей истории России проецировался на важнейшие правовые институты (от генезиса органов государственной власти до функционирования гражданского общества). Не является исключением и Основной закон страны, который неизбежно отражает национальную культуру, совокупность этических и эстетических представлений населения о должном и сущем.

Вот почему, *помимо трех составляющих сформированной концепции устойчивого развития (экономической, экологической, социальной), в российской стратегии конституционного регулирования следует уделить внимание также этическим и эстетическим основаниям общественных отношений.*

Прежде всего в условиях рисков общества потребления существенное значение в конституционно-правовом регулировании приобрета-

ют вопросы этики. Именно из-за различий в их понимании происходит некоторое разветвление путей развития конституционного права. Так, в США и Великобритании под влиянием И. Бентама прочно укрепился конституционно-правовой принцип свободы экономической деятельности, которая является одним из основных постулатов утилитаризма. В Европе же интерференция учения И. Канта и других классических философов обусловила ограниченное стремление к эффективности в правовой этике. В результате нормы о свободе договора и защите собственности включены в текст Конституции США еще несколько столетий назад, а положений о социальной справедливости, солидаризме или доверии между членами общества нет до сих пор. Своеобразие конституционно-правовых институтов и положений других стран подтверждает, что не все они пригодны для моделирования российской конституционной системы.

Неслучайно самым значимым и цитируемым юристом¹³ США остается Ричард Познер, автор теории максимизации благосостояния (капиталистической концепции справедливости). Начиная с первого издания своего *magnum opus* ученый указывает на то, что истоки экономического анализа права следует искать в утилитаризме, и приходит к показательному выводу: «Теория человеческого поведения по утилитаризму Бентама является синонимом экономической теории. Удовольствие — это ценность, страдание — это убытки»¹⁴. Р. Познер, как практикующий судья, понимал, что такой подход имеет определяющее влияние на конституционную, уголовную и гражданскую отрасли права. Его концепция максимизации благосостояния измеряется исключительно в деньгах, само понятие «благосостояние» расшифровывается как «стоимость в долларах или долларовой эквиваленте... всего в обществе. Оно измеряется готовностью людей заплатить за благо или, если они уже им владеют, тем, сколько им нужно денег, чтобы отказаться от него. Единственный вид предпочтения, который учитывается в системе максимизации благосостояния, — это тот, что поддержан деньгами, или, другими словами, зарегистрирован на рынке»¹⁵. При обосновании своей теории По-

¹³ Shapiro F. R. The Most-Cited Legal Scholars // Journal of Legal Studies. University of Chicago Press. 2000. Vol. 29 (1). P. 409.

¹⁴ Posner R. A. Economic Analysis of Law. 1st ed. Boston, 1972. P. 357.

¹⁵ Posner R. A. Utilitarianism, Economics, and Legal Theory // The Journal of Legal Studies. 1979. Vol. 8. P. 119.

знер разделяет рынки на эксплицитные и имплицитные. На первых рынках происходит привычный нам денежный обмен товаров (услуг), на вторых обмениваются предметы и средства, связанные с браком, воспитанием детей, дружбой. В данном контексте последователен вывод ученого, что прежде всего должны поощряться протестантские добродетели, направленные на экономическое благополучие. Соответственно, правовая теория максимизации благосостояния Р. Познера сочетается с экономической теорией о «невидимой руке» А. Смита и концепциями свободного рынка М. Фридмана или Ф. Хайека. Однако наша страна была и остается пространством, в котором решающую мотивационную роль играют несколько иные ценности — справедливости, доверия, общего блага, благотворительности, эмпатии, сострадания.

Различные этические основания отражаются в экономической, социальной и конституционно-правовой сферах. Конституция неизбежно становится полем столкновения ценностей различной природы: принцип свободы экономической деятельности имеет экономический генезис, ценность социального государства — этический. *При коллизии конституционно-правовых принципов взвешиванию подлежат не они сами по себе, но во взаимосвязи с целыми сферами человеческой жизнедеятельности, которые их питают.* Это следует учитывать, переходя к рассмотрению последней составляющей предлагаемой модели конституции соразмерного развития — эстетической. Выделение этой части обусловлено истоками западной цивилизации, возникшими в античном мире и сохранившими свое значение для России.

Именно особое восприятие эстетической составляющей бытия привело к тому, что в античном миропонимании главенствующими категориями стали мера и размеренность, симметрия, ритм и гармония¹⁶. Стремление к согласованному равновесию всех элементов природы и общественных структур характерно для виднейших представителей ранней (Гераклит, Пифагор), высокой (Платон), поздней (Аристотель) классики, эллинизма (Плотин, Прокл), для римских мыслителей (Сенека, Марк Аврелий). Позднее идеи гармонии и соразмерности через испытанное влияние Платона Августина Аврелия и последователя Аристотеля

Фому Аквинского были восприняты в христианской, том числе православной, культуре.

Для Древней Греции характерно представление о мире как о сбалансированном организме, универсальном космосе, подчиненном закономерностям (логос для Гераклита, нус для Анаксагора, надмирные эйдосы для Платона и т.д.). Соответственно, эстетическое для древних греков — это не просто красивое, но закономерное с точки зрения бытия. Эстетика в античной традиции — это в первую очередь мастерство фактического ремесла, куда относится не только медицина и плотничье дело, но и право и политика (ведь мы творим не только вещи, но мысли, образы, идеи¹⁷). Поэтому по-гречески понятия «искусство», «ремесло» и «наука» передаются одним и тем же словом *techne*.

Расположение на вершине иерархии ценностей ремесла и науки — важный, но отодвинутый в обществе потребления фактор развития, который имеет значение для конституционного права. Например, в ст. 37 Конституции России закреплено право граждан на отдых, но отсутствует прямая фиксация права на труд. Законодатель выбрал обтекаемые формулировки о том, что труд свободен, каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями, выбирать род деятельности и профессию. Или статья 7 Основного закона в первую очередь провозглашает право на «достойную жизнь», а только затем содержит положения о труде и ряде социальных гарантий и т.д. Анализируя же античную традицию, можно говорить не просто о нераздельности ремесла, науки, искусства, природы, но об отождествлении перечисленных понятий с самой жизнью¹⁸.

Обратный процесс происходит в эпоху потребления, он связан с последовательным отчуждением и отделением — человека от природы, человека от труда, человека от общества, человека от государства, человека от человека. Здесь следует поставить вопрос о различии в базовой методологии миропонимания: для античного восприятия свойственно сопряжение ряда сфер, которые современный человек привык рассматривать автономно. Человек в Древней Греции еще не провозглашен «венцом природы», не выделяет себя из окружающей среды, но воспринимается ее частью. И если

¹⁶ Лосев А. Ф. История античной эстетики : в 8 т. М. : АСТ; Х. : Фолио, 2000. Т. 1 : Ранняя классика. С. 452.

¹⁷ Лосев А. Ф. Указ. соч. С. 243—244.

¹⁸ Лосев А. Ф. Указ. соч. С. 242.

начиная с Нового времени целью человечества было подчинение природы, то античная философия выросла из интереса к пониманию природы как таковой и осознанию места в ней индивида и социальных институтов. Именно подобная концепция приобретает актуальность в условиях глобальных вызовов современности и, следовательно, при моделировании конституции соразмерного развития.

Выводы, которые позволяет сформулировать проведенное исследование:

1. Правовое противодействие международных организаций рискам консюмеризма базируется на концепции устойчивого развития — совокупности социальных, экономических и экологических мер, согласованное использование которых направлено на рациональное потребление ресурсов и преодоление кризисных явлений в интересах будущих поколений.
2. Так как некоторые аспекты концепции устойчивого развития вступают в противоречие с принципами экономики общества потребления, требуется перенастройка национальной системы права, закрепление новых подходов к конституционным ценностям, целям и принципам. Необходимо исследование правовых вопросов перехода от либерально-рыночных моделей конституций к модели конституции соразмерного развития, ориентированной на социальное и экологическое благополучие.
3. С учетом национального своеобразия России предлагаемая модель конституции соразмерного развития предусматривает регулирование процесса последовательных изменений общественных отношений через конструирование экономической, экологической, социальной, этической, эстетической составляющих.
4. Взаимосвязь всех пяти составляющих модели требует исследования многообразия и сложности основополагающих социальных институтов с позиции теории систем, то есть в качестве относительно обособленных частей, находящихся друг с другом в сложных интерреляциях. Ключевые вопросы корреляции различных подсистем будут касаться выбранной идеологии, ценностей и пределов вмешательства государства в общественные отношения.
5. Контуры модели конституции соразмерного развития обусловлены правовыми механизмами реализации приоритета конституционных ценностей общего блага, труда, науки, справедливости, доверия, эмпатии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреева Г. Н. Социально ориентированная рыночная модель экономической конституции: постановка проблемы // Публично-правовое регулирование экономических отношений. — 2010. — № 2. — С. 4—59.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — М.: Прогресс, 1990.
3. Лосев А. Ф. История античной эстетики : в 8 т. — М.: АСТ; Х.: Фолио, 2000. — Т. 1 : Ранняя классика.
4. Медоуз Д. [и др.] Пределы роста. 30 лет спустя. — М.: Академкнига, 2007.
5. Meadows D. H., Meadows D. L. et al. The Limits to Growth. — New York: Unvers Books, 1972.
6. Peter A. V. Managing without Growth. Slower by Design, not Disaster. — L.: Edward Elgar Publishing, 2008.
7. Posner R. A. Economic Analysis of Law. — 1st ed. — Boston, 1972.
8. Posner R. A. Utilitarianism, Economics, and Legal Theory // The Journal of Legal Studies. — 1979. — Vol. 8.
9. Shapiro F. R. The Most-Cited Legal Scholars // Journal of Legal Studies. University of Chicago Press. — 2000. — Vol. 29 (1).

Материал поступил в редакцию 15 октября 2019 г.

REFERENCES

1. Andreeva GN. Sotsialno orientirovannaya rynochnaya model ekonomicheskoy konstitutsii: postanovka problemy [Socially oriented market model of the economic constitution: A statement of the problem]. *Publichno-pravovoe regulirovanie ekonomicheskikh otnosheniy*. 2010;2:4-59. (In Russ.)
2. Weber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. Moscow: Progress; 1990. (In Russ.)
3. Losev AF. Istoriya antichnoy estetiki: v 8 t. [History of Antique Aesthetics: in 8 vol]. Vol. 1. Moscow: AST; Folio; 2000. (In Russ.)
4. Meadows D. *et al.* Predely rosta. 30 let spustya [Limits of Growth. 30 years later]. Moscow: Akademkniga; 2007. (In Russ.)
5. Meadows DH, Meadows DL, *et al.* The Limits to Growth. New York: Univers Books; 1972. (In Russ.)
6. Peter AV. Managing without Growth. Slower by Design, not Disaster. London: Edward Elgar Publishing; 2008. (In Russ.)
7. Posner RA. Economic Analysis of Law. 1st ed. Boston; 1972.
8. Posner RA. Utilitarianism, Economics, and Legal Theory. *The Journal of Legal Studies*. 1979;8.
9. Shapiro FR. The Most-Cited Legal Scholars. *Journal of Legal Studies*. University of Chicago Press. 2000;29(1).

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.029-040

Е. В. Лунева*

Использование общедоступных информационных технологий в защите экологических прав и прав на природные ресурсы

Аннотация. Показано отсутствие единства судебной практики по применению бесплатных геоинформационных систем и картографических сервисов, основанных на спутниковых снимках высокого разрешения, в сфере защиты экологических прав и прав на природные ресурсы.

Сформулированы дополнительные критерии относимости и достоверности общедоступных спутниковых снимков и частей цифровых карт при использовании их в качестве доказательств по исследуемой категории дел. К дополнительным критериям относимости таких доказательств следует причислить: 1) наличие географических координат или самостоятельная их географическая привязка с помощью уже используемой или иной программы при сопоставлении с другими снимками или цифровыми картами; 2) указание на дату съемки; 3) качество (четкость, высокое разрешение, отсутствие облачности, туманов и иных визуальных «препятствий»), позволяющее информационно «читать» спутниковый снимок, часть цифровой карты.

К дополнительному критерию достоверности таких доказательств следует относить возможность их «двойной» проверки. Во-первых, проверка соответствия распечатки или скриншота страницы сайта сети «Интернет», содержащих изображение общедоступного спутникового снимка или части цифровой карты, самому спутниковому снимку или части цифровой карты с помощью указанных даты, географических координат и масштаба. Во-вторых, проверка соответствия информации об обстоятельствах, отраженной на общедоступных спутниковых снимках и частях цифровых карт, действительным обстоятельствам.

В правоприменительной практике выявлены противоположные подходы к скриншотам страниц сайтов сети «Интернет» как доказательствам. Показано, что дополнительным критерием относимости указанных скриншотов в качестве доказательств по исследуемой категории дел является их информационная достаточность.

Ключевые слова: природные ресурсы; земельные участки; общедоступные геоинформационные системы; картографические сервисы; цифровые карты; спутниковые снимки; Google Earth Pro; «SAS.Планета»; скриншот; относимость; допустимость; достоверность.

Для цитирования: Лунева Е. В. Использование общедоступных информационных технологий в защите экологических прав и прав на природные ресурсы // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 5. — С. 29—40. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.029-040.

The Use of Public Information Technologies in Protection of Environmental Rights and Rights to Natural Resources

Elena V. Luneva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Environmental, Labour Law and Civil Procedure, Kazan (Volga) Federal University
ul. Kremlevskaya, d. 18, Kazan, Russia, 420008
vilisa_vilisa@mail.ru

Abstract. The paper concludes that there is a lack of uniform judicial practice concerning the use of free geoinformation systems and cartographic services based on high-resolution satellite images in the field of protection of environmental rights and rights to natural resources.

© Лунева Е. В., 2020

* Лунева Елена Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета
Кремлевская ул., д. 18, г. Казань, Россия, 420008
vilisa_vilisa@mail.ru

The author has defined additional criteria of relevance and reliability of public satellite images and parts of digital maps when they are used as evidence in the category of cases under consideration. Additional criteria for the relevance of such evidence should include: (1) the existence of geographical coordinates or their independent georeferencing and gridding by means of an existing or other program when compared with other images or digital maps; 2) indication of the date of shooting; 3) quality (clarity, high resolution, absence of clouds, fog and other visual “obstacles”), which allows us to “read” satellite image and parts of the digital map.

An additional criterion for the credibility of such evidence should include the possibility of “double” verification. First, one needs verifying that the printout or screenshot of a page of the Internet site containing an image of a public satellite image or a part of a digital map correspond to the satellite image itself or a part of a digital map using the specified date, geographic coordinates, and scale. Second, one needs verifying that the information about circumstances recorded in public satellite images and parts of digital maps corresponds to the actual circumstances.

In law enforcement, approaches contrary to screenshots of pages of Internet sites used as evidence have been determined. It is shown that the additional criterion of evidentiary relevance of screenshots in cases under consideration is characterized as sufficient.

Keywords: natural resources; land plots; geoinformation systems; map services; digital maps; satellite imagery; Google Earth Pro; SAS.Planet; screenshot; relevance; admissibility; reliability.

Cite as: Luneva EV. Ispolzovanie obshchedostupnykh informatsionnykh tekhnologiy v zashchite ekologicheskikh prav i prav na prirodnye resursy [The Use of Public Information Technologies in Protection of Environmental Rights and Rights to Natural Resources]. *Lex russica*. 2020;73(5):29—40. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.029-040. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Преимущество использования информационных технологий в цивилистическом процессе обуславливается повышением его эффективности и рациональности¹. Среди информационных технологий особое место занимают электронные средства доказывания. В юридической науке показана их классическая сущность, на которую не влияет внешняя форма «цифрового» доказательства, определены пределы и особенности трансформации процесса доказывания под влиянием электронных средств доказывания, проведена их систематизация². Однако отсутствуют юридические исследования в отношении использования таких электронных средств доказывания, как общедоступные информационные технологии, включая бесплатные геоинформационные системы (далее — ГИС) и картографические сервисы, основанные на спутниковых снимках высокого разрешения. Наиболее часто к общедоступным информационным технологиям в качестве доказательств обращаются по спорам, связанным с защитой

экологических прав и прав на природные ресурсы. Поэтому проблематика их использования для установления фактических обстоятельств по земельным и экологическим спорам, а также способов фиксации представляется актуальной, своевременной и востребованной.

Необходимость использования бесплатных ГИС и картографических сервисов, помимо публичных кадастровых карт, объясняется судами тем, что исходя из «...приказа Минэкономразвития России от 17.03.2016 № 145 “Об утверждении состава сведений, содержащихся в кадастровых картах” данные о расстоянии между объектами на публичных кадастровых картах не воспроизводятся»³. Имеющиеся в публичной кадастровой карте инструменты измерения (определение координат точки, расстояний и площадей) характеризуются ограниченной функциональностью. Публичная кадастровая карта предназначена для получения относительно узкого круга общедоступной информации, в частности о границах земельных участков, категории земель, разрешенном использовании земельных участков, кадастро-

¹ См.: Фокина М. А. Доказательственное право в цивилистическом процессе: нереализованные возможности // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 29—46.

² См.: Голубцов В. Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 170—188.

³ Апелляционное определение ВС Республики Карелия от 27.04.2018 № 33а-1000/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

вых номерах и стоимости, форме собственности на земельные участки, здания, сооружения, объекты незавершенного строительства (собственность физических и юридических лиц, собственность публично-правовых образований), о контурах зданий, сооружений или объектов незавершенного строительства⁴. Поэтому к бесплатным ГИС и картографическим сервисам, часть из которых позволяет подсчитывать расстояния и площади территорий, различных объектов, включая объекты, не отнесенные к категории недвижимости, в разные временные периоды, а также производить иные геопространственные манипуляции, все чаще обращаются при выстраивании тактики защиты экологических прав и прав на природные ресурсы.

Основные общедоступные информационные технологии, используемые в защите экологических прав и прав на природные ресурсы

Существуют разные бесплатные ГИС и картографические сервисы: Google Earth Pro, «SAS.Планета», «Яндекс.Карты», Google Maps, «Дубль-ГИС» и др. Применительно к общедоступным информационным технологиям проблематика относимости, допустимости и в особенности достоверности содержащихся в них и получаемых с их помощью новых сведений выражена намного сильнее по сравнению с лицензионными программными продуктами⁵.

1. ГИС Google Earth Pro — общедоступный периодически обновляемый картографический сервис, предназначенный для наглядного представления геоинформации в виде как исторических, так и актуальных фотореалистичных изображе-

ний, снятых со спутника. На экране монитора персонального компьютера при перемещении курсора по фактическому изображению Земли всегда отображается дата съемки, географические координаты, высота над уровнем моря и высота камеры над уровнем моря.

Из интерфейса программы Google Earth Pro следует, что с ее помощью можно сравнивать карты местности в разные временные промежутки, анализировать рельеф, просматривать реалистичную 3D-модель ряда городов и стран, определять расстояние и площади, рассматривать модели зданий, исследовать океан, оценивать места обитания различных видов животных, места накопления отходов, изменения ландшафта местности и многое другое. Информационные ресурсы Google Earth Pro используются для расчета площади нарушенных земель⁶, поиска участков с вырубками лесов и гарями⁷, выявления ландшафтной динамики⁸, а также для решения целого спектра иных задач.

В судебном процессе по экологическим и земельным спорам в широком их понимании ГИС Google Earth Pro задействуется в двух основных направлениях.

Во-первых, указанный общедоступный программный комплекс используют при проведении экспертных исследований. Например, с помощью сопоставления спутниковых снимков Google Earth Pro в рамках экспертного исследования был определен временной период монтажа двух водонапорных башен⁹.

Во-вторых, сведения, содержащиеся в Google Earth Pro, часто применяют как самостоятельные электронные доказательства в соответствующих категориях дел. Например, в споре о признании недействительными до-

⁴ Приказ Минэкономразвития России от 17.03.2016 № 145 (ред. от 13.09.2019) «Об утверждении состава сведений, содержащихся в кадастровых картах» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 25.

⁵ См.: Лунева Е. В. Использование лицензионных геоинформационных систем в защите экологических прав и прав на природные ресурсы // Экологическое право. 2020. № 2. С. 20—26.

⁶ См.: Никифоров А. А., Миронова С. И. Технологическая трансформация ландшафтов Западной Якутии // Наука и образование. 2016. № 2 (82). С. 142.

⁷ См.: Пугачев Н. А. Дистанционный мониторинг гарей и вырубок в пригородных лесах Твери // География, экология, туризм: научный поиск студентов и аспирантов : материалы VII Всерос. науч.-практ. конференции. Тверь, 2019. С. 42.

⁸ См.: Conesa F. C., Madella M., Balbo A. L., Galiatsatos N., Rajesh S. V., Ajithprasad P. CORONA Photographs In Monsoonal Semi-Arid Environments: Addressing Archaeological Surveys and Historic Landscape Dynamics Over North Gujarat, India // Archaeological Prospection. 2015. Т. 22. № 2. С. 75—90.

⁹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 15.08.2019 по делу № А64-4857/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

говоров купли-продажи земельных участков с объектами незавершенного строительства и применении последствий их недействительности были использованы данные Google Earth Pro для выявления фактических состояний дома в период с 2010 по 2014 г. (от строительства фундамента дома до подведения его под крышу и возведения сопутствующих построек)¹⁰.

В то же время суды по-разному относятся к применению информации, получаемой с помощью Google Earth Pro в качестве доказательств. Во многих случаях суды признают ее надлежащим доказательством.

Так, в мотивировочной части решения по делу о признании незаконным предписания Россельхознадзора об устранении нарушений требований земельного законодательства суд ссылается на спутниковые снимки из Google Earth Pro¹¹. Сопоставление спутниковых снимков Google Earth Pro разного времени позволили доказать факт образования траншеи после оформления земельных участков в собственность юридического лица.

Судом апелляционной инстанции были приобщены спутниковые снимки Google Earth Pro за 2003 г. к материалам дела о взыскании долга по договору аренды земельного участка, его расторжении, передаче по акту приема-передачи земельного участка в надлежащем санитарном состоянии и об обязанности провести рекультивацию. Указанные спутниковые снимки подтвердили тождественность городской свалки и спорного земельного участка¹².

В апелляционной жалобе юридическое лицо обращало внимание на недоказанность нахождения загрязненного нефтепродуктами земельного участка в пределах горного отвода ранее действовавшего нефтяного месторождения, поскольку географические координаты

снимков, полученных из Google Earth Pro до 2013 г., не являются относимыми доказательствами по делу. Они не позволяют соотнести данные фотокопии с земельными участками и находящимися на них объектами¹³. Однако суд апелляционной инстанции, придя к выводу о доказанности всех обстоятельств дела, не принял во внимание доводы апелланта и отказал в удовлетворении поданной им жалобы.

В других случаях встречается диаметрально противоположное отношение судов к сведениям, получаемым с помощью Google Earth Pro. Показательна ситуация отклонения судами фотографии из Google Earth Pro, поскольку она не является официальным интернет-ресурсом, содержащим информацию, достоверность которой обеспечивает и проверяет соответствующий орган власти либо иная организация¹⁴.

При расхождении снимков из Google Earth Pro с другими документами такие снимки, как правило, не признаются судом в качестве надлежащих доказательств. В деле об обязанности освободить самовольно занятый земельный участок довод ответчика со ссылкой на снимки из Google Earth Pro о том, что часть территории, истребуемой к освобождению, уже была застроена и использовалась иными лицами, судом отклонен, поскольку снимки «противоречили» акту проверки, протоколу об административном правонарушении и вступившему в законную силу решению суда¹⁵.

Обратим внимание на то, что спутниковые снимки из Google Earth Pro в меньшей степени подвержены субъективному фактору по сравнению с письменными документами, в которых события, ход действий и обстоятельства фиксируются человеком, и могут быть намеренно искажены. Учеными в области прикладных наук, занимающимися ГИС, признается, что

¹⁰ Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 05.10.2018 по делу № А17-1295/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 08.08.2019 по делу № А74-2407/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 06.05.2019 по делу № А16-2450/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.07.2019 по делу № А32-6421/2019 // URL: http://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/91f82cfe-89a7-40d4-abac-8bdfbf3dab92/07adf3d3-d111-4cd8-96c6-a57cd7057ff3/%D0%9032-6421-2019__20190724.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 18.12.2019).

¹⁴ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.04.2018 по делу № А45-14860/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 21.11.2018 по делу № А19-12779/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

в расчетах с применением программы Google Earth Pro удастся избежать погрешностей, возникающих при использовании топографических карт¹⁶. Поэтому вопрос о возможном приоритете спутниковых снимков из Google Earth Pro перед иными доказательствами является актуальным и требует своего решения.

2. Поисково-информационные картографические службы «Яндекс.Карты», Google Maps используются в судебной практике менее активно по сравнению с ГИС Google Earth Pro, обладающей более полной и гибкой функциональностью. «Яндекс.Карты», Google Maps применяются при доказывании пространственно-территориального расположения земельных участков, иных объектов недвижимости, рекламных конструкций и др.

Например, по спору о признании недействительным договора аренды земельного участка, заключенного между предпринимателем и администрацией муниципального района, исследовав и оценив в совокупности представленные документы, включая «Яндекс.Карты», суды пришли к правильному выводу о том, что земельный участок расположен в пределах автомобильной дороги¹⁷, являющейся собственностью городского поселения. Получается, что с помощью цифровых технологий было доказано предоставление земельного участка в аренду ненадлежащим лицом.

В спорах о нарушении правил благоустройства на основании приобщенной к материалам дела распечатки страницы сайта «Яндекс.Карты», содержащей информацию о взаиморасположении объектов капитального строительства, судами установлено, что спорный многоквартирный дом не является угловым¹⁸. В результате было признано недействительным предписание об устранении незаконно размещенных на многоквартирном доме рекламных конструк-

ций, поскольку сведений рекламного характера они не содержали, а выполняли функцию уличных вывесок.

В другом деле спутниковой съемкой местности «Яндекс.Карты» было доказано отсутствие иной возможности организации подъездных путей к складским зданиям юридического лица. Суд пришел к выводу о том, что работы, выполненные юридическим лицом, непосредственно связаны с его деятельностью, и удовлетворил требование о признании недействительным решения налогового органа¹⁹.

По спору об отмене решения об отказе в продлении разрешения на строительство суды указали, что в материалы дела представлены документы, включая спутниковый снимок с сайта «Яндекс.Карты», подтверждающие начало строительных работ²⁰. Предъявленное требование было удовлетворено. При этом судами признается, что использование в качестве доказательств программы «Яндекс.Карты», содержащей панорамные снимки и являющейся общедоступной информацией из сети «Интернет», не противоречит законодательству²¹.

К существенному недостатку применения «Яндекс.Карт» и Google Maps в процессе доказывания относится «неопределенность» используемых географических координат, что сказывается на проблеме относимости и достоверности полученных с их помощью сведений. Например, судами было поставлено под сомнение использование Минприроды Удмуртской Республики общедоступных электронных карт «Яндекс» и Google в части того, что не представлено доказательств достоверности имеющихся в них географических координат, которые были бы определены проверенными средствами измерений утвержденного типа. В результате без изменения оставлено решение ВС Удмуртской Республики, которым был признан недействи-

¹⁶ См.: Черенков А. Ю., Греков О. А. Использование профессиональных программ Google Earth Pro и «SAS. Планета» при обработке материалов, полученных методом беспилотного авиационного учета // Вестник охотоведения. 2015. Т. 12. № 1. С. 79—83.

¹⁷ Постановление ФАС Уральского округа от 26.03.2013 по делу № А50-14556/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 03.07.2013 по делу № А13-1784/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12.05.2015 по делу № А32-29213/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.08.2016 по делу № А41-79925/15 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.09.2015 по делу № А76-31620/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

ющим приказ начальника Управления охраны фауны Удмуртской Республики «Об утверждении перечня рыбопромысловых участков на территории Удмуртской Республики»²².

3. ГИС «SAS.Планета» предназначена для просмотра и загрузки спутниковых снимков высокого разрешения, а также цифровых карт, представляемых рассмотренными выше картографическими сервисами. «SAS.Планета» часто применяется для подтверждения факта самовольного занятия земельного участка или его части.

Так, судом было отказано в удовлетворении требований об отмене постановления о привлечении к административной ответственности по ст. 7.1 КоАП РФ, поскольку выявлено использование земельных участков без правоподтверждающих документов. Факт использования «чужих» земельных участков, расположенных за границами земельного участка, предоставленного для размещения свалки отходов, был выявлен в ходе анализа Управлением Росреестра по Тверской области сведений АИС ГКН с подгрузкой ортофотоплана и использованием программы «SAS.Планета»²³.

Посредством Google Earth Pro и «SAS.Планета» Управлением архитектуры и градостроительства Елизовского городского поселения произведены промеры и вычислена площадь земельного участка (12 800 кв. м), используемого ООО «Ритуал» для оказания ритуальных услуг без правоустанавливающих документов. Администрация Елизовского городского поселения направила полученные данные в Управление Росреестра по Камчатскому краю для принятия соответствующего решения. В результате было вынесено постановление о привлечении ООО «Ритуал» к административной ответственности по ст. 7.1 КоАП РФ за самовольное занятие земельного участка, законность и обоснованность данного постановления впоследствии подтверждены судами²⁴.

В деле об удовлетворении заявления об оспаривании постановления о привлечении

к административной ответственности по ч. 2 ст. 8.7 КоАП РФ отказано. Факт неисполнения заявителем на принадлежащих ему земельных участках обязательных мероприятий по сохранению плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения был подтвержден актом проверки, протоколом об административном правонарушении, а месторасположение спорных земельных участков установлено Управлением Россельхознадзора по Калининградской области с помощью спутниковой системы «SAS.Планета»²⁵.

4. Электронная справочная система «Дубль-ГИС» в судебной практике применяется в основном по земельным и иным связанным с ними спорам, когда выявление обстоятельств по делу не касается географической привязки. «Дубль-ГИС» позволяет доказывать нарушение разрешенного использования земельного участка, правил благоустройства, определять реальное пространственное расположение объектов недвижимости относительно друг друга на земельных участках и т.д.

Например, несоответствие фактического использования земельного участка (размещена и эксплуатируется станция технического обслуживания) его разрешенному использованию (открытые площадки для стоянки транспортных средств) было подтверждено в том числе и сведениями, содержащимися в электронной справочной системе «Дубль-Гис», согласно которым по конкретному адресу расположены автокомплекс «Автоперсона», ООО «АльянсЗащита»²⁶. В данном случае достаточным доказательством послужила информация о видах и функциональном назначении объектов, расположенных на земельном участке.

Требование о взыскании неосновательного обогащения в размере сбереженной арендной платы, процентов за пользование чужими денежными средствами удовлетворено судом, поскольку права на земельный участок ответчиком не были оформлены. С помощью публичной кадастровой карты, данных «Google-

²² Определение Судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 15.07.2015 № 43-АПГ15-4 // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Решение Тверского областного суда от 22.05.2017 по делу № 21-188/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 28.10.2016 по делу № А24-2183/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.01.2015 по делу № А21-6427/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 14.08.2018 по делу № 33-7839/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

спутника» и «Дубль-Гис» по предъявленному требованию было доказано, что единственный пункт технического осмотра на конкретной улице занимает производственный кооператив «Ускорение», местонахождение которого соотносилось с расположением спорного земельного участка²⁷.

В деле о признании незаконным и отмене постановления о привлечении к административной ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию фасада здания посредством электронной справочной системы «Дубль-ГИС» было установлено фактическое местонахождение объекта тепlopункта на местности (населенный пункт, улица и номер дома)²⁸. В приведенном примере опять-таки достаточным доказательством оказалось лишь пространственное расположение строений в виде адресной «привязки» объекта.

Использование скриншотов открытой и общедоступной информации

В судебной практике в делах, связанных с защитой экологических прав и прав на природные ресурсы, встречаются случаи использования скриншотов открытой и общедоступной информации в качестве доказательств. С целью подтверждения реального расположения земельных участков, границ зон с особыми условиями использования территории, факта проведения земляных работ и т.д. делают скриншоты страниц сайтов в сети «Интернет» публичных кадастровых карт²⁹, иных публичных карт, включая спутниковые карты, а также бесплатных ГИС и картографических сервисов.

В ряде судебных решений признается, что скриншоты не подтверждают конкретных обстоятельств по земельным и экологическим спорам. Например, суд посчитал, что скриншоты данных ГЛОНАСС, не содержащие привязки к местности, не могут являться надлежащим

доказательством бесспорного права преимущественного выкупа долей земельного участка ввиду его использования³⁰. Производство по делу о привлечении к ответственности по ч. 1 ст. 6.7 Закона г. Москвы от 21.11.2007 № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» за нарушение разрешенного вида использования земельного участка было прекращено, поскольку фотоматериалы и скриншоты с веб-страниц интернет-сайтов информационно-справочного характера не подтверждают наличия ремонтной базы в здании, расположенном на земельном участке³¹. Другое дело, если бы по рассматриваемому спору был сделан скриншот бесплатной ГИС Google Earth Pro, обладающей высоким разрешением и содержащей информацию с географической привязкой.

Бывает, что скриншоты общедоступных информационных ресурсов подтверждают только наличие объекта, но не его пространственно-территориальное расположение. В ходе судебного заседания по делу о привлечении к административной ответственности по ст. 8.7 КоАП РФ (невыполнение мероприятий по улучшению земель и охране почв) Управлением Россельхознадзора по Кировской области и Удмуртской Республике представлены скриншоты программы «SAS.Планета» с конкретными координатами, согласно которым по указанным координатам находилась свалка бытовых отходов. Судья пришел к выводу о том, что представленные в материалах дела фототаблицы, протокол осмотра земельного участка, скриншоты программы «SAS.Планета» лишь подтверждают факт наличия свалки и не могут служить надлежащим доказательством ее нахождения именно на земельном участке, принадлежащем юридическому лицу. При этом представленные скриншоты программы «SAS.Планета», не позволяют определить местонахождение свалки относительно границ земельных участков муниципального образова-

²⁷ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.04.2018 по делу № А60-53589/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.06.2018 по делу № А60-69674/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ Например, см.: постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.06.2019 по делу № А53-18397/2018 ; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.07.2018 по делу № А60-37835/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.10.2018 по делу № А57-22004/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

³¹ Постановление ВС РФ от 08.07.2016 № 5-АД16-82 // СПС «КонсультантПлюс».

ния и юридического лица³². Для объективного определения пространственного расположения свалки бытовых отходов следовало бы произвести совмещение данных программы «SAS. Планета» с данными публичной кадастровой карты и АИС ГКН в любой из лицензионных ГИС при использовании одной спроектированной системы координат.

При сохранении снимков общедоступных картографических сервисов в качестве самостоятельных файлов на них не отображаются географические координаты, а остаются лишь направление на север и линейный масштаб. Дело в том, что в общедоступных картографических сервисах географические координаты показываются для той конкретной точки, где расположен курсор. Однако географические координаты не исчезнут со снимка того же Google Earth Pro, если сделать его скриншот. При сопоставлении снимков различных общедоступных картографических сервисов, сохраненных как самостоятельные файлы, всегда требуется делать их привязку в одной спроектированной системе координат. Например, для установления нахождения объектов, включенных в схему планировочной организации земельного участка, в том числе цеха экстракции, в отношении которого возник спор о времени его строительства, были использованы снимки, полученные из открытых источников на веб-ресурсе TerraServer, принадлежащем компании Microsoft, в которых указано пространственное разрешение и дата съемки. Так как из ресурса TerraServer снимки извлекаются без географической привязки, дополнительно была выполнена их географическая привязка в системе координат UTM 37N WGS-84 с помощью лицензионной ГИС ArcGIS, что позволило точно совместить все снимки друг с другом. Для идентификации объектов на снимках на последние было произведено наложение кадастровых границ и границ ситуационного плана, взятых из публичной кадастровой карты, а также использована копия схемы планировочной организации земельного участка³³.

Снимки из Google Earth Pro и скриншоты общедоступных картографических сервисов должны быть надлежащего качества, в против-

ном случае они не смогут составить доказательственную базу. Суд первой инстанции, обзрев выкопировки из Google Earth Pro в отношении рекламной конструкции, пришел к выводу о том, что качество представленных снимков не позволяет определить и идентифицировать спорные конструкции. Увеличение масштаба аэрофотоснимков в данном случае не позволяло установить наличие или отсутствие рекламной конструкции, поэтому суд признал, что они не могут являться доказательством отсутствия рекламной конструкции в спорный период³⁴.

Аналогично по причине нечитаемости скриншота публичной карты производство по делу о привлечении к ответственности, предусмотренной ч. 3 ст. 7.13 КоАП РФ за проведение земляных работ по разрытию траншеи в границах зон охраны выявленных объектов культурного наследия, было прекращено в связи с недоказанностью обстоятельств³⁵. Следовательно, подбираемые снимки из общедоступных картографических сервисов, которые в последующем могут быть сохранены в качестве самостоятельных файлов или скриншоты которых будут сделаны, должны быть качественными и четкими (без покрытия облачностью, туманами и иных визуальных «препятствий»), желателен высокого разрешения.

Могут ли быть признаны достоверными доказательствами скриншоты с сайта Росреестра, Федеральной кадастровой палаты (не только публичной кадастровой карты, но и сервиса «Справочная информация об объектах недвижимости в режиме online» и других ожидаемых общедоступных сведений), скриншоты размещенных в сети Интернет фрагментов судебных решений по земельным и экологическим спорам, скриншоты страниц сайтов с информацией о рыночной стоимости земельных участков, размере их рыночной арендной платы и т.д.? В правоприменительной практике отсутствует однозначный подход к скриншотам страниц сайтов сети «Интернет» как надлежащим доказательствам. При этом судами не раскрываются критерии, которым должны соответствовать такие скриншоты, чтобы быть признанными надлежащими доказательствами.

³² Решение ВС Удмуртской Республики по делу № 7-338/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

³³ Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.03.2018 по делу № А08-7190/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁴ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 09.08.2018 по делу № А46-15006/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ Постановление ВС РФ от 07.11.2017 № 18-АД17-42 // СПС «КонсультантПлюс».

В материалы дела об определении порядка пользования общим имуществом здания, установлении сервитута в отношении части земельного участка был представлен скриншот с сайта ФБУ «Кадастровая палата по Республике Башкортостан», подтверждающий факт снятия спорного земельного участка с государственного кадастрового учета. Вышестоящие суды не приняли указанный скриншот, а определение суда первой инстанции об обеспечительных мерах в виде запрета ФБУ «Кадастровая палата по Республике Башкортостан» на снятие с кадастрового учета спорного земельного участка, оставили без изменения³⁶. В приведенном примере судами вообще не была дана процессуально-правовая оценка скриншотов страниц сайтов сети «Интернет».

По спору об установлении кадастровой стоимости земельного участка в размере его рыночной стоимости суд пришел к выводу о том, что отчет оценщика не может быть принят в качестве достоверного доказательства рыночной стоимости земельного участка, поскольку содержащиеся в нем выводы сделаны со ссылкой на скриншоты фрагментов судебных решений, размещенных в сети «Интернет», то есть на судебные акты, которые не заверены надлежащим образом, а имеющаяся в скриншотах информация не содержит характеристик земельных участков, видов их использования, степени благоустройства и иных индивидуальных особенностей. Вышестоящий суд не согласился с такой позицией и, отменив соответствующий судебный акт, принял новое решение, которым было удовлетворено требование об установлении кадастровой стоимости земельного участка в размере его рыночной стоимости³⁷. И в этом случае вышестоящий суд не аргументировал «доказательственные» относимость, допустимость и достоверность соответствующих скриншотов.

В споре о признании незаконным повышения арендной платы по договору субаренды земельных участков суд кассационной инстанции

не признал скриншоты страниц одного из сайтов сети «Интернет» допустимыми доказательствами рыночной стоимости аренды спорных земельных участков. Суд отклонил указанные скриншоты, поскольку они отображали только «...информацию о рыночной стоимости аренды земельных участков без учета их местоположения, фактического использования, благоустройства и иных характеристик, имеющих у спорных участков...»³⁸. Получается, что причиной отказа в приобщении к материалам дела скриншота послужила его «информационная» недостаточность как доказательства.

В разъяснениях ВС РФ дано толкование правовых норм об использовании в качестве доказательств распечатанных копий страниц сайтов в сети «Интернет», согласно которому суд вправе в ходе подготовки дела к судебному разбирательству или в ходе судебного разбирательства по делу в целях собирания (обеспечения) доказательств незамедлительно провести осмотр данных страниц. Кроме того, достоверность распечатанных копий страниц сайта сети «Интернет» может быть обеспечена нотариусом³⁹. По причине существенного сходства распечатанных копий страниц сайтов (копия страниц сайта на бумажном носителе) и скриншотов (электронная копия страниц сайта) оба случая подпадают под приведенную позицию ВС РФ. В то же время, учитывая описанное выше отсутствие единообразия судебной практики по вопросу допустимости в качестве доказательств копий страниц сайта, изготовленных как в бумажном, так и в электронном виде, требуются дополнительные разъяснения ВС РФ по исследуемой категории споров.

Скриншот создается в виде цифрового изображения в качестве самостоятельного файла без предварительного документирования на бумажном носителе. При подписании скриншота электронной подписью на него будет распространяться режим собственно «электронного документа». С позиции классификации электронных доказательств по критерию их

³⁶ Постановление ФАС Уральского округа от 27.03.2012 по делу № А07-9054/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁷ Определение Судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 01.07.2015 № 41-АПГ15-30 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁸ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.06.2019 по делу № А45-28107/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁹ Постановление Пленума ВС РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». П. 22 // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 4.

легализации⁴⁰ скриншоты открытой и общедоступной информации следует относить к производным электронным доказательствам. Суд после возбуждения производства по делу может обратиться к соответствующим общедоступным картографическим и справочным онлайн-сервисам для проверки подлинности представленных ему скриншотов.

Относимость, допустимость и достоверность общедоступных спутниковых снимков и частей цифровых карт при использовании их в качестве доказательств по земельным и экологическим спорам

Многообразие общедоступных информационных технологий с разными наборами функций и параметров требует определенности в вопросах их относимости, допустимости и достоверности при использовании в процессе доказывания обстоятельств, имеющих значение для земельных и экологических споров. Названные свойства доказательств последовательно «просеивают» фактические данные, информацию, сведения, оставляя только те из них, которые могут быть положены в основу мотивировочной части судебного решения.

Относимость доказательства — связь его содержания с подлежащими доказыванию обстоятельствами⁴¹. Рассматриваемое свойство доказательств позволяет исключить из процесса не относящиеся к делу сведения. Географические координаты объекта и дата его спутниковой съемки дают возможность точно установить место расположения и момент возникновения загрязнения, накопления отходов, использование земельного участка без правоустанавливающих документов и иные сведения, характерные для земельных и экологических споров. Если обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, связаны с датой или расположением объекта на местности, а эту информацию невозможно получить из представленных общедоступных спутниковых снимков и частей цифровых карт, то такие доказательства не являются относимыми. С позиции установления связи содержания

спутникового снимка с подлежащими доказыванию обстоятельствами важной также представляется читаемость и представительность его изображения. Поэтому к дополнительным критериям относимости общедоступных спутниковых снимков и частей цифровых карт при использовании их в качестве доказательств по земельным и экологическим спорам следует причислить: 1) наличие географических координат или самостоятельная их географическая привязка с помощью уже используемой или иной программы при сопоставлении с другими снимками или цифровыми картами; 2) указание на дату съемки; 3) качество (четкость, высокое разрешение, отсутствие облачности, туманов и иных визуальных «препятствий»), позволяющее информационно читать спутниковый снимок, часть цифровой карты.

Допустимость доказательства — его процессуальная пригодность с позиции законности источника и способа получения независимо от содержания доказательства⁴². Специфика допустимости использования общедоступных спутниковых снимков и частей цифровых карт в качестве доказательств отсутствует. Здесь применимы общие критерии допустимости доказательств, включая правила допустимости с «позитивным» и «негативным» содержанием.

В то же время стоит обратить внимание на правовую неопределенность процессуальных законов (ст. 55, 60 и ч. 1 ст. 61 ГПК РФ; ст. 64, 68 и ч. 1 ст. 69 АПК РФ; ст. 59, 61 и ч. 1 ст. 64 КАС РФ) в отношении критерия допустимости общедоступных электронных ресурсов в целом, да и электронных доказательств, а также возможности распространения на общедоступные электронные ресурсы правового режима «общеизвестности». Недостаточными являются и разъяснения п. 20, 22, 24, 25 постановления Пленума ВС РФ от 26.12.2017 № 57, в которых не упоминаются вышеперечисленные статьи.

Достоверность доказательства — ответственность действительности содержащихся в них сведений. Достоверность любого доказательства оценивается через возможность его проверки и исследования, а также отсутствие противоречий с другими доказательствами⁴³. Проверка использования общедоступных спутниковых снимков и частей цифровых карт в ка-

⁴⁰ См.: Голубцов В. Г. Указ. соч. С. 170—188.

⁴¹ См.: Гражданский процесс : учебник. 2-е изд. / под ред. М. К. Треушникова. М. : Городец, 2007. С. 280.

⁴² См.: Гражданский процесс : учебник. С. 281.

⁴³ См.: Голубцов В. Г. Указ. соч. С. 170—188.

честве доказательств по земельным и экологическим спорам должна включать два элемента.

Во-первых, проверка соответствия распечатки или скриншота страницы сайта сети «Интернет», содержащих изображение общедоступного спутникового снимка или части цифровой карты, самому спутниковому снимку или части цифровой карты с помощью указанных на них даты, географических координат и масштаба. Необходимость проведения подобного исследования доказательств объясняется тем, что здесь суд не сможет затребовать бумажный носитель спутникового снимка или цифровой карты, поскольку само доказательство существует исключительно в электронной форме.

Во-вторых, проверка соответствия информации об обстоятельствах, отраженной на общедоступных спутниковых снимках и частях цифровых карт, действительным обстоятельствам. Указанное соответствие может быть подтверждено иными доказательствами, включая отсутствие расхождений в сведениях из разных общедоступных бесплатных ГИС и картографических сервисов. Кроме того, можно сопоставить зафиксированные в официальных источниках (правоустанавливающих документах, выписках из ЕГРН и т.д.) координаты объектов, расположенных рядом с интересующей частью спутникового снимка или цифровой карты, с координатами этих же объектов на рассматриваемых общедоступных информационных ресурсах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Голубцов В. Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. — 2019. — № 1. — С. 170—188.
2. Гражданский процесс : учебник. — 2-е изд. / под ред. М. К. Треушникова. — М. : Городец, 2007. — 784 с.
3. Лунева Е. В. Использование лицензионных геоинформационных систем в защите экологических прав и прав на природные ресурсы // Экологическое право. — 2020. — № 2. — С. 20—26.
4. Никифоров А. А., Миронова С. И. Техногенная трансформация ландшафтов западной Якутии // Наука и образование. — 2016. — № 2 (82). — С. 140—145.
5. Пугачев Н. А. Дистанционный мониторинг гарей и вырубок в пригородных лесах Твери // География, экология, туризм: научный поиск студентов и аспирантов : материалы VII Всерос. науч.-практ. конференции. — Тверь, 2019. — С. 41—43.
6. Сапожников П. М., Столбовой В. С. Методология создания информационного ресурса для целей оценки, контроля и мониторинга состояния земель сельскохозяйственного назначения // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2012. — № 10. — С. 82—91.
7. Фокина М. А. Доказательственное право в цивилистическом процессе: нереализованные возможности // Вестник гражданского процесса. — 2019. — № 1. — С. 29—46.
8. Черенков А. Ю., Греков О. А. Использование профессиональных программ Google Earth Pro и «SAS.Планта» при обработке материалов, полученных методом беспилотного авиационного учета // Вестник охотоведения. — 2015. — Т. 12. — № 1. — С. 79—83.
9. Conesa F. C., Madella M., Balbo A. L., Galiatsatos N., Rajesh S. V., Ajithprasad P. CORONA Photographs in Monsoonal Semi-Arid Environments: Addressing Archaeological Surveys and Historic Landscape Dynamics over North Gujarat, India // Archaeological Prospection. — 2015. — Т. 22. — № 2. — С. 75—90.

Материал поступил в редакцию 18 декабря 2019 г.

REFERENCES

1. Golubtsov VG. Elektronnyye dokazatelstva v kontekste elektronnoogo pravosudiva [Electronic evidence in the context of electronic justice]. *Herald of Civil Procedure*. 2019;1:170—188. (In Russ.)
2. Treushnikov MK, editor. *Grazhdanskiy protsess: uchebnik* [Civil process: A textbook]. 2nd ed. Moscow: Gorodets; 2007. (In Russ.)
3. Luneva EV. Ispolzovanie litsenzionnykh geoinformatsionnykh sistem v zashchite ekologicheskikh prav i prav na prirodnye resursy [The use of license geoinformation systems in protection of environmental rights and rights to natural resources]. *Environmental Law*. 2020;2:20—26. (In Russ.)

4. Nikiforov AA, Mironova SI. Tekhnogennaya transformatsiya landshaftov zapadnoy Yakutii [Technogenic transformation of landscapes of western Yakutia]. *The Education and Science Journal*. 2016; 2(82):140—145. (In Russ.)
5. Pugachev NA. Distantcionnyy monitoring garey i vyrubok v prigorodnykh lesakh Tveri [Remote monitoring of burns and felling in suburban forests of Tver]. In: *Geography, Ecology, Tourism: Scientific Research of Students and Postgraduates: Proceedings of 7th All-Russian Scientific-Practical Conference*. Tver; 2019. (In Russ.)
6. Sapozhnikov PM, Stolbovoy VS. Metodologiya sozdaniya informatsionnogo resursa dlya tseley otsenki, kontrolya i monitoringa sostoyaniya zemel selskokhozyaystvennogo naznacheniya [Methodology of creating an information resource for the purposes of assessment, control and monitoring of agricultural land condition]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*. 2012;10:82—91. (In Russ.)
7. Fokina MA. Dokazatelstvennoe pravo v tsivilisticheskom protsesse: nerealizovannye vozmozhnosti [Evidentiary Law in the Civilistic Process: Unrealized Opportunities]. *Herald of Civil Procedure*. 2019;1:29—46. (In Russ.)
8. Cherenkov AYu, Grekov OA. Ispolzovanie professionalnykh programm google earth pro i «sas.planeta» pri obrabotke materialov, poluchennykh metodom bespilotnogo aviatsionnogo ucheta [The use of professional programs Google Earth Pro and “Sas.Planeta” in the processing of data obtained by unmanned aviation accounting]. *Vestnik okhotovedeniya*. 201;12(1):79—83. (In Russ.)
9. Conesa FC, Madella M, Balbo AL, Galiatsatos N, Rajesh SV, Ajithprasad P. Corona Photographs in Monsoonal Semi-Arid Environments: Addressing Archaeological Surveys and Historic Landscape Dynamics over North Gujarat, India. *Archaeological Prospection*. 2015;22(2):75—90. (In Russ.)

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.041-052

Н. Г. Стеничкин*

Обеспечение независимости и самостоятельности судебной власти в контексте конституционной реформы 2020 года

Аннотация. В статье проведен анализ предложенных Президентом РФ изменений в Конституции во взаимосвязи с отдельными элементами конституционно-правового статуса судьи, дана оценка возможных пределов изменения Основного закона без искажения фундаментальных принципов и правовых основ Конституции, в том числе в части обеспечения самостоятельности и независимости судебной власти, принципа разделения властей. В соответствии с изменениями значительно расширились полномочия Президента и законодательной ветви власти в их влиянии на судебную ветвь. Представляется, что изменения в законодательстве, детализирующие полномочия Президента по инициированию досрочного прекращения полномочий судей и саму эту процедуру, должны быть сформулированы таким образом, чтобы компетенции Президента и Совета Федерации в этой части не пересекались с полномочиями квалификационных коллегий судей и не умаляли независимость и самостоятельность судебной ветви власти. Автор утверждает, что крайне важную роль в сохранении баланса между ветвями власти, создании условий для эффективного правосудия посредством гарантий независимости судей играет судебское самоуправление. В связи с чем решение вопроса о досрочном прекращении полномочий судьи по порочащим основаниям без участия органов судебского сообщества, при отсутствии элементов состязательности в процессе принятия решения, а также без возможности обжалования такого решения значительно умаляет конституционно-правовой статус судьи. В результате проведенного исследования доказано, что конституционными изменениями были перераспределены полномочия между ветвями власти, возникли реальные риски нарушения принципа независимости и самостоятельности судебной ветви власти. Следствием проведенной конституционной реформы должна стать активная законотворческая деятельность, направленная на сохранение конституционного равновесия между ветвями государственной власти.

Ключевые слова: конституция; конституционное право; конституционная реформа; судебная власть; судья; конституционно-правовой статус; принцип разделения властей; система сдержек и противовесов; судебское самоуправление; Конституционный Суд; правовые позиции; законотворческий процесс.

Для цитирования: Стеничкин Н. Г. Обеспечение независимости и самостоятельности судебной власти в контексте конституционной реформы 2020 года // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 5. — С. 41—52. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.041-052.

© Стеничкин Н. Г., 2020

* Стеничкин Никита Геннадьевич, заместитель начальника Экспертно-аналитического управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, соискатель кафедры конституционного и муниципального права Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского
Астраханская ул., д. 83, г. Саратов, Россия, 410004
stenichkin_ng@mail.ru

Ensuring the Independence and Autonomy of the Judiciary in the Context of the 2020 Constitutional Reform

Nikita G. Stenichkin, Deputy Head, Expert-Analytical Department, State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Cand. Sci. (Law) Applicant, Department of Constitutional and Municipal Law, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky
ul. Astrakhanskaya, d. 83, Saratov, Russia, 410004
stenichkin_ng@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the amendments to the Constitution proposed by the President of the Russian Federation in connection with certain elements of the constitutional and legal status of the judge, evaluates the possible limits of the change of the Basic Law without distorting the fundamental principles and legal foundations of the Constitution, including ensuring the independence and autonomy of the judiciary and the principle of separation of powers. According to the amendments, the powers of the President and the legislature regarding their influence on the judiciary were considerably expanded. It seems that the changes in the legislation detailing the powers of the President to initiate the early termination of the powers of judges and the procedure itself, should be formulated in such a way that the powers of the President and the Council of the Federation in this regard neither overlap with the powers of the qualification boards of judges nor diminish the independence and autonomy of the judiciary. The author argues that judicial self-government plays an extremely important role in maintaining the balance between the branches of government, creating conditions for effective justice through guarantees of independence of judges. In this connection, the decision concerning early termination of the judges' powers on defamatory grounds without the participation of bodies of the judicial community, in the absence of elements of an adversarial process and without the possibility of appealing against such a decision, significantly diminishes the constitutional and legal status of the judge. As a result of the conducted research it is proved that amendments to the Constitution have redistributed powers between the branches of government, there are real risks of violation of the principle of independence and autonomy of the judiciary. The constitutional reform should result in making laws aimed at preserving the constitutional balance between the branches of government.

Keywords: constitution; constitutional law; constitutional reform; judicial power; judge; constitutional and legal status; principle of separation of powers; system of checks and balances; judicial self-government; Constitutional Court; legal positions; law-making process.

Cite as: Stenichkin NG. Obespechenie nezavisimosti i samostoyatel'nosti sudebnoy vlasti v kontekste konstitutsionnoy reformy 2020 goda [Ensuring the Independence and Autonomy of the Judiciary in the Context of the 2020 Constitutional Reform]. *Lex russica*. 2020;73(5):41—52. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.041-052. (In Russ., abstract in Eng.).

Президентом Российской Федерации 15 января 2020 г. в Послании Федеральному Собранию были предложены изменения в Конституцию Российской Федерации¹, после чего была созвана рабочая группа², состоящая из представителей научной, образовательной, культурной, спортивной среды, парламентариев, государственных и общественных деятелей — представителей практически всех сфер жизни страны.

По результатам деятельности рабочей группы 20 января 2020 г. Президент РФ внес на рассмотрение Государственной Думы проект закона РФ о поправке к Конституции № 885214-7 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти». Рабочая группа при подготовке законопроекта к рассмотрению во втором чтении изучила более 1 000 предложений о поправках³. Комитетом Государственной Думы по государствен-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Распоряжение Президента РФ от 15 января 2020 г. № 5-рп «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 15.01.2020 (дата обращения: 19.03.2020).

³ Выступление П. В. Крашенинникова на пленарном заседании Государственной Думы // Стенограмма пленарного заседания от 10 марта 2020 г.

ному строительству и законодательству были рекомендованы и одобрены Палатой 206 поправок, а 174 поправки были отклонены⁴.

11 марта 2020 г. законопроект «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» был принят Государственной Думой в третьем чтении и направлен в Совет Федерации, который на своем пленарном заседании одобрил его. Все 85 субъектов Российской Федерации в лице законодательных (представительных) органов государственной власти также выразили одобрение данным поправкам в Конституцию.

Целью настоящего исследования является предварительный анализ изменений в Конституции, предложенных Президентом и принятых Федеральным Собранием, касающихся изменения статуса судебной власти, а также оценка возможных пределов изменения Основного закона без искажения фундаментальных принципов и правовых основ Конституции, в том числе в части обеспечения самостоятельности и независимости судебной власти, принципа разделения властей.

Изменения Конституции в марте 2020 г. в сфере судебной власти затрагивают прежде всего носителей данной власти — судей. Конституционные полномочия судебной власти, высокие профессиональные и моральные требования, которые предъявляются законодательством к судебскому корпусу, обеспечиваются посредством конституционных гарантий статуса судьи в Российской Федерации. Специальные требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи, многочисленные ограничения и запреты для судей и членов их семей

призваны компенсировать те конституционные гарантии, которые являются ядром правового статуса судей как носителей судебной власти.

Вопрос статуса судьи являлся предметом исследования многих юристов⁵. Понятие специального правового статуса судьи и его содержание неоднократно раскрывалось в решениях Конституционного Суда РФ. Важно обратить внимание на то, что конституционно-правовая интерпретация понятия «статус судьи» предполагает, что «гарантии как элемент конституционно-правового статуса судьи, являющегося не личной его привилегией как гражданина, а средством, призванным обеспечить публичные интересы, прежде всего интересы правосудия, цель которого — защита прав и свобод человека и гражданина, служат одновременно и гарантиями самостоятельности и независимости судебной власти»⁶. Тем самым Конституционный Суд выявил взаимосвязь между статусом судьи, понятием правосудия и гарантиями полноценной реализации прав и свобод человека в стране. В этой связи можно утверждать, что умаление статуса судьи как носителя судебной власти и отправителя правосудия, уменьшение его гарантий и степени независимости автоматически снижает эффективность правосудия и механизмов защиты и восстановления нарушенного права, негативно влияет на правосознание граждан и повседневное восприятие человеком своей свободы.

Совершенствование идеи независимости и самостоятельности правосудия, его эффективности и высоких стандартов соблюдения законности является приоритетным направлением государственно-правовой политики демократических стран. В этом смысле справедливой

⁴ Таблица 1 и таблица 2 поправок, рекомендуемых Комитетом Государственной Думы по государственному строительству и законодательству к принятию, и таблица 1 и таблица 2 поправок, рекомендуемых Комитетом Государственной Думы по государственному строительству и законодательству к отклонению — к проекту закона РФ о поправке к Конституции РФ № 885214-7 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: www.sozd.duma.gov.ru. 12.03.2020 (дата обращения: 19.03.2020).

⁵ См., например: *Авакьян С. А.* Конституционный лексикон. М., 2015; *Ермошин Г. Т.* Статус судьи в Российской Федерации. М., 2016; *Клеандров М. И.* Статус судьи: правовой и смежный компоненты. М., 2008; *Правосудие в современном мире / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой.* М., 2012; *Хабриева Т. Я.* Конституционная реформа в современном мире. М., 2016; *Эбзеев Б. С.* Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. М., 1997.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2011 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 19, 21 и 22 Федерального закона «Об органах судебского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки А. В. Матюшенко» // СЗ РФ. 2011. № 31. Ст. 4809.

видится точка зрения, согласно которой одним из основных направлений развития судебной власти является «кардинальное повышение статуса суда и расширение его полномочий»⁷. Повышение статуса судьи необходимо рассматривать не только как увеличение социальных, экономических, правовых гарантий, но и как неснижение существующих. Это тот случай, когда новые гарантии статуса судьи не могут заменять существующие.

Важнейшим условием соблюдения статуса судьи в Российской Федерации является гарантированная Конституцией РФ независимость и неприкосновенность судей. Неприкосновенность необходимо рассматривать как такое правовое положение судьи, при котором реализуются специальные условия основанного на законе несоблюдения принципа всеобщего равенства перед законом и судом. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, судебская неприкосновенность по своему объему и содержанию выходит за пределы личной неприкосновенности. Конституционное положение о неприкосновенности судьи, закрепляющее один из существенных элементов статуса судьи и важнейшую гарантию его профессиональной деятельности, направлено на обеспечение основ конституционного строя, разделение властей, самостоятельность и независимость судебной власти⁸. Неслучайно Конституционный Суд РФ обращает на принцип разделения властей особое внимание и рассматривает независимость судьи как институциональную независимость всей судебной власти. В действительности независимость судебного корпуса от влияния на него извне или давления любого рода есть ключевая гарантия независимого правосудия. Как справедливо отмечает М. И. Клеандров, «независимость для судей, естественно, необходима для осуществления независимого правосудия. Судейская независимость — одна из важнейших составляющих правового компонента статусу судей»⁹.

Реализация принципа независимости подразумевает специальный порядок привлечения судьи к уголовной ответственности (ст. 122 Конституции РФ). Данная конституционная норма получила свое развитие в законодательстве, посвященном статусу судьи в России и развивающей идею специальной процедуры привлечения судьи к ответственности, специальной охраны занимаемых судьей жилых и служебных помещений, используемых им личных и служебных транспортных средств, принадлежащих ему документов, багажа, иного имущества, тайны переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электрических и иных принимаемых и отправляемых судьей сообщений)¹⁰. Финансовая самостоятельность судебного корпуса обеспечивается положением ст. 124 Конституции РФ.

Исходя из этого, представляется обоснованной точка зрения Т. Г. Ермошина, который считает, что независимость судьи — это совокупность степеней свободы, ограничений и преференций судьи как носителя судебной власти, представляющая собой способность (положение, состояние) личности осуществлять беспристрастно и профессионально правосудие независимо от любых попыток воздействия на нее со стороны участников судебного процесса, представителей других ветвей государственной власти, политических, экономических, криминальных кругов, подчиняясь только Конституции РФ и федеральному закону¹¹.

При этом, когда речь идет о самостоятельности судебной власти, особое внимание уделяется независимости судей от других ветвей власти. Самостоятельность, даже исходя из этимологии этого слова, подразумевает раздельность и несвязанность, и уж тем более отсутствие соподчиненности и властной вертикали. Более того, в отношении законодательной и судебной ветвей власти речь идет еще и о дополнительной правовой охране средствами

⁷ Судебная практика в современной правовой системе России / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М., 2017. С. 242.

⁸ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 7 марта 1996 г № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона РФ “О статусе судей в Российской Федерации” в связи с жалобами граждан Р. И. Мухаметшина и А. В. Барбаша» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2.

⁹ Клеандров М. И. Указ. соч. С. 53.

¹⁰ Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 02.08.2019) // Российская газета. 1992. № 170. 29.07.

¹¹ Ермошин Т. Г. Статус судьи как организационно-правовая форма обеспечения его независимости // Российский судья. 2012. № 6. С. 10.

специального статуса судей и депутатов. Исходя из этого, изучение вопросов независимости судейского корпуса, нового конституционного подхода к реализации принципа разделения властей в контексте конституционной реформы 2020 г. в России представляет особый практический интерес, предмет для изучения и научного осмысления.

Прекращение полномочий судьи

Принятые изменения в п. «л» ч. 2 ст. 102 Конституции предполагают возможность досрочного прекращения полномочий судьи, в том числе по порочащим основаниям. Прекращаются «по представлению Президента Российской Федерации в соответствии с федеральным конституционным законом полномочия Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими проступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий»¹².

Новым в этом правовом регулировании является все. Так, Конституция впервые касается вопросов досрочного прекращения полномочий судей и предлагает механизм этой процедуры. Изменяются полномочия законодательной ветви власти и полномочия Президента. Конституция также впервые предлагает стратификацию судейского корпуса, выделяя из него судей, в отношении которых Президент вправе инициировать процедуру досрочного прекращения

полномочий, и остальных судей (областного, районного звена и мировых судей).

Полномочия судей прекращаются по основаниям, предусмотренным ст. 14 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»¹³. Данный перечень является исчерпывающим и процедурно предусматривает либо инициативу (действия) самого судьи или его родственников, либо наступление факта (состояние здоровья, смерть судьи, избрание Президентом, депутатом и т.д.). При этом досрочное прекращение полномочий является одним из видов дисциплинарной ответственности судьи за совершение дисциплинарного проступка, факт которого устанавливается квалификационной коллегией соответствующего уровня. В свою очередь, в соответствии со ст. 12.1 рассматриваемого Закона, «решение о наложении на судью, за исключением судьи Конституционного Суда, дисциплинарного взыскания, принимается квалификационной коллегией судей <...> и может быть обжаловано в суде в порядке, установленном федеральным законом».

В развитие данной нормы ст. 26 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»¹⁴ содержит положения о порядке обжалования решений квалификационных коллегий судей, согласно которым «решение, принятое квалификационной коллегией судей, может быть обжаловано в судебном порядке либо в Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации (в отношении решений квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации) лицом, в отношении которого оно принято».

Процессуальное обжалование решений квалификационных коллегий в суде осуществляется в порядке административного судопроизводства в соответствии с Кодексом административного судопроизводства РФ¹⁵ в вышестоящую судебную инстанцию.

Порядок привлечения к дисциплинарной ответственности судей Конституционного Суда определяется Федеральным конституционным

¹² Закон РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

¹³ Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019) // Российская газета. 1995. № 11.

¹⁴ Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 11. Ст. 1022.

¹⁵ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

законом «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹⁶.

Таким образом, можно утверждать, что в российском законодательстве создана и функционирует система обжалования решений квалификационных коллегий. Существующие процессуальные механизмы гарантируют реализацию права судей, привлеченных к дисциплинарной ответственности, на доступ к правосудию, право на обжалование решения в вышестоящую инстанцию, право защищать себя при рассмотрении дела в состязательном процессе.

Всеобщая декларация прав человека закрепляет, что «каждый человек имеет право на эффективную правовую защиту в компетентных национальных судах от нарушений основных прав, предоставленных ему конституцией или законом»¹⁷. Как неоднократно указывал в своих решениях Европейский Суд по правам человека, «запрещается абсолютное лишение лица права на судебную защиту, нанесение ущерба его сути»¹⁸.

Согласно ст. 46 Конституции РФ «решения государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений, в результате которых нарушены права и свободы гражданина или созданы препятствия осуществлению гражданином его прав и свобод, могут быть обжалованы в суд». Конституционный Суд указал, что «никаких исключений из этого конституционного принципа законодательство Российской Федерации не допускает»¹⁹. При этом в других решениях Суд обратил внимание, что «Конституция Российской Федерации и федеральное законодательство гарантируют каждому судебную защиту его прав и законных интересов, а также возмещение вреда, причиненного незаконными действиями и ре-

шениями государственных органов и должностных лиц... Конституционно-правовые основы статуса судьи обуславливают обязанность федерального законодателя урегулировать порядок привлечения судей к ответственности таким образом, чтобы исключить нарушения принципов независимости, несменяемости и неприкосновенности судьи»²⁰.

Таким образом, в действующем нормативном регулировании нашли свое отражение и процессуально гарантированы неприкосновенность судьи, его специальный правовой статус, а также особые правовые процедуры приостановления или лишения его такого статуса с привлечением к такому решению органов судейского самоуправления. При этом Конституционный Суд специально указал на необходимость создания таких условий привлечения судей к ответственности, которые не могли бы послужить умалению статуса судьи, снижению гарантий независимости и самостоятельности судебной власти.

Органы судейского самоуправления хотя и не упомянуты в Конституции РФ напрямую, создают и поддерживают такие правовые механизмы, которые делают возможным привлечение судьи к ответственности. В российском законодательстве определена роль органов судейского сообщества как базового элемента обеспечения специального статуса судейского корпуса, независимости судебной власти и независимого правосудия. Квалификационные коллегии судей являются органом судейского сообщества, обеспечивающим реализацию законодательства о статусе судей. Придание решению соответствующей квалификационной коллегии значения обязательного условия, без которого невозможна сама постановка вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении судьи, не выходит

¹⁶ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 29.07.2018) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

¹⁷ Всеобщая декларация прав человека (принята 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН) // Права человека : сборник международных договоров. Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 1978. С. 1—3.

¹⁸ См., например: постановление Европейского Суда по правам человека от 21 февраля 1975 г. по делу «Голдер против Соединенного Королевства» // Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. СПб., 2004. С. 466—467.

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 7 марта 1996 г. № 6-П.

²⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2019 г. № 1474-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусейнова Эльдара Афрайловича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 1 статьи 128, статьями 313, 316, 323 и 324 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, а также пунктом 35 статьи 5, статьями 7, 119 и 123 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

за рамки необходимых и достаточных гарантий судебской неприкосновенности²¹.

Выявленный Конституционным Судом конституционно-правовой смысл обязательности решений квалификационных коллегий в отношении судей при решении вопроса их привлечения к уголовной ответственности как меры неизлишней и необходимой в равной степени распространяется и на другие решения квалификационных коллегий, касающиеся вопросов статуса судьи и его неприкосновенности, и также не может рассматриваться как излишний или чрезмерный. Другими словами, конституционный статус судьи предполагает такой специальный порядок прекращения или приостановления полномочий, который невозможно эффективно реализовать без привлечения органов судебского самоуправления как неотъемлемой части судебной власти. Как справедливо отмечается в научной литературе, «судейское сообщество и его органы занимают в системе правовых институтов государственной власти особое место, поскольку их роль чрезвычайно важна для обеспечения реальной независимости судей как носителей судебной власти. Феномен судебского сообщества, судебского самоуправления существует во всех демократических государствах, так как судебское самоуправление — это неотъемлемая составная часть независимой судебной власти»²².

Сказанное обращает на себя особое внимание в контексте важнейших конституционных новелл в части установления нового порядка прекращения полномочий судебского корпуса законодательной ветвью власти. При этом необходимо говорить о том, что это именно нововведение в российском праве, поскольку существующая процедура досрочного прекращения полномочий судьи Конституционного Суда хотя и осуществляется Советом Федерации, но инициируется самим Конституционным

Судом, а именно большинством голосов не менее двух третей от числа действующих судей²³. В решении вопроса о дисциплинарной ответственности судьи и прекращении его полномочий, в том числе по порочащим основаниям, принимает участие судебское самоуправление в той или иной форме (в случае Конституционного Суда — весь состав Суда), решая этот вопрос в состязательном процессе, где судье, чьи полномочия, квалификация или поведение ставятся под сомнение, предоставлено право выразить свою позицию.

Изменения, внесенные в Основной закон, предполагают порядок привлечения судей к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий по основаниям «совершения ими проступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий»²⁴, и не устанавливают процедуру обжалования такого решения, правовые последствия его принятия. В Конституции вопрос о прекращении полномочий судьи ранее регулировался бланкетной нормой ст. 121, отсылающей к федеральному законодательству. От прямого регулирования вопросов прекращения статуса судьи Конституция ранее уклонялась. В Основном законе появилась норма прямого действия, касающаяся досрочного прекращения полномочий по порочащим или иным указанным в законодательстве основаниям.

Вместе с тем Конституционный Суд в заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3²⁵ указал, что «наделение соответствующими полномочиями Совета Федерации и Президента Российской Федерации не может рассматриваться как несовместимое со ст. 10 Конституции Российской Федерации, гарантирующей самостоятельность органов законодательной, исполнительной и су-

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 7 марта 1996 г. № 6-П.

²² Правосудие в современном мире. С. 239.

²³ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

²⁴ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

²⁵ Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Российская газета. 17.03.2020. № 56.

дебной власти, и с конституционной природой судебной власти в демократическом правовом государстве, принимая во внимание, что в соответствующей процедуре участвуют Президент Российской Федерации и законодательная власть в лице Совета Федерации и она во всяком случае не допускает немотивированного и ничем не обоснованного прекращения полномочий судей...».

В новой редакции указанной статьи Конституции упоминаются председатели, заместители и судьи Конституционного Суда, Верховного Суда, кассационных и апелляционных судов. При этом в соответствии с Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации»²⁶ (ст. 4) к федеральным судам относятся также «арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды». В этой связи Конституция ставит знак равенства между кассационными и арбитражными судами округов, что в юридико-техническом смысле едва ли является верным. В наименовании всех кассационных судов общей юрисдикции присутствует указание на процессуальную стадию «кассационный», тогда как в наименовании арбитражных судов округов указывается на юрисдикционную принадлежность и территориальную подсудность.

Было бы ошибочным утверждать, что Конституция устанавливает полномочия Президента по инициированию досрочного прекращения полномочий всех судей начиная с апелляционной инстанции судов общей юрисдикции и не распространяет новые правила на судей арбитражных судов округов. Такие неоднозначные формулировки свидетельствуют о несовершенстве применяемой юридической техники при подготовке поправок в Основной закон страны, что в последующем прогнозируемо должно быть разъяснено в законодательстве или разрешено в порядке конституционного судопроизводства.

Безусловно, новые изменения в Конституции предлагают по-новому взглянуть на полномочия Президента и Совета Федерации,

реализацию принципа разделения властей, независимость судейского корпуса, независимость правосудия и роль органов судейского сообщества в обеспечении судейской независимости. При этом конституционные преобразования не ограничиваются процедурными и процессуальными аспектами. Такие преобразования включают в себя законодательное переосмысление, приведение правовой системы в соответствие с конституционными изменениями, введение новых государственных институтов. Результаты реформы предполагают внедрение новых конституционных норм в законодательство, а в последующем — в правоприменение и правосознание²⁷.

Конституционное равновесие

Создание новой конституционно-правовой модели государственной власти и перераспределение полномочий между ее ветвями обуславливает необходимость переосмысления конституционного порядка реализации принципа разделения властей в России. В настоящее время ввиду отсутствия законодательства, принятого в развитие новой конституционно-правовой модели, еще сложно сделать окончательный вывод о характере и об объеме распределения полномочий между органами государственной власти. При этом на необходимость такого законодательного «разъяснения» или развития новых конституционных положений указывают и участники рабочей группы²⁸, и Конституционный Суд²⁹.

Как верно указывает Т. Я. Хабриева, «неординарный характер конституционных положений обуславливает различные способы их воздействия на общественные отношения. Конституция и, следовательно, ее нормы могут применяться непосредственно либо путем издания других правовых актов, которые устанавливают порядок применения конституционных норм»³⁰.

²⁶ Федеральный конституционный закон 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

²⁷ См.: Хабриева Т. Я. Указ. соч. С. 106.

²⁸ П. В. Крашенинников: «При внесении Вашей поправки в Конституцию уже было указано на необходимость изменения целого ряда законов. Полагаем, что потребуются изменения в более чем 50 законодательных актов» (см.: После внесения поправок в Конституцию может потребоваться изменение более 50 законов // ТАСС. 13.02.2020).

²⁹ См. подробнее: заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3.

³⁰ Хабриева Т. Я. Указ. соч. С. 89.

Однако уже сейчас можно сказать, что государственная власть в Конституции перераспределена и переосмыслена, а принципиальные изменения в значительной степени меняют баланс власти. В соответствии с новыми положениями значительно расширились полномочия Президента и законодательной ветви власти в их влиянии на судебную власть. В этом смысле, наверное, самым актуальным является поиск ответа на вопрос о том, насколько новые полномочия влияют на конституционное равновесие в целом и самостоятельность и независимость суда в частности.

Очевидно, что простого ответа нет и решение лежит как в научной плоскости, так и в плоскости правоприменения и судебной практики и, безусловно, в области законотворческого процесса.

При этом уже сейчас Конституционный Суд, в своем заключении оценивая и анализируя положения закона, указал, что «конкретизация принципа разделения властей и других основ конституционного строя, касающихся статуса федеральных органов государственной власти, в указанных главах Конституции Российской Федерации допускает различные варианты и предполагает высокую степень дискреции конституционного законодателя в регулировании организации, полномочий и деятельности Президента Российской Федерации, Государственной Думы, Совета Федерации, Правительства Российской Федерации и судов»³¹.

Исходя из духа Основного закона и прогнозируя дальнейшее нормативное развитие новых положений Конституции, можно предположить, что полномочия Президента и Совета Федерации по инициированию досрочного прекращения полномочий судей будут носить в определенном смысле чрезвычайный характер, не будут использоваться повседневно и не заменят собой институты судебного самоуправления. Иное означало бы отход от основных гарантий судебной власти, ее независимости и коренной пересмотр базовых конституционных идей правосудия во взаимосвязи с международными договорами, конвенциями в судостроительной сфере, участником которых является Российская Федерация. Было бы неизбежным возникновение коллизий и столкновение компетенций между «новыми» участниками правоотношений, касающихся полно-

мочий судьи, и действующими участниками этих правоотношений, такими как председатели судов, органы судейского сообщества.

В этой связи представляется, что изменения в законодательстве, детализирующие компетенцию Президента по инициированию досрочного прекращения полномочий судей и саму эту процедуру, должны быть сформулированы таким образом, чтобы компетенции Президента и Совета Федерации в этой части не пересекались с полномочиями квалификационных коллегий. Важнейшей процессуальной частью процедуры досрочного прекращения полномочий судей по инициативе Президента, не раскрытой в Конституции, является обеспечение права судьи на обжалование соответствующего решения Совета Федерации на равных основаниях с аналогичными решениями, вынесенными квалификационными коллегиями судей. Ведь если решение Совета Федерации будет окончательным и не будет подлежать обжалованию, такая правомочность должна быть, безусловно, подтверждена Конституционным Судом и должна иметь какое-то специальное обоснование.

Конституционный Суд в своих правовых позициях неоднократно обращал внимание на то, что «федеральный законодатель устанавливает особый правовой режим приобретения, осуществления и прекращения статуса судьи, включая специальные квалификационные требования к кандидатам на должность судьи, а также порядок назначения на должность, пребывания в должности и прекращения полномочий судьи»³². В этом смысле анализ изменений порядка прекращения полномочий судей, предусмотренных конституционной реформой 2020 г., в первом приближении позволяет говорить о снижении гарантий независимости судейского корпуса и самостоятельности судебной власти. Риски нарушения конституционного равновесия в связи с изменениями в Конституции, в том случае если конституционные новеллы не будут конкретизированы в законодательстве и интерпретированы Конституционным Судом, будут чрезвычайно высокими. Изменениями в Конституции государственная власть перераспределится таким образом, что судебной ветви власти будет сложно находиться в стороне от политических процессов, пребывать «над схваткой», существенно воз-

³¹ Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3.

³² Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2011 г. № 19-П.

растают риски зависимости судебной власти от других институтов государственной власти, что создает дополнительные предпосылки для предвзятости, тенденциозности и необъективности при осуществлении правосудия — предпосылки непроцессуального взаимодействия судей и сенаторов.

Стоит отметить, что подобные случаи перераспределения государственной власти, в результате которых ставилась под вопрос полнота реализации принципа судебной независимости и самостоятельности судебной власти, возникали и в других странах. Так, Конституционный трибунал Республики Польша решением от 9 ноября 1993 г. признал неконституционными положения Закона о судах общей юрисдикции, в силу которого исполнительная власть могла отозвать судью, который в период пребывания в должности «отступил от принципа независимости»³³. Трибунал признал это положение не соответствующим конституционным принципам независимости и несменяемости судей и нарушающим принцип разделения властей и принцип демократического правового государства. В своем решении орган конституционного правосудия посчитал, что лишение полномочий судьи органами исполнительной власти влечет разбалансировку системы сдержек и противовесов. Подобные примеры существуют и в других странах.

Можно констатировать, что в соответствии с новыми поправками в Конституции РФ Президент и Совет Федерации в отсутствие законодательных актов, конкретизирующих данные нормы, обладают всей полнотой власти над судами, поскольку назначение и досрочное прекращение полномочий осуществляется ими. В этом смысле на законодателя, Конституционном Суде как органе конституционного правосудия и Верховном Суде как субъекте права законодательной инициативы лежит большая ответственность — последующими изменениями в законодательстве и правовыми позициями скорректировать образовавшиеся изъяны в системе сдержек и противовесов.

В этой связи актуальной законотворческой задачей стала разработка таких специальных правовых механизмов, которые, с одной стороны, позволили бы исключить возможность злоупотребления властью над судами, а с другой — сделали бы новые конституционные нормы действенными, гармонично функцио-

нирующими во взаимосвязи с судебским самоуправлением. В ином случае будет затруднительно говорить об усилении самостоятельности и независимости судебной власти в России.

Заключение

Динамично развивающиеся общественные отношения, появление новых сфер правового регулирования, внешнеполитическая и экономическая конкуренция и многие другие факторы обуславливают необходимость совершенствования национальной нормативной базы. В этом смысле конституционное реформирование является естественным, гармоничным, созвучным времени процессом, неизбежным в развивающемся обществе.

Конституционные преобразования затрагивают различные ветви власти и отзываются во всех сферах общественной жизни, сказываются на условиях реализации прав и свобод человека, влияют на правосознание граждан, ощущение стабильности и уверенности в эффективности системы организации публичной власти. В этом смысле конституционные гарантии независимости судебной власти как неотъемлемая составляющая правового и демократического государства не могут и не должны подвергаться нормативному переосмыслению в целях их уменьшения и сокращения. Конституционные гарантии и общемировые стандарты независимости судей — это высокие стандарты независимости суда, неперемное условие для эффективного правосудия и реальной самостоятельности судебной власти и верховенства права, законности, эффективной защиты прав и свобод человека.

Судебная ветвь власти в силу своей специфичности не может и не должна быть вовлечена в политический процесс борьбы за власть. Характер судебной власти предполагает делегирование полномочий судьям на ее осуществление от имени Российской Федерации высшими государственными институтами — Президентом и Советом Федерации. При этом процедура досрочного прекращения полномочий судьи по порочащим основаниям при сохранении достигнутых гарантий независимости судебной власти не должна осуществляться без привлечения органов судебского самоуправления. Органы судебского самоуправления —

³³ Цит. по: Клеандров М. И. Указ. соч. С. 57.

признанный в мире институт обеспечения независимости судей при привлечении их к любому виду ответственности. Такая процедура не может осуществляться вне состязательного процесса; гарантии доступа к правосудию в таких делах должны быть обеспечены непременно, как и возможность реализации права на обжалование решений и защиту в суде.

Общеизвестно, что самостоятельность и независимость судей создают условия для эффективного правосудия, формирования единой судебной практики, основанной на правильном понимании духа и буквы закона. Эффективное правосудие создает благоприятную правовую среду, комфортные условия для ведения бизнеса, развития рыночной экономики, привлечения инвестиций, свободной конкуренции и улучшения качества жизни людей. Тем более актуально сохранение и совершенствование механизмов предоставления гаран-

тий судебной независимости, развитие институтов судебного самоуправления.

В настоящее время можно говорить об отсутствии логической завершенности в отдельных новых положениях Конституции, в частности касающихся судебной власти, которые в дальнейшем потребуют законотворческой работы, разъяснений Конституционного Суда и корректировки в целях сохранения баланса сдержек и противовесов в системе разделения властей.

Конституционно-правовое переосмысление принципа разделения властей в контексте конституционной реформы 2020 г. делает необходимым совершенствование национального законодательства. В этом смысле представляется крайне актуальным дальнейшее доктринальное осмысление и поиск оптимальных путей изменения законодательства для сохранения искомого конституционного равновесия в распределении государственной власти.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Конституционный лексикон : государственно-правовой терминологический словарь. — М. : Юстицинформ, 2015. — 640 с.
2. Ермошин Г. Т. Статус судьи в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — М. : РГУП, 2016. — 525 с.
3. Ермошин Г. Т. Статус судьи как организационно-правовая форма обеспечения его независимости // Российский судья. — 2012. — № 6. — С. 10—16.
4. Клеандров М. И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты / под ред. М. М. Славина. — М. : Норма, 2008. — 448 с.
5. Правосудие в современном мире : монография / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. — М. : Норма, Инфра-М, 2012. — 704 с.
6. Судебная практика в современной правовой системе России : монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. — М. : ИЗиСП, Норма, Инфра-М, 2017. — 432 с.
7. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире : монография. — М. : Наука РАН, 2016. — 318 с.
8. Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд : учеб. пособие для вузов. — М. : Закон и право, 1997. — 349 с.

Материал поступил в редакцию 19 марта 2020 г.

REFERENCES

1. Avakyan SA. Konstitutsionnyy leksikon : gosudarstvenno-pravovoy terminologicheskiy slovar [Constitutional lexicon: A State-Legal Terminological Dictionary]. Moscow: Yustitsinform; 2015. (In Russ.)
2. Yermoshin GT. Status sudi v Rossiyskoy Federatsii : dis. ... d-ra yurid. nauk [The status of the judge in the Russian Federation: Doctoral Dissertation]. Moscow: RSUL; 2016. (In Russ.)
3. Yermoshin GT. Status sudi kak organizatsionno-pravovaya forma obespecheniya ego nezavisimosti [A status of the judge as an organizational-legal form of ensuring its independence]. *Russian Judge*. 2012;6:10—16. (In Russ.)
4. Kleandrov MI, Slavin MM, editor. Status sudi: pravovoy i smezhnye komponenty [A status of a judge: legal and related components]. Moscow: Norma; 2008. (In Russ.)

5. Lebedev VM, Khabrieva TYa, editors. pPavosudie v sovremennom mire : monografiya [Justice in the modern world: A monograph]. Moscow: Norma, Infra-M; 2012. (In Russ.)
6. Khabrieva TYa, Lazarev VV, editors. Sudebnaya praktika v sovremennoy pravovoy sisteme Rossii : monografiya [Judicial practice in the modern legal system of Russia: A monograph]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law, Norma, Infra-M; 2017. (In Russ.)
7. Khabrieva TYa. Konstitutsionnaya reforma v sovremennom mire : monografiya [Constitutional Reform in the Modern World: A Monograph]. Moscow: Science of the RAS; 2016. (In Russ.)
8. Ebzeev BS. Konstitutsiya. Pravovoe gosudarstvo. Konstitutsionnyy Sud : ucheb. posobie dlya vuzov [The Constitution . The Rule of Law. The Constitutional Court: A textbook for universities]. Moscow: Zakon i pravo. 1997.

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.053-063

А. Н. Каменева*

Общественно опасные последствия в нормах о преступлениях в сфере экономической деятельности: проблемы отражения в законе

Аннотация. В статье исследуется нормативная регламентация общественно опасных последствий в гл. 22 УК РФ. Законодательная конструкция составов преступлений в сфере экономической деятельности достаточно неоднородна. Некоторые из них в УК РФ сформулированы как формальные (регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом — ст. 170; незаконная организация и проведение азартных игр — ст. 171.2 и др.); другие — как материальные (незаконное получение кредита — ст. 176; злоупотребления при эмиссии ценных бумаг — ст. 185 и др.); третьи — как формально-материальные (незаконное предпринимательство — ст. 171; ограничение конкуренции — ст. 178 и др.).

В статье анализируются негативные аспекты размещения признаков, характеризующих общественно опасные последствия, в нормах-примечаниях к гл. 22 УК РФ; определяется значение криминологических особенностей экономических преступлений при установлении размеров ущерба в основных и квалифицированных их видах; исследуется влияние характера и размера ущерба, установленного в законе, на освобождение от уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности.

Делается вывод, что законодателю необходимо более унифицированно подходить к определению видов и размеров последствий, причиняемых рассматриваемыми преступлениями (виды должны быть, как правило, «экономическими», а размеры — одинаковыми для всех преступлений), и к месту размещения количественных показателей последствий (в примечании к первой статье, в которой указаны последствия); добиться соблюдения правил дифференциации ответственности при построении основных и квалифицированных преступлений (крупный и особо крупный размер последствий указывать лишь для последних); установить «невыгодные» с точки зрения правовых последствий экономических преступлений санкции соответствующих норм и, напротив, придать «выгодный» характер освобождению от уголовной ответственности по ст. 76.1 УК РФ в сравнении с указанными санкциями.

Ключевые слова: преступление; экономическая деятельность; состав преступления; конструкция составов; общественно опасные последствия; отражение в законе; формализованные критерии; ущерб; упущенная выгода; унификация последствий; дифференциация ответственности; пенализация.

Для цитирования: Каменева А. Н. Общественно опасные последствия в нормах о преступлениях в сфере экономической деятельности: проблемы отражения в законе // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 5. — С. 53—63. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.053-063.

© Каменева А. Н., 2020

* Каменева Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова

Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, Россия, 119992

tusia787@yandex.ru

Socially Dangerous Consequences in the Norms on Economic Crimes: Problems of Recognition in the Law

Anna N. Kameneva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Economic and Financial Investigations, Higher School of Public Audit, Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, Russia, 119992
tusia787@yandex.ru

Abstract. The paper investigates the normative regulation of socially dangerous consequences of economic crimes set forth in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation. A legislative structure of economic crimes is rather heterogeneous. Some of them are determined as formal (registration of illegal transactions with real estate — Art. 170; illegal organization and conduct of gambling — Art. 171.2, etc.); others are defined as economic (illegal obtaining of credit — Art. 176; abuse of securities issue — 185, etc.); and the third are defined as formal economic (illegal entrepreneurship — Art. 171; restriction of competition — Art. 178 et al.).

The paper analyzes the negative aspects of including the criteria characterizing socially dangerous consequences in the norms-notes to Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation, determines the significance of criminological peculiarities of economic crimes in determining the extent of damage caused by economic crimes of different types; the influence of the nature and amount of damage established in the law on the exemption from criminal liability for the commission of economic crimes.

It is concluded that a law-maker needs a more uniform approach to determining the types and sizes of consequences caused by economic crimes (types should be, as a rule, "economic", and the size should be the same for all the crimes) and to the placement of quantitative indicators of consequences (in the note to Article 1 where sequences are specified); to achieving compliance with the rules of differentiation of responsibility in the construction of basic and qualified crimes (large and especially large scale of consequences should be indicate only for the latter); to imposing "unfavorable" sanctions from the point of view of the legal consequences of economic crimes, and, on the contrary, to giving a "favorable" character to the exemption from criminal responsibility under Art. 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in comparison with the specified sanctions.

Keywords: crime; economic activity; crime structure; structure of compositions; socially dangerous consequences; reflection in law; formalized criteria; damage; loss of profits; unification of consequences; differentiation of liability; penalization.

Cite as: Kameneva AN. Obshchestvenno opasnye posledstviya v normakh o prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: problemy otrazheniya v zakone [Socially Dangerous Consequences in the Norms on Economic Crimes: Problems of Recognition in the Law]. *Lex russica*. 2020;73(5):53—63. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.053-063. (In Russ., abstract in Eng.).

Общая характеристика преступных последствий

В доктрине уголовного права под общественно опасными последствиями принято понимать определенные неблагоприятные (вредные) изменения в объектах, которые находятся в системе охраны уголовного закона. Эти изменения происходят в результате действия (бездействия) надлежащего субъекта и находятся в причинно-следственной связи с деянием. Преступные последствия, наряду с другими обстоятельствами, определяют степень общественной опасности преступления. Данный вред указан в уголовно-правовой норме в качестве признака объективной стороны состава преступления.

В. Н. Кудрявцев включал в отличительные признаки общественно опасных последствий: 1) вредоносное воздействие на реальные социальные отношения, применительно к которым установлен охраняющий эти отношения уголовно-правовой запрет; 2) нарушение правовых отношений, установленных для охраны данного блага¹. В зависимости от характера объекта общественно опасного деяния определяется и характер общественно опасных последствий. Они могут причинить вред как участникам общественных отношений, так и их интересам.

Последствия выступают одним из оснований криминализации деяний и являются обязательным признаком как преступления, так и его со-

¹ См.: Уголовное право России. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. В. Наумова. М., 2006. С. 149—150.

става. Кроме того, они: а) используются в квалификации преступления; б) при назначении судом виновному наказания могут учитываться в качестве отягчающего обстоятельства; в) в отдельных случаях определяют малозначительность деяния, его ненаказуемость, служат признаком, по которому непроступные деликты либо аморальные поступки отграничиваются от преступных посягательств².

Помимо правотворческой и квалификационной роли, влияния на наказание, последствия участвуют в установлении размера и характера компенсации вреда, причиненного потерпевшему, а также определяют размер возмещения ущерба как необходимого условия для освобождения от уголовной ответственности в ситуации положительного посткриминального поведения лица. Последнее обстоятельство имеет существенное значение, поскольку большинство уголовно-правовых запретов в гл. 22 УК РФ предусматривают специальное освобождение от уголовной ответственности.

В зависимости от характера причиненного вреда принято выделять различные виды последствий. Так, в уголовно-правовой науке общественно опасные последствия в первую очередь классифицируются на материальные и нематериальные³. Материальные последствия можно зафиксировать и количественно точно измерить.

Последствия преступлений в сфере экономической деятельности

Применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности прежде всего имеют значение материальные последствия экономического характера — имущественного или финансового.

Заметим, однако, что в ч. 4 ст. 183 УК РФ в качестве квалифицирующего признака предусмотрено оценочное обстоятельство, характеризующее тяжкие последствия. Это единственная нормативная ситуация в гл. 22 УК РФ, которая предусматривает причинение вреда нематериального и (или) неэкономического характера.

В юридической литературе к ним относят: тяжелую болезнь или самоубийство потерпевшего, дезорганизацию работы предприятия, банкротство физического или юридического лица, массовые увольнения рабочих, голодовки со смертельным исходом и т. п.⁴ В этой связи возникает вопрос о криминологической обоснованности и необходимости закрепления нематериальных оценочных последствий в гл. 22 УК РФ.

В первоначальной редакции ст. 196 УК РФ был закреплен признак, характеризующий тяжкие последствия, который затем был исключен из приведенной нормы, но впоследствии включен в ч. 4 ст. 183 УК РФ. В свою очередь, в однородных составах о преступном банкротстве (ст. 195, 197 УК РФ) такое обстоятельство никогда не закреплялось. Сказанное говорит о том, что у законодателя как отсутствовал, так и отсутствует в настоящее время системный подход к регламентации подобного признака в нормах об экономических преступлениях.

В отдельных случаях общественно опасные последствия комплексно включают в себя физический, организационный, социальный, имущественный и иной вред. Это обстоятельство не позволяет точно отражать его размеры и непосредственно учитывать весь спектр наступивших неблагоприятных обстоятельств в некоторых исследуемых уголовно-правовых нормах. Следовательно, в таких ситуациях для точного отражения общественной опасности содеянного возможно системное и выборочное использование оценочных признаков последствия.

По нашему мнению, преступления, связанные с масштабными банкротствами, помимо чисто экономического ущерба, могут повлечь и иные виды вреда, которые доктрина включает в понятие «тяжкие последствия». Отсюда, на наш взгляд, можно допустить закрепление такого признака в отдельных квалифицированных составах, например, банкротства.

Термин «тяжкие последствия» не должен использоваться в основных составах, но может применяться для отражения квалифицирующего или особо квалифицирующего признака в следующих составах преступлений гл. 22 УК РФ: воспрепятствование законной предпри-

² См.: Уголовное право Российской Федерации / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М., 2012. С. 147.

³ См.: Михлин А. С. Последствия преступления. М., 2013. С. 17; Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958. С. 56.

⁴ См.: Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана сведений, составляющих коммерческую, банковскую и налоговую тайны // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 1. С. 124—125;

нимательской или иной деятельности (ст. 169); организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2); ограничение конкуренции (ст. 178); неправомерное использование инсайдерской информации (ст. 185.6); незаконные экспорт из Российской Федерации или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники (ст. 189); привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости (ст. 200.3). Подобное законодательное решение, на наш взгляд, будет способствовать углублению дифференциации ответственности, оно соответствует криминологическим особенностям отмеченных выше деяний и отвечает потребностям правоприменительной практики.

Следует сказать, что в гл. 22 УК РФ используется еще один нехарактерный признак, обрисовывающий материальные последствия имущественного содержания. Так, квалифицированный состав ограничения конкуренции (ч. 2 ст. 178 УК РФ) предусматривает ответственность в том числе за совершение преступления, сопряженного с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения, при отсутствии признаков вымогательства (т. е. при отсутствии сопряженного с применением насилия или угрозами различного рода требований передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера).

Особенности техники обрисовки приведенного квалифицирующего обстоятельства, в частности альтернативное совмещение материальной и формальной (угроза уничтожения

или повреждения имущества) конструкции, позволили высказать мнение об исключительно формальном характере состава преступления. Такая позиция основана на том, что для признания преступления оконченным достаточно лишь угрозы уничтожения или повреждения предмета, а сам факт утраты имущества не имеет значения для квалификации содеянного, он влияет только на индивидуализацию ответственности⁵.

Сделанный вывод является достаточно спорным; совместное альтернативное размещение формализующих и материализующих признаков в основных и квалифицированных составах преступлений гл. 22 УК РФ отнюдь не редкость (ч. 1 ст. 171, 172, ч. 3 ст. 183, ч. 2 ст. 185.2 и др.). При этом обязательный материальный характер таких составов, пусть и в связке с формальным, не подвергается сомнению⁶.

Повреждение имущества целесообразно понимать как определенную утрату присущих этому имуществу необходимых потребительских качеств. При этом утерянные свойства могут быть возвращены путем определенных восстановливающих затрат (ремонт, реконструкция и т. д.). Данные затраты в большинстве случаев не должны превышать стоимость поврежденного имущества. Под уничтожением имущества следует понимать либо полную потерю последним потребительских качеств, либо частичную утрату свойств в ситуации, когда поврежденное имущество уже не может отвечать своему главному назначению. Например, поджег автомобиля, при котором полностью уничтожается моторный отсек и большая часть салона, но остаются нетронутыми колеса и багажник, следует считать уничтожением, а не повреждением. При уничтожении восстановление утраченных свойств либо невозможно, либо влечет затраты, равные или превышающие стоимость имущества.

Таким образом, противоправное воздействие на имущество в ходе ограничения кон-

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 2 т. (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2015. Т. 1. С. 752 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : научно-практический (постатейный) / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2013. С. 612.

⁵ См.: *Смирнов А. А.* Уголовно-правовая охрана конкурентных отношений как элемент экономической безопасности государства // Наука и современность — 2010. Секция «Юриспруденция» : сб. материалов IV Международной научно-практической конференции НГТУ. Новосибирск, 2010. С. 56.

⁶ См.: *Яни П. С.* Легализация преступно приобретенного имущества: предмет преступления // Законность. 2012. № 9. С. 29—30 ; *Сычев П. Г.* Имущественный характер экономических преступлений и соответствующие процессуальные последствия // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 12. С. 83.

курении отражается в виде неблагоприятного результата для потерпевшего, влечет определенные экономические потери, связанные либо с восстановлением утраченных функций предмета, либо с его полной заменой, приводит к наступлению конкретного материального вреда в системе имущественных отношений. Сказанное позволяет еще раз убедиться в необходимости отнесения рассматриваемого признака к группе общественно опасных материальных имущественных (экономических) последствий, а состав преступления, закрепленный в п. «б» ч. 2 ст. 178 УК РФ, в существующей редакции считать сконструированным по типу формально-материального.

Несколько слов необходимо сказать о проблемах в определении криминологических оснований при регламентации исследуемого квалифицирующего обстоятельства. Во-первых, на практике сложно смоделировать такой вариант поведения: лица, представляющие интересы предприятия или иного хозяйствующего субъекта, непосредственно участвуют в повреждении либо уничтожении имущества, принадлежащего конкуренту. Сфера экономической деятельности, в том числе конкурентная борьба, предусматривает прежде всего операции финансово-экономического содержания (противоправные картельные соглашения, ценовой демпинг, создание необоснованных рыночных запретов и т. д.). Напротив, действия, носящие очевидное криминальное содержание, не являются характерными для ограничения конкуренции. При наличии указанных обстоятельств в ситуации давления на конкурирующего хозяйствующего субъекта и принуждения его к каким-либо действиям можно говорить о преступлении, предусмотренном ст. 179 УК РФ, где они использованы абсолютно правомерно. Учитывая, что субъект ограничения конкуренции является специальным, привлечение иных лиц для уничтожения или повреждения имущества конкурента невозможно квалифицировать по п. «б» ч. 2 ст. 178 УК РФ. Нормативная формула «те же деяния, совершенные...», закрепленная в данном пункте, означает, что поведение может осуществляться исключительно специальным субъектом⁷.

Во-вторых, исследуемое обстоятельство сопоставимо по степени общественной опасности с иным признаком, характеризующим

имущественный вред и закрепленным в п. «б» ч. 2 ст. 178 УК РФ. Так, в соответствии с примечанием 2 особо крупным ущербом в указанной норме признается ущерб, сумма которого превышает 30 млн руб., тогда как стоимость уничтоженного или поврежденного имущества носит оценочный характер и, соответственно, может иметь самые минимальные значения. Указанная ситуация явно противоречит правилам дифференциации уголовной ответственности.

Высказанные критические соображения позволяют сделать вывод о необходимости исключения из ст. 178 УК РФ указания на обстоятельство, характеризующее ограничение конкуренции, сопряженной с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения, при отсутствии признаков вымогательства (п. «б» ч. 2).

Ранее было сказано, что последствия экономического (имущественного) характера поддаются дифференцированной оценке и измеряются в единицах стоимости, в отечественном уголовном законодательстве — в рублях. Такой вред может проявляться как в виде реального ущерба, так и в виде упущенной выгоды. Прямой ущерб причиняют общественно опасные деяния, которые связаны с отчуждением и обращением чужого имущества, прежде всего финансовых ресурсов. Имущество в таком случае не уничтожается и не повреждается, но его отчуждение наносит потерпевшему реальный ущерб, который можно оценить.

Неполучение должного как материальное последствие выражается в лишении имущественных выгод, на которые потерпевший имел право в силу законных обстоятельств. В отдельных случаях упущенная выгода прямо указана в законе как составляющая экономического вреда. Например, в размер ущерба, причиненного бюджетной системе РФ в результате совершения налогового преступления (ст. 198, 199, 199.1 УК РФ), включаются суммы недоимки и соответствующих пеней, а также сумма штрафа в размере, определяемом в соответствии с Налоговым кодексом РФ (ч. 1 ст. 76.1, примечание 2 к ст. 198, 199 УК РФ).

В некоторых статьях УК РФ о преступлениях в сфере экономической деятельности не содержится указания на общественно опас-

⁷ См.: Устинова Т. Д. Уголовно-правовая охрана свободы конкуренции в аспекте изменений и дополнений уголовного закона // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7. С. 116—117.

ные последствия. Наказуемым признается сам факт совершения запрещенного законом деяния (преступления с формальным составом). Следует иметь в виду, однако, что в реальной действительности любые преступления, в том числе и с формальным составом, всегда влекут изменения в окружающей действительности и опосредованно могут причинять вред объектам уголовно-правовой охраны. Вместе с тем эти последствия не являются признаками состава преступления и не должны учитываться при его квалификации. Но даже находясь за пределами состава, они могут иметь уголовно-правовое значение.

Так, уголовную ответственность за фальсификацию решения общего собрания акционеров (участников) или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества (ст. 185.5 УК РФ) законодатель не связывает с наступлением каких-либо последствий, достаточно лишь выполнения деяния. Если в результате совершения подобного деяния происходит потеря корпоративного управления, которая приводит, например, к крупным имущественным убыткам, дезорганизации деятельности юридического лица, тяжелым заболеваниям, самоубийствам потерпевших, то это обстоятельство должно быть учтено в качестве отягчающего при назначении наказания (п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

В главе 22 в первоначальной редакции УК РФ законодатель практически игнорировал указание на количественную конкретизацию последствий в виде ущерба. В нормах о преступлениях в сфере экономической деятельности использовались только два признака — «значительный размер» (ст. 182, 200 УК РФ) и «крупный ущерб» (ст. 176, 195, 197 УК РФ), которые упоминались 16 раз. Причем количественное содержание таких признаков нигде не раскрывалось, за исключением ст. 198, 199.5, 200 УК РФ. Это говорило о желании законодателя предоставить судебной практике по большинству экономических преступлений максимально широкое усмотрение в наполнении данных признаков конкретными финансовыми показателями.

В юридической литературе отмечались примеры, когда в зависимости от региона России значение крупного ущерба по отдельным эко-

номическим посягательствам варьировалось от 30 до 500 тыс. руб.⁸

Для эффективного и справедливого уголовно-правового регулирования сферы экономической деятельности такое положение было абсолютно недопустимо. Предпринимательская, банковская, внешнеэкономическая и иные хозяйственные сферы требуют четких правил деятельности, точного понимания отграничения преступного деяния от непроступного, квалифицированного — от простого. В главе 22 УК РФ, как нигде, требуется минимальное использование, а в основных составах и полное исключение оценочных признаков, особенно при характеристике количественных показателей ущерба, дохода, незаконно привлеченных денежных средств и т.д.

Конечно, в отсутствие нормативного указания на формальные размеры крупного ущерба доктрина и судебная практика предпринимали попытки коррекции такого пробела, установления их определенных критериев. Так, согласно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14 (в ред. от 18.10.2012) «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» при решении вопроса о том, «причинен ли значительный ущерб собственнику или иному владельцу имущества, следует исходить из стоимости уничтоженного имущества или стоимости восстановления поврежденного имущества, значимости этого имущества для потерпевшего, например в зависимости от рода его деятельности и материального положения либо финансово-экономического состояния юридического лица, являющегося собственником или иным владельцем уничтоженного либо поврежденного имущества»⁹.

С начала 2000-х гг. законодатель стал постепенно исправлять указанные пробелы и формулировать значение крупного (особого крупного) размера ущерба и преступного дохода, используя три нормативных решения. В одних случаях унифицированное количественное определение признаков для группы разнородных преступлений определяется в примечании к ст. 170.2 УК РФ (ранее в примечании к ст. 169 УК РФ). В других случаях формализация проис-

⁸ См.: Соловьев О. Г. К вопросу о технике конструирования диспозиций норм Особенной части УК РФ // Юридический мир. 2009. № 12. С. 77—78.

⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 8 ; 2012. № 12.

ходит в рамках однородных деяний, например в примечании к ст. 185 УК РФ. Третий вариант предусматривает количественное определение последствий в постатейных примечаниях к конкретной статье с дифференциацией суммы ущерба в зависимости от криминологической характеристики того или иного уголовно-правового запрета: например, в примечании к ст. 180 УК РФ крупный ущерб превышает 250 тыс. руб.; в примечании к ст. 169 — 1 млн 500 тыс. руб.; в примечании к ст. 185.6 — 3 млн 750 тыс. руб.; в примечании к ст. 178 — 10 млн руб. Разница, как говорится, видна невооруженным глазом.

В целом минимальная граница количественного значения в исследуемых нормах начинается от 80 тыс. руб. в примечании к ст. 191.1 УК РФ; максимальная превышает сумму 45 млн руб., например в примечании к ст. 193.1 УК РФ. Зададимся вопросом, насколько оптимальна такая формула обрисовки количественных показателей экономических последствий? Во-первых, непонятен подход к установлению размеров применительно к каждой статье. К примеру, в ст. 169 УК РФ о воспрепятствовании законной предпринимательской или иной деятельности значение крупного ущерба, как уже говорилось, превышает 1 млн 500 тыс. руб., а в «зеркальной» норме о незаконном предпринимательстве (ст. 171 УК РФ) такая сумма уже превышает 2 млн 250 тыс. руб.

Использование ранее упомянутых трех вариантов расшифровки последствий в примечаниях также не соответствует принципам унификации и упрощения нормативного материала. Нам представляется, что оптимальным решением было бы закрепить все количественные значения в одном примечании, при необходимости выделив в нем несколько групп, исходя из характера и уровня общественной опасности того или иного деяния. В крайнем случае необходимо свести к минимуму количество постатейных примечаний, обобщая однородные преступления в группы.

Нормативным недостатком следует считать нарушение правил дифференциации ответственности при размещении конститутивных и квалифицирующих признаков. Так, крупный ущерб (размер) в одних случаях закреплялся как признак основного состава (ч. 1 ст. 171

УК РФ), в других — как квалифицированного (ч. 2 ст. 169, п. «а» ч. 2 ст. 193.1 УК РФ).

Определенным пробелом в регламентации количественных показателей является дифференцированный подход к технике описания и установления размеров ущерба применительно к однородным преступлениям со сходным характером и уровнем общественной опасности. Прежде всего это относится к группе налоговых преступлений. Так, в ст. 199 УК РФ сумма ущерба, причиняемого бюджетной системе РФ, установленного в постатейном примечании, превышает 5 млн руб.; для ст. 199.2 УК РФ сумма ущерба устанавливается в примечании к ст. 170.2 УК РФ и должна превышать 2 млн 250 тыс. руб. До выделения специальной нормы сокрытие считалось разновидностью (иным способом) уклонения от уплаты обязательных платежей и охватывалось ст. 199 УК РФ. При этом ущерб применительно к ст. 198, 199, 199.1, 199.4 УК РФ альтернативно исчисляется относительно-определенным способом и зависит от общей суммы подлежащих уплате налогов, сборов, страховых взносов. В свою очередь, в существующей редакции ст. 199.2 УК РФ указывается фиксированный размер сокрытия налоговой недоимки.

Следует сказать, что опыт использования в гл. 22 УК РФ относительно-определенного способа описания экономических последствий, на наш взгляд, является ошибочным. Он не соответствует отечественным традициям и потребностям правоприменительной практики¹⁰.

Существующая схема закрепления последствий влияет и на условия освобождения лица от ответственности за указанные преступления. Так, в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 76.1 УК РФ лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 199 УК РФ, возмещает однократный размер ущерба; предусмотренное ст. 199.2 — трехкратный размер ущерба. Очевидно, что отмеченное нормативное предписание не соответствует условию равного подхода к регламентации однородных противоправных проявлений и нуждается в законодательной реконструкции.

Отдельно необходимо сказать об определении размеров ущерба в материальных составах преступлений гл. 22 УК РФ. Изначально законодатель осуществлял обрисовку такого ущерба,

¹⁰ См.: Соловьев И. Н. Проблемные вопросы исчисления доли неуплаченных налогов при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 198 и 199 УК РФ // Российский следователь. 2019. № 6. С. 52—53; Васильева Е. Г. Проблемы выявления, расследования и квалификации налоговых преступлений // На-логи. 2013. № 5. С. 15—16.

используя минимальный размер оплаты труда (МРОТ). Подобное нормативное решение имело как плюсы, так и минусы. К плюсам необходимо отнести прежде всего возможность независимого и одномоментного нормативного увеличения всех значений количественных признаков, штрафов и т. д. в случае инфляционного давления и увеличения МРОТ. Негативным моментом являлось то, что денежное содержание МРОТ определялось социально-экономическими (иногда — политическими) условиями развития государства и не было связано с криминологическими характеристиками уголовно-правового запрета и потребностями правоприменительной практики. Конститутивное или дифференцирующее значение имущественных (экономических) последствий автоматически изменялось вслед за увеличением МРОТ без какой-либо привязки к криминогенной ситуации, в том числе и в сфере экономической деятельности.

В декабре 2003 г. все указания на МРОТ в УК РФ были заменены конкретными показателями в рублях. Эти изменения коснулись и регламентации экономических последствий в гл. 22 УК РФ. Такое нормативное решение стало возможным благодаря относительной стабилизации экономической ситуации в стране, снижению темпов инфляции. Однако в дальнейшем экономика страны потеряла темпы развития и начиная с 2008 г. Россия стала перманентно погружаться в различные кризисы. Все это вынуждало законодателя регулярно изменять (в основном повышать) конститутивное и дифференцирующее значение ущерба или размера деяния в нормах о преступлениях в сфере экономической деятельности. Заметим, что такое вмешательство было не всегда последовательным и криминологически обоснованным.

Рассмотрим, к примеру, динамику изменений количественных показателей применительно к ст. 193 УК РФ. Изначально деяние признавалась совершенным в крупном размере, если сумма невозвращенных средств в иностранной валюте превышала 10 тыс. МРОТ, что в 2003 г. равнялось 6 млн руб. (МРОТ в декабре 2003 г. был установлен в размере 600 руб.). В декабре 2003 г. (в момент замены МРОТ на твердые суммы) порогом крупного размера стала сумма 5 млн руб. С апреля 2010 г. он был резко увеличен и стал превышать 30 млн руб. В июне 2013 г. крупный размер стал превышать 6 млн руб., а особо крупный — 30 млн руб. Таким образом, криминообразующий порог был снижен в пять раз. В настоящее время в соответствии с приме-

чанием к ст. 193 УК РФ крупный размер превышает 9 млн руб., а особо крупный — 45 млн руб.

Как было отмечено, особенности регламентации последствий в нормах об экономических преступлениях самым тесным образом связаны с применением поощрительных норм, закрепленных в ст. 76.1 УК РФ и постатейных примечаниях в гл. 22 УК РФ. Законодатель закрепил стимулирующие правовоположения для составов экономических преступлений, предусматривающих материальный тип конструкции. В такой нормативной обрисовке условием освобождения лиц от уголовной ответственности является кратное (в отдельных случаях однократное) возмещение причиненного виновным лицом ущерба. Действительно, в этом случае очень просто сформулировать специальное освобождение, поскольку основным показателем общественной опасности в посягательствах является размер причиненного экономического вреда, он же составляет и сумму возмещения в ситуации положительного посткриминального поведения лица, влекущего императивное освобождение от уголовной ответственности.

В других случаях в качестве условия освобождения от уголовной ответственности также указано однократное или трехкратное возмещение полученного дохода либо убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления. Формулируя условия освобождения применительно к уголовно-правовым запретам из этой группы, законодатель и в данном случае опирается на те же количественные (финансовые) показатели.

Преступные последствия и проблемы пенализации

Оставим за скобками иные погрешности в формулировании ст. 76.1 УК РФ, постатейных примечаний о специальных видах освобождения в гл. 22 УК РФ и рассмотрим проблемы корреляции размера ущерба (дохода) и санкций (прежде всего штрафов) в нормах о преступлениях в сфере экономической деятельности. Так, с учетом требований примечания к ст. 170.2 УК РФ размер крупного ущерба, закрепленный в ч. 1 ст. 171 УК РФ, составляет сумму от 2 млн 250 тыс. до 9 млн руб. Если, к примеру, лицо в результате совершения указанного деяния причиняет ущерб в размере 8 млн руб., то в соответствии с ч. 2 ст. 76.1 УК РФ для выполнения условий, предусматривающих освобождение от уголовной от-

ветственности, необходимо возместить ущерб, причиненный гражданину, организации или государству (8 млн руб.) и перечислить в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба (16 млн руб.). Таким образом, общая сумма возмещения составляет 24 млн руб. Санкция же за некавалифицированное незаконное предпринимательство предусматривает «работающие» наказания в виде штрафа в размере до 300 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 2 лет либо обязательные работы на срок до 480 часов. Комментарии, как говорится, излишни. Абсолютно несопоставимые экономические обременения. В таких условиях немного найдется субъектов, желающих освободиться от уголовной ответственности за 24 млн руб. По этой причине практика применения ст. 76.1 УК РФ по некоторым экономическим статьям абсолютно отсутствует¹¹.

Усложним ситуацию: в случае оценки содеянного по ч. 1 ст. 193 УК РФ максимальный размер возмещения может составлять колоссальную сумму — 435 млн руб. Санкция при этом предусматривает штраф в размере от 200 тыс. до 500 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительные работы на срок до трех лет, либо лишение свободы на срок до трех лет.

Для устранения таких нормативных «ножниц» необходимо, с одной стороны, разумное снижение размеров ущерба или дохода в отдельных статьях гл. 22 УК РФ, с другой — увеличение экономической репрессии в санкциях этих статей, которая даже по ст. 128.1 УК РФ о клевете значительно больше.

Необходим пересмотр размеров штрафов как в гл. 22, так и в целом в УК РФ, что связано с обесцениванием рубля (более чем в 2 раза с 2014 г., в 10 раз с 1998 г.) в последние годы. К примеру, усредненная сумма штрафа в санкциях гл. 22 УК РФ составляет 300 тыс. руб., что сейчас равняется примерно 4,6 тыс. долл. США, тогда как в 2013 г. эта сумма определялась в размере около 10 тыс. долл. Такое сравнение несколько некорректно, но оно показывает реальное финансово-экономическое положение

в государстве, инфляционные и девальвационные издержки и, следовательно, диктует необходимость учитывать эту ситуацию при определении уровня репрессивности в экономических видах наказания.

В ряде случаев размеры штрафов в санкциях норм об экономических преступлениях не соответствуют криминологической характеристике того или иного деяния. В своем большинстве такие штрафы требуют увеличения. В качестве примера можно рассмотреть ст. 170.1 УК РФ, предусматривающую ответственность за различные формы неправомерного воздействия на государственный реестр юридических лиц, реестр владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета. Так, в санкции указанной нормы верхняя граница штрафа составляет 100 тыс. руб. В этом случае сложно соотносить такую сумму штрафа с преступным результатом и задачами, на который рассчитывают и которые реализуют субъекты, осуществляя рейдерский захват. Здесь можно вести речь о захвате торгового ларька на городском рынке¹². Практика показывает, что объектами рейдерских захватов по большей части являются крупные предприятия и организации, с большими объемами оборотов и прибыли либо обладающие существенными объектами недвижимости или иными ценными ресурсами.

Следовательно, если говорить о границах штрафов, которые закрепляются в санкциях норм о преступлениях в сфере экономической деятельности, они могут составлять сумму от однократного до двукратного размера ущерба, дохода либо задолженности, закрепленных в диспозиции такой нормы. Увеличение штрафов в статьях, которые не содержат количественных признаков, должно определяться индивидуально или комплексно для однородных составов с учетом криминологических характеристик посягательства.

Краткие выводы

Таким образом, можно говорить о серьезном значении общественно опасных последствий в процессе конструирования составов престу-

¹¹ См.: Антонов А. Г. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 20—21.

¹² См.: Румянцев М. С. Уголовно-правовые аспекты рейдерских (корпоративных) захватов в системе экономической безопасности России // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 4 (39). С. 289.

плений, при криминализации (пенализации) противоправных проявлений в хозяйственной сфере, полной или частичной декриминализации (депенализации) посягательств в сфере экономической деятельности. Существенна роль последствий в ходе правоприменительной квалификации указанных деяний, а также в процессе индивидуализации наказания за них.

Следует приветствовать стремление законодателя формализовать общественно опасные последствия в основных и квалифицированных составах экономических преступлений. Однако необходимо более унифицированно подходить к определению видов и размеров таких последствий (виды должны быть, как правило, «эконо-

мическими», а размеры — одинаковыми для всех преступлений) и к месту размещения количественных показателей последствий (в основном в примечании к первой статье, в которой указаны последствия); добиться соблюдения правил дифференциации ответственности при построении основных и квалифицированных материальных составов преступлений (крупный и особо крупный размер последствий указывать лишь для квалифицированных и особо квалифицированных составов); установить такие санкции за экономические преступления, которые делали бы «невыгодным» их совершение, либо придать «выгодный» характер освобождению от уголовной ответственности по ст. 76.1 УК РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонов А. Г. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Российская юстиция. — 2013. — № 5.
2. Васильева Е. Г. Проблемы выявления, расследования и квалификации налоговых преступлений // Налоги. — 2013. — № 5.
3. Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана сведений, составляющих коммерческую, банковскую и налоговую тайны // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2015. — № 1.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. / под ред. А. В. Бриллиантова. — М., 2015. — Т. 1.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : научно-практический (постатейный) / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. — М., 2013.
6. Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. — М., 1958.
7. Михлин А. С. Последствия преступления. — М., 2013.
8. Румянцев М. С. Уголовно-правовые аспекты рейдерских (корпоративных) захватов в системе экономической безопасности России // Вестник Орловского государственного университета. Серия : Новые гуманитарные исследования. — 2014. — № 4 (39).
9. Смирнов А. А. Уголовно-правовая охрана конкурентных отношений как элемент экономической безопасности государства // Наука и современность — 2010. Секция «Юриспруденция» : сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конференции НГТУ. — Новосибирск, 2010.
10. Соловьев И. Н. Проблемные вопросы исчисления доли неуплаченных налогов при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 198 и 199 УК РФ // Российский следователь. — 2019. — № 6.
11. Соловьев О. Г. К вопросу о технике конструирования диспозиций норм Особенной части УК РФ // Юридический мир. — 2009. — № 12.
12. Сычев П. Г. Имущественный характер экономических преступлений и соответствующие процессуальные последствия // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2014. — № 12.
13. Уголовное право России. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. В. Наумова. — М., 2006.
14. Уголовное право Российской Федерации / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. — М., 2012.
15. Устинова Т. Д. Уголовно-правовая охрана свободы конкуренции в аспекте изменений и дополнений уголовного закона // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 7.
16. Яни П. С. Легализация преступно приобретенного имущества: предмет преступления // Законность. — 2012. — № 9.

Материал поступил в редакцию 15 января 2020 г.

REFERENCES

1. Antonov AG. Osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti po delam o prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti [Exemption from criminal liability in cases of crimes in the field of economic activity]. *Russian Justitia*. 2013;5. (In Russ.)
2. Vasilyeva EG. Problemy vyyavleniya, rassledovaniya i kvalifikatsii nalogovykh prestupleniy [Problems of detection, investigation and qualification of tax crimes]. *Nalogi [Taxes]*. 2013;5. (In Russ.)
3. Efremova MA. Ugolovno-pravovaya okhrana svedeniy, sostavlyayushchikh kommercheskuyu, bankovskuyu i nalogovuyu tayny [Criminal-legal protection of information constituting commercial, banking and tax secrets]. *Bulletin of Perm University. Legal Sciences*. 2015;1. (In Russ.)
4. Brilliantov AV, editor. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 2 vol. (annotated). Vol. 1. Moscow; 2015. (In Russ.)
5. Dyakov CV, Kadnikov NG, editors. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and practical (annotated). Moscow; 2013. (In Russ.)
6. Kuznetsova NF. Znachenie prestupnykh posledstviy dlya ugovnoy otvetstvennosti [The importance of criminal consequences for criminal liability]. Moscow; 1958. (In Russ.)
7. Mikhlin AS. Posledstviya prestupleniya [Consequences of a crime]. Moscow; 2013. (In Russ.)
8. Rumyantsev MS. Ugolovno-pravovye aspekty reyderskikh (korporativnykh) zakhvatov v sisteme ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii Criminal-legal aspects of raider (corporate) captures in the system of economic security of Russia. *Bulletin of Oryol State University. Series: New Humanitarian Studies*. 2014;4(39)/ (In Russ.)
9. Smirnov AA. Ugolovno-pravovaya okhrana konkurentnykh otnosheniy kak element ekonomicheskoy bezopasnosti gosudarstva [Criminal-legal protection of competitive relations as an element of economic security of the state]. In: *Nauka i sovremennost [Science and Modernity]*. 2010. Section "Jurisprudence": *Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference of NGTU*. Novosibirsk; 2010. (In Russ.)
10. Solovyov IN. Problemnye voprosy ischisleniya doli neuplachennykh nalogov pri rassledovanii prestupleniy, predusmotrennykh st. 198 i 199 UK RF [Problematic issues of calculation of the share of unpaid taxes in the investigation of crimes under Art. 198 and 199 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Russian Investigator*. 2019;6. (In Russ.)
11. Solovyov OG. K voprosu o tekhnike konstruirovaniya dispozitsiy norm Osobenoj chasti UK RF [To the question of the technique of designing dispositions of the norms of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Legal World*. 2009;12. (In Russ.)
12. Sychev PG. Imushchestvennyy kharakter ekonomicheskikh prestupleniy i sootvetstvuyushchie protsessualnye posledstviya [Property nature of economic crimes and corresponding procedural consequences]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*. 2014;12. (In Russ.)
13. Kudryavtsev VN, Luneev VV, Naumov AV, editors. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya Chast [Criminal Law of Russia. General Part]. Moscow; 2006. (In Russ.)
14. Komissarov VS, Krylov NE, Tyazhkova IM. Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii [Criminal Law of the Russian Federation]. Moscow; 2012. (In Russ.)
15. Ustinova TD. ugolovno-pravovaya okhrana svobody konkurentsii v aspekte izmeneniy i dopolneniy ugolovnogo zakona [Criminal-legal protection of freedom of competition in the aspect of changes and additions of criminal law]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2016;7. (In Russ.)
16. Yani PS. Legalizatsiya prestupno priobretennogo imushchestva: predmet prestupleniya [Legalization of criminally acquired property: the subject matter of a crime]. *Zakonnost*. 2012;9. (In Russ.)

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.064-072

А. И. Коробеев*,
А. А. Ширшов**

Критерии живорождения при определении жизни как объекта уголовно-правовой охраны

Аннотация. Благодаря достижениям современной медицинской науки родившиеся глубоко недоношенными дети получили шанс выжить. В представленной статье авторы рассматривают проблемы определения начального момента жизни человека, связанные с критериями живорождения, анализируют подходы к определению критериев живорождения, принятых Всемирной организацией здравоохранения и установленных российскими специалистами в приказе Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» (ред. от 13.09.2019).

Авторы попытались обозначить и провести анализ некоторых проблем, связанных с пробельностью регулирования правового статуса родившихся глубоко недоношенных детей при сроке беременности до 22 недель или при массе тела таких детей до 500 г в период с момента рождения до истечения 7 суток. Авторы критически относятся к фактическому отсутствию правового регулирования статуса таких детей, оценивают законоположения, регулирующие обязательность проведения реанимационных мероприятий в отношении таких детей с учетом рисков патологий дальнейшего развития.

Работа содержит выводы о необходимости уточнения понятийно-категориального аппарата в отношении критериев живорождения, более полного учета отечественными специалистами критериев живорождения, предложенных Всемирной организацией здравоохранения, об обязательности учета мнения родителей относительно объемов оказания медицинской помощи глубоко недоношенным детям, в том числе и относительно проведения им реанимационных мероприятий, в рамках института информированного добровольного согласия.

Авторы призывают с особой осторожностью рассматривать любые предложения о расширении границ ответственности медицинских работников, особенно связанных с наличием пробельности и неоднозначности правового регулирования.

Ключевые слова: начальный момент жизни; гестационный возраст; критерии живорождения; неонатология; неоказание помощи больному; реанимационные мероприятия; глубокая недоношенность; уголовное право.

Для цитирования: Коробеев А. И., Ширшов А. А. Критерии живорождения при определении жизни как объекта уголовно-правовой охраны // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 5. — С. 64—72. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.064-072.

© Коробеев А. И., Ширшов А. А., 2020

* *Коробеев Александр Иванович*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации
кампус ДВФУ, D341, о. Русский, Приморский край, Россия, 690922
akorobeev@rambler.ru

** *Ширшов Алексей Александрович*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета
кампус ДВФУ, D341, о. Русский, Приморский край, Россия, 690922
brahma@bk.ru

Live Birth Criteria when Defining Life as an Object of Protection under Criminal Law

Aleksandr I. Korobeev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Law School of the Far Eastern Federal University, Honoured Science Worker of the Russian Federation
campus DVFU, D341, o. Russkiy, Primorsky Krai, Russia, 690922
akorobeev@rambler.ru

Aleksey A. Shirshov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University
campus DVFU, D341, o. Russkiy, Primorsky Krai, Russia, 690922
brahma@bk.ru

Abstract. The achievements of modern medical science have led to the situation when children born deeply premature have a chance to survive. In the paper, the authors examine the problems of determining the initial moment of human life associated with the live birth criteria, analyze approaches to the definition of live birth criteria adopted by the World Health Organization and consolidated by Russian experts in the Order of the Ministry of Health and Social Development of Russia of 27 December 2011 No. 1687n "On Medical Criteria of Birth, Form of the Birth Document and the Procedure for its Issuance" (as amended on 13 September 2019). The authors intended to identify and analyze some issues related to the lack of regulation of the legal status of deeply premature babies born 22 weeks premature or if the body weight of such children is not more than 500 g from the moment of their birth until they are seven days old. The authors are critical of the actual lack of legal regulation of the status of such children, assess the legal provisions regulating the mandatory resuscitation measures in relation to such children with due regard to the risks of further development of pathologies. The paper provides for the conclusions about the need to clarify the conceptual and categorical apparatus in relation to the criteria of live birth, more complete consideration by domestic specialists of the criteria of live birth proposed by the World Health Organization, the need to take into account parents' opinion concerning the extent of medical care for deeply premature children, including intensive care, within the framework of the institution of informed voluntary consent.

The authors call for special caution to examine any proposals to extend the limits of responsibility of medical workers, especially those related to the existence of gaps and ambiguities of the legal regulation.

Keywords: initial moment of life; gestational age; criteria of live birth; neonatology; failure to assist the patient; resuscitation measures; deep prematurity; criminal law.

Cite as: Korobeev AI, Shirshov AA. Kriterii zhivorozhdeniya pri opredelenii zhizni kak obekta ugolovno-pravovoy okhrany [Live Birth Criteria when Defining Life as an Object of Protection under Criminal Law]. *Lex russica*. 2020;73(5):64—72. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.064-072. (In Russ., abstract in Eng.).

За последние годы российское здравоохранение столкнулось с целой серией уголовных дел, вызвавших широкий общественный резонанс и получивших крайне неоднозначную оценку со стороны как медицинского, так и юридического сообщества.

Некоторые из подобных уголовных дел, например дело по обвинению заместителя глав-

врача областной больницы в Калуге Александра Ругина¹, благополучно развалились в суде, другие, такие как дело в отношении и. о. главного врача роддома № 4 Калининградской области Елены Беловой и врача — реаниматолога-анестезиолога Элины Сушкевич², усиленно расследуются на фоне громких протестов медицинского сообщества, тогда как тема процветающей

¹ Подробное изложение фабулы дела А. Ругина см. на сайте Русской службы Би-би-си: Назарова Н. Пасьянс под названием «безнадега». Как в России судят врачей за гибель недоношенных младенцев // URL: <https://www.bbc.com/russian/features-46644800> (дата обращения: 25.01.2020).

² Е. Беловой и Э. Сушкевич обвиняют в убийстве недоношенного ребенка, который родился на 23-ей неделе беременности с весом 700 г 6 ноября 2018 г. в роддоме № 4 Калининградской области. См. подробнее: Дело Елены Беловой и Элины Сушкевич: врачей обвиняют в убийстве младенца // URL: https://health.mail.ru/news/delo_eleny_belovoy_i_eliny_sushkevich_dvuh/ (дата обращения: 25.01.2020) ; He-

халатности медработников в роддомах за последние годы стала занимать верхние строки в новостных лентах средств массовой информации³.

Не вызывает сомнений, что приведенные в качестве примера уголовные дела имеют много общего: они были возбуждены по поводу действий врачей, связанных с ненадлежащим оказанием помощи рожденным недоношенным детям. Очень часто, по мнению следствия (которое, кстати, не разделил суд по делу А. Ругина), в подобных делах мотивы содеянного сводятся либо к желанию не портить показатели младенческой смертности, либо к нежеланию расходувать дорогостоящие медицинские препараты. Оставив обоснованность последнего мотива на совести органов, осуществляющих предварительное расследование, заметим, что проблемы юридической оценки действий медицинских работников по делам, связанным с оказанием помощи рожденным недоношенным детям, не могут быть сведены к оценке указанных мотивов (неважно, соответствующих действительности или нет), они вышли далеко за рамки деятельности правоприменителя и требуют глубокого доктринального осмысления.

Не претендуя на всеобъемлющий анализ проблемы в рамках ограниченного объема настоящей работы и не предлагая готовых «рецептов» для полного разрешения существующей пробельности законодательного регулирования, прежде всего проведем предварительную проблематизацию внутри выделенной области исследования.

Вполне очевидно, что уголовная ответственность за посягательства на жизнь мыслима лишь тогда, когда жизнь присутствует в определенных временных рамках, с момента рождения и до момента смерти. Однако определение временных границ человеческой жизни всегда вызывало споры как среди юристов, так и в медицинском сообществе. В свое время

Ф. Энгельс писал: «В обыденной жизни, например, мы знаем и можем с уверенностью сказать, существует ли то или иное животное или нет, но при более точном исследовании мы убеждаемся, что это иногда в высшей степени сложное дело, как это очень хорошо известно юристам, которые тщетно бились над тем, чтобы найти рациональную границу, за которой умерщвление ребенка в утробе матери нужно считать убийством»⁴.

Развитие медицины отнюдь не добавило ясности в определение четких границ того, что мы называем человеческой жизнью. Появление в 1961 г. реаниматологии как самостоятельной науки, ее дальнейшее развитие вынудили правоведов и медиков пересмотреть вопрос о конечном моменте человеческой жизни, связав его, хотя и не без продолжающихся до настоящего времени споров, с моментом смерти мозга. В свою очередь, появление и развитие неонатологии (врачебная специальность «педиатр-неонатолог» в СССР появилась в 1987 г.)⁵ поставило не только перед медицинской, но и перед юридической наукой и практикой вопросы, касающиеся определения начального момента жизни человека, расширив возможности по сохранению жизни детей, родившихся недоношенными.

Ранее и практиков, и доктрину уголовного права для определения начального момента жизни человека вполне устраивала точка зрения, согласно которой жизнь человека начинается с момента начала процесса рождения⁶, а начальным моментом самого процесса родов, достаточным для констатации начала жизни ребенка, предлагалось считать прорезывание головки младенца, выходящего из организма матери⁷.

Объективности ради отметим, что такой подход, особенно в современном контексте, устарел, отличается примитивизмом и не учитывает ни гестационный возраст при родах, ни

стеркин Н., Степанова В., Звездина П. Сушкевич: Последнее доказательство // URL: <https://medvestnik.ru/content/articles/Sushkevich-poslednee-dokazatelstvo.html> (дата обращения: 25.01.2020).

³ См., например: *Баландина А.* «Будь проклят тот день»: как младенцы умирают в роддомах // URL: <https://m.gazeta.ru/amp/social/2019/08/09/12568279.shtml> (дата обращения: 25.01.2020).

⁴ *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М., 1951. С. 22.

⁵ См.: *Шабалов Н. П.* Неонатология : в 2 т. М., 2009. Т. 1. С. 10.

⁶ См., например: *Уголовное право России. Часть Особенная.* М., 2004. С. 20 ; *Уголовный закон в практике районного суда.* М., 2007. С. 15.

⁷ Подробнее об этом см.: *Коробеев А. И.* Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. М., 2012. С. 18—21 ; *Лопашенко Н. А.* Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика. М., 2018. С. 119—154.

иные признаки жизнеспособности родившегося ребенка, а также мало применим при определении начального момента жизни в случае оперативных родов (кесарева сечения).

Тем не менее названный подход получил фактическое законодательное закрепление в ч. 1 ст. 53 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁸ (далее — Основы), где указано, что «моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов», и никак иначе.

Появление современных медицинских методов, основанных на расширившихся возможностях применения инновационного оборудования и дорогостоящих высоких медицинских технологий (например, кювезов для новорожденных, легочного сурфактанта, специализированных аппаратов искусственной вентиляции легких для новорожденных), сделало возможным выхаживание глубоко недоношенных детей, вопрос выживания которых ранее не ставился в принципе. Это, в свою очередь, потребовало уточнения самого понятия «живорождение», которое достаточно давно было выработано Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), но, на наш взгляд, не получило полной и надлежащей оценки со стороны отечественной медицинской и юридической науки. Не касаясь споров относительно прав неродившегося плода, заметим (и это для нас очевидно), что под уголовно-правовую охрану может ставиться только существующая жизнь родившегося ребенка, иначе говоря, для признания человеческим существом ребенок должен родиться живым.

ВОЗ определяет живорождение как полное изгнание или извлечение из матери продукта зачатия, независимо от срока беременности, который после такого отделения дышит или демонстрирует иные доказательства жизни, такие как биение сердца, пульсация пуповины,

произвольные сокращения мышц, независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента⁹.

При этом отечественные подзаконные нормативные акты оперируют несколько иными терминами и используют расширенные критерии живорождения. Так, пунктом 3 приложения № 1 к приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи»¹⁰ (далее — Приказ № 1687н) предусмотрено, что «живорождением является момент отделения плода от организма матери посредством родов при сроке беременности 22 недели и более при массе тела новорожденного 500 г и более (или менее 500 г при многоплодных родах) или в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, при длине тела новорожденного 25 см и более при наличии у новорожденного признаков живорождения (дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента)».

Особо обратим внимание на то обстоятельство, что действующее российское законодательство в любом случае отказывается признавать живорождение при сроке беременности (а точнее, гестационном возрасте) менее 22 недель. Рождение ребенка сроком менее 22 недель, в соответствии с указанным выше приказом, будет считаться выкидышем, хотя, как мы покажем в дальнейшем, подобный подход влечет за собой целый ряд сложно разрешимых как с морально-этической, так и с медицинской и правовой точки зрения проблем.

Большинство зарубежных специалистов считают, что временная граница живорождения составляет не 22, а 23 недели, исходя из того что это минимальный возраст, при котором головной мозг может дифференцироваться на серое и белое вещество, и, соответственно, есть

⁸ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=325674&fld=134&dst=100853,0&rnd=0.19417037019048378#04464842376494642> (дата обращения: 25.01.2020).

⁹ См.: International statistical classification of diseases and related health problems. 10th revision, edition 2010 (ICD-10). World Health Organization, 2010. P. 151.

¹⁰ Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687н (ред. от 13.09.2019) «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=153028&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.2624814188308182#06372417159443462> (дата обращения: 25.01.2020).

надежда, что родившийся уже будет обладать человеческой личностью и умственными способностями¹¹. Причина же, по которой в России решили использовать минимальный срок беременности в 22 недели, специалистами аргументировалась слабо.

Еще один момент, которому следует уделить внимание, сводится к тому, что приведенные в Приказе № 1687н критерии живорождения корреспондируют с разд. 5.7.2 второго тома приложения к Международной классификации болезней МКБ-10¹², который касается лишь вопросов статистической отчетности, но не устанавливает и не учитывает критерии порога жизнеспособности ребенка. Нам вновь остается только гадать, почему специалисты Минздрава допустили подмену понятий при подготовке подзаконных нормативных актов, существенно расширив признаки живорождения, и не использовали критерии живорождения, предложенные ВОЗ.

Однако вернемся к критериям живорождения, предусмотренным Приказом № 1687н. Последняя редакция названного документа более четко определила признаки живорождения, предусмотрев два варианта его критериев (в отличие от прежней редакции, содержавшей три варианта) и поставив их в зависимость от срока беременности (хотя точнее было бы использовать понятие гестационного возраста) и массы тела ребенка.

Первый вариант (далее для упрощения мы будем рассматривать только одноплодную беременность) предлагает для признания факта живорождения установить наличие *сочетания* следующих факторов: а) **срок беременности более 22 недель**, б) **масса тела ребенка 500 г и более** (либо, при неизвестной массе, **длина тела 25 см и более**). *Второй вариант* касается рожденных при сроке беременности менее 22 недель или при массе тела ребенка менее 500 г (а если она неизвестна, то при длине тела менее 25 см): в этом случае фактор живорождения всего один — **продолжительность жизни родившегося более 168 часов (7 суток) после рождения**. Заметим, что исходя из буквального толкования текста анализируемого Приказа оба варианта требуют наличия и иных признаков

живорождения (дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры), предусмотренных п. 3 медицинских критериев рождения.

Установление признаков живорождения влечет за собой обязательность проведения реанимационных мероприятий для родившегося недоношенного ребенка, независимо от любых иных обстоятельств.

При этом первый вариант живорождения не вызывает вопросов относительно того, необходимо ли и целесообразно ли проводить реанимационные мероприятия в отношении такого ребенка. Мы полагаем, что в этом случае реанимационные мероприятия обязательны, а их непроведение будет влечь за собой уголовную ответственность медицинского персонала, действия которого при таких обстоятельствах могут быть квалифицированы по ст. 124 УК РФ, которая предусматривает ответственность за неоказание помощи больному. Напомним, что пункт 7 ст. 66 Основ, устанавливает, что реанимационные мероприятия не проводятся либо при состоянии клинической смерти (остановке жизненно важных функций организма человека (кровообращения и дыхания) потенциально обратимого характера на фоне отсутствия признаков смерти мозга) на фоне прогрессирующего достоверно установленных неизлечимых заболеваний или неизлечимых последствий острой травмы, несовместимых с жизнью, либо при наличии признаков биологической смерти человека.

Формулировки же второго варианта живорождения с неизбежностью вызывают вопросы относительно обязательности проведения реанимационных мероприятий в отношении таких детей. При этом проблема имеет гораздо более глубокие корни и сводится к необходимости определения правового статуса новорожденного с момента его рождения и до достижения им продолжительности жизни 168 часов (7 суток), о котором действующее законодательство умалчивает, даже не называя родившегося ребенком. Исходя из буквального толкования, приложение № 1 Приказа № 1687н отказывает в праве считаться рожденными и живыми детям, которые родились при сроке беременно-

¹¹ *Гранина Н.* Его органы не готовы : интервью с руководителем научного отдела неонатологии и патологии детей раннего возраста Научно-исследовательского клинического института педиатрии имени Ю. Е. Вельтищева Еленой Кешишян // URL: <https://lenta.ru/articles/2019/09/12/mladenets/> (дата обращения: 25.01.2020).

¹² International statistical classification of diseases and related health problems. P. 153.

сти менее 22 недель или массе тела ребенка менее 500 г (а в случае, если масса тела при рождении неизвестна, при длине тела ребенка менее 25 см), до истечения 7 суток с момента рождения, несмотря на то что все иные признаки живорождения у таких детей могут присутствовать в полном объеме и дети фактически будут живыми.

Анализ действующего законодательства показывает, что вопрос об обязательности реанимационных мероприятий в отношении таких глубоко недоношенных детей (авторы исходят из того, что родившиеся, вопреки определению Минздрава, все-таки дети) также не имеет однозначного решения.

С одной стороны, такие дети могут не иметь достоверно установленных неизлечимых заболеваний (заметим, что глубокая недоношенность к неизлечимым заболеваниям относиться не может) и в отношении таких детей реанимационные мероприятия обязательны в силу прямого указания закона (ст. 39 Основ).

С другой стороны, по убеждению некоторых исследователей, детям, родившимся на сроке 22—24 недель беременности, необходимо оказывать только паллиативную помощь, так как данный срок гестации является критическим, переходным, или «серой зоной». При этом в литературе отмечают, что для детей, рожденных на сроке 25 недель и более, реанимационные мероприятия должны проводиться в полном объеме с индивидуальным интенсивным уходом¹³. Названная точка зрения обосновывается материалами исследований, в частности исследованием 5 тыс. младенцев, рожденных в США на сроке от 22 до 27 недель беременности, которое показало, что благодаря активному медицинскому лечению из 78 двадцатидвухнедельных младенцев выжили только 18 детей (23 %), а к тому времени, когда они подросли, только у семерых (9 %) не было обнаружено ни умеренных, ни сильных недостатков здоровья. У шести детей были серьезные проблемы, такие как слепота, глухота или церебральный паралич¹⁴.

Именно поэтому объем реанимационных мероприятий в разных странах при рождении ребенка в период от 23 до 25 недель беременности зависит от воли родителей¹⁵. При этом для недоношенных детей, родившихся на сроке 22 недели беременности, реанимационные мероприятия обязательны только в России и в Турции¹⁶.

Еще раз подчеркнем, что с точки зрения действующего российского законодательства медицинская помощь глубоко недоношенным детям не может ограничиваться только паллиативной помощью, поскольку законодательная база для этого (как и программы перинатальной паллиативной помощи) полностью отсутствует. Более того, как было показано, действующее законодательство не предусматривает возможности отказа от реанимационных мероприятий в анализируемой ситуации.

Несмотря на сказанное, ответ на вопрос о том, подпадает ли родившийся глубоко недоношенный ребенок под уголовно-правовую охрану, остается открытым. Как мы уже отмечали, следуя формальной логике приказа Минздравсоцразвития, ребенок при наличии второго варианта критериев живорождения до истечения 7 суток живым не признается. Ответ на вопрос о том, кем он является в этот период, оставим на совести специалистов Министерства здравоохранения. И согласимся с медицинским юристом Полиной Габай в том, что такое положение а) создает угрозу внедрения антигуманных концепций наподобие лишения права на жизнь новорожденного с пороком развития или генетическим заболеванием, которые хорошо известны из истории нацистской Германии, б) дает почву для таких одиозных судебных решений, как определение Челябинского областного суда от 7 апреля 2014 г. по делу № 11-3634/2014, которым ребенок, проживший несколько суток в реанимации, был признан не рожденным, поскольку «не соответствовал определенным антропометрическим параметрам» (его вес составлял 480 г, то есть на

¹³ Drife J. Mode of delivery in the early preterm infant (28 weeks) // BJOG. 2006. Vol. 113. Suppl. 3. P. 81—85.

¹⁴ См.: Младенцам, родившимся на 22 неделе, дали шанс на выживание // URL: <https://www.refnews.ru/read/article/1286771> (дата обращения: 25.01.2020).

¹⁵ См.: Wilkinson D. J. Gestational ageism // Arch. Pediatr. Adolesc. Med. 2012. Vol. 166. № 6. Pp. 567—572. URL: <https://jamanetwork.com/journals/jamapediatrics/fullarticle/1171942> (дата обращения: 25.01.2020).

¹⁶ См.: Журавлева Н. Только две страны реанимируют всех младенцев, родившихся на 22-й неделе, — Россия и Турция // URL: https://vademec.ru/article/v_kontse_proshlogo_veka_v_rodilnykh_domakh_tualety_byli_na_ulitse/ (дата обращения: 25.01.2020).

20 г меньше, чем это установлено критериями о рождении)¹⁷.

На наш взгляд, одной из причин появления подобных судебных решений (помимо формального применения буквы, но не духа закона) является то, что анализируемое положение Приказа № 1687н входит в противоречие с определением критериев живорождения Всемирной организацией здравоохранения, которая не связывает признаки живорождения с гестационным возрастом (сроком беременности).

Нужно ли оказывать глубоко недоношенным детям полноценную, в том числе реанимационную, помощь? Мы убеждены лишь в одном: запрета на ее оказание в законодательстве не должно существовать в принципе, несмотря на все имеющиеся риски патологии дальнейшего развития таких детей. Заметим, что медицине известны случаи выхаживания и нормального развития недоношенных младенцев, родившихся ранее 22 недель¹⁸, однако учесть на уровне нормативного акта всю полноту обстоятельств, сопровождающих рождение таких детей, как нам кажется, принципиально невозможно.

Следует помнить, что современные медицинские технологии постоянно развиваются. Мы верим, что в обозримом будущем гестационный возраст, при котором появится возможность выхаживать родившихся недоношенных детей, будет постоянно снижаться. К примеру, исследователи из Технического университета Эйндховена обещают представить первый прототип искусственной матки, который бы точно смог копировать организм матери, в течение пяти ближайших лет¹⁹, что может решить вопрос о сохранении жизни плода в ситуации, которая расценивается современной медициной как выкидыш.

На взгляд авторов, при нынешнем уровне развития медицинских технологий сам факт оказания помощи и ее объемы для глубоко недоношенных младенцев должны зависеть от воли родителей, которые должны получить право не только оценить, в том числе и с по-

мощью специалистов, возможные риски возникновения неблагоприятных последствий для дальнейшей жизни недоношенного ребенка, но и принять решение о проведении реанимационных мероприятий в рамках института добровольного информированного согласия, уже закрепленного действующим законодательством.

В настоящий момент отказ врачебного персонала (а возможно, и родителей) от оказания помощи родившемуся с признаками жизни недоношенному ребенку даже при гестационном возрасте менее 22 недель с высокой степенью вероятности повлечет за собой попытки правоохранительных органов привлечь либо родителей, либо медицинских работников к уголовной ответственности, несмотря на всю правовую неопределенность ситуации.

Мы полагаем, что действующее законодательство в части регулирования вопросов оказания медицинской помощи при рождении недоношенных детей требует уточнения понятийно-категориального аппарата и критериев живорождения. Кроме того, необходимо ввести норму, которая бы прямо связывала проведение реанимационных мероприятий для рожденных недоношенных детей при сроке беременности до 23 недель с волей родителей.

Заметим, что пробельность и внутренняя противоречивость действующего законодательства в рассматриваемой сфере никак не могут способствовать единообразному, правильному пониманию и применению закона, но, напротив, влекут за собой серьезные недостатки и «перегибы» в правоприменительной практике, создают у медицинского сообщества ощущение необоснованности привлечения к ответственности, кампанейщины и «охоты на ведьм».

Учитывая несовершенство правового понятийно-категориального аппарата в анализируемой области, сложность морально-этической оценки обозначенных проблем, как нам представляется, с особой осторожностью следует рассматривать отдельные предложения о рас-

¹⁷ См.: *Габай П.* С ВОЗу, или как Россия «перешла» на международные критерии живорождения // URL: <https://echo.msk.ru/blog/gabay/2362267-echo/> (дата обращения: 25.01.2020).

¹⁸ См., например: *Лаговский В.* Фигуристка родила через два дня после смерти // URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26555/427419/> (дата обращения: 25.01.2020).

¹⁹ The Guardian: Artificial womb: Dutch researchers given €2.9m to develop prototype // URL: <https://www.theguardian.com/society/2019/oct/08/artificial-womb-dutch-researchers-given-29m-to-develop-prototype> (дата обращения: 25.01.2020).

ширении границ ответственности медицинских работников²⁰. Вынуждены констатировать, что авторы подобных предложений зачастую забывают базовые доктринальные положения, касающиеся криминализации деяний, которая может быть признана обоснованной лишь при учете законодателем совокупности целого ряда факторов, важнейшими из которых являются: определенная степень общественной опасности деяний, их относительная распространенность и типичность, неблагоприятная динамика правонарушений, возможность воздействия на них уголовно-правовыми средствами при невозможности успешной борьбы менее репрессивными мерами, отсутствие негативных

побочных последствий запрета, наличие материальных ресурсов для его реализации, определенный уровень общественного правосознания и психологии населения²¹.

Попытки же обеспечить гарантированные Конституцией РФ права граждан на жизнь и здоровье исключительно уголовно-правовыми мерами и средствами и только путем введения новых уголовно-правовых запретов, без учета всех необходимых факторов, лежащих в основе криминализации и пенализации общественно опасных деяний, при игнорировании фундаментальных постулатов теории уголовного права, его принципов, на наш взгляд, изначально обречены на провал.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеева М.* Следственный комитет предлагает новые статьи в Уголовный кодекс за врачебные преступления // URL: <https://medrussia.org/30061-nakazivat-sokritie/> (дата обращения: 11.08.2019).
2. *Габай П.* С ВОЗу, или Как Россия «перешла» на международные критерии живорождения // URL: <https://echo.msk.ru/blog/gabay/2362267-echo/> (дата обращения: 25.01.2020).
3. *Коробеев А. И.* Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. — М., 2012.
4. *Коробеев А. И.* Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. — М., 2019.
5. *Лопашенко Н. А.* Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика. — М., 2018.
6. Уголовное право России. Часть Особенная. — М., 2004.
7. Уголовный закон в практике районного суда. — М., 2007.
8. *Шабалов Н. П.* Неонатология : в 2 т. — М., 2009. — Т. 1.
9. *Drife J.* Mode of delivery in the early preterm infant (28 weeks) // BJOG. — 2006. — Vol. 113. — Suppl. 3.
10. International statistical classification of diseases and related health problems. — 10th revision, edition 2010 (ICD-10). — World Health Organization, 2010.
11. *Wilkinson D. J.* Gestational ageism // Arch. Pediatr. Adolesc. Med. — 2012. — Vol. 166. — № 6. — URL: <https://jamanetwork.com/journals/jamapediatrics/fullarticle/1171942> (дата обращения: 25.01.2020).

Материал поступил в редакцию 1 февраля 2020 г.

REFERENCES

1. *Alekseeva M.* Sledstvennyy komitet predlagaet novye stati v Ugolovnyy kodeks za vrachebnye prestupleniya [The Investigative Committee proposes new articles to the Criminal Code for medical crimes]. [Internet]. [cited 11 Aug 2019]. Available from: URL: <https://medrussia.org/30061-nakazivat-sokritie/>. (In Russ.)
2. *Gabay P. S* VOZu, ili kak Rossiya «pereshla» na mezhdunarodnye kriterii zhivorozhdeniya [Know WHO, or How Russia “switched” to the international criteria of live birth]. [Internet]. [cited Aug 2019]. Available from: <https://echo.msk.ru/blog/gabay/2362267-echo/> (In Russ.).

²⁰ См., например: *Алексеева М.* СК предлагает новые статьи в Уголовный кодекс за врачебные преступления. URL: <https://medrussia.org/30061-nakazivat-sokritie/> (дата обращения: 11.08.2019); Текст законопроекта изменений в УК РФ с пояснительной запиской. URL: <https://medrussia.org/wp-content/uploads/2019/06/proekt-federalnogo-zakona-o-vnesenii-izmeneniy-v-ugolovnyy-kodeks-rossiyskoj-federacii-1.rtf> (дата обращения: 25.01.2020).

²¹ См.: *Коробеев А. И.* Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 62—63.

3. Korobeev AI. Prestupnye posyagatelstva na zhizn i zdorove cheloveka [Criminal attacks on life and health of a person]. Moscow; 2012. (In Russ.)
4. Korobeev AI. Ugolovno-pravovaya politika Rossii: ot genezisa do krizisa [Criminal-legal policy of Russia: from genesis to crisis]. Moscow; 2019. (In Russ.)
5. Lopashenko NA. Issledovanie ubiystv: zakon, doktrina, sudebnaya praktika [Investigation of Murders: Law, Doctrine, Judicial Practice]. Moscow; 2018. (In Russ.)
6. Ugolovnoe pravo Rossii. Chast Osobennaya [Criminal Law of Russia. The Special Part]. Moscow; 2004. (In Russ.)
7. Ugolovnyy zakon v praktike rayonnogo suda [Criminal Law in the Practice of a District Court]. Moscow; 2007. (In Russ.)
8. Shabalov NP. Neonatology: in 2 vol. Vol. 1. Moscow; 2009. (In Russ.)
9. Drife J. Mode of delivery in the early preterm infant (28 weeks). BJOG. 2006;113(3).
10. International statistical classification of diseases and related health problems. 10th revision, edition 2010 (ICD-10). World Health Organization; 2010. Printed in Malta.
11. Wilkinson D. J. Gestational ageism. Arch. Pediatr. Adolesc. Med. 2012;166(6). [Internet] 27 April 2020. [cited 25 Jan 2020]. Available from: <https://jamanetwork.com/journals/jamapediatrics/fullarticle/1171942>.

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.073-082

И. И. Аминов*

Развитие государственности в Центральной Азии в ахеменидский период (VI—IV вв. до н.э.)

Аннотация. В статье дается оценка прогрессивному значению вхождения Парфии, Маргианы, Хорезма и других областей Центральной Азии в состав Ахеменидского государства, политический режим которого не имел ярко выраженных черт оккупационного порядка, основанного на жестокой эксплуатации покоренных народов, а был достаточно гибким, приспособленным к особенностям каждой области. Объединению под властью ахеменидской династии центральноазиатских народов способствовало также их национальное, языковое и ментальное сходство, поскольку персы с одной стороны, саки, дахи, парфяне, каспии, хорезмийцы — с другой были в предыдущие эпохи родственными народами и проявляли, вероятнее всего, склонность к политической консолидации.

На этом основании делается вывод, что власть персидских царей среди народов Центральной Азии, несмотря на сепаратистские тенденции и ряд антиправительственных выступлений, была легитимной. Взаимовыгодное сотрудничество и прочные связи центра и провинций вели к стабильности, миру, созданию благоприятных условий для развития хозяйственных и торговых связей, налаживанию регулярного денежного обращения, уважению культурной, религиозной и языковой идентичности народов, соблюдению баланса интересов социальных общностей. Ахеменидское правление внесло в историю юридической мысли идею противоборства добра и зла, соразмерности личных и государственных интересов, приведения посредством кодификации законов покоренных народов, их правовых обычаев, религиозных норм в соответствие с общеимперским законодательством.

Данный историко-правовой опыт был не только творчески воспринят и применен геополитическими наследниками Ахеменидского государства — Александром Македонским, Селевкидами, Аршакидами и Сасанидами, но и в контексте современных национально-государственных интересов может быть актуален для Российской Федерации, Ирана, Казахстана, Узбекистана — лидеров современной интеграции, определяющей внешнеполитические курсы и геополитические ориентиры государств Центрально-Азиатского региона.

Ключевые слова: Ахеменидское государство; Бактрия; Парфия; Маргиана; Хорезм; Гиркания; Восточный Прикаспий; кочевые племена; государственное устройство; законотворчество; Центрально-Азиатский регион.

Для цитирования: Аминов И. И. Развитие государственности в Центральной Азии в ахеменидский период (VI—IV вв. до н.э.) // *Lex russica*. — 2020. — Т. 73. — № 5. — С. 73—82. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.073-082.

© Аминов И. И., 2020

* Аминов Илья Исакович, кандидат психологических наук, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
aminovii@mail.ru

Development of Statehood in Central Asia during the Achaemenid Period (6th — 4th centuries BC)

Ilya I. Aminov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminology and Penal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
aminovii@mail.ru

Abstract. The paper examines the progressive significance of the entry of Parthia, Margiana, Khorezm and other regions of Central Asia into the structure of the Achaemenid State, the political regime of which had no obvious features of the occupation order based on the brutal exploitation of the conquered peoples, but rather flexible and adapted to the specificities of each area. The unification of the Central Asian peoples under the authority of the Achaemenid dynasty was also facilitated by their national, linguistic and mental similarities, since the Persians, on the one hand, the Saks, the Dahs, the Parthian, the Caspian, Khorezmians — on the other, were in previous epochs related to peoples and, most likely showed a tendency to political consolidation.

On this basis it is concluded that the power of the Persian kings among the peoples of Central Asia, despite separatist tendencies and a number of anti-government speeches, was legitimate. Mutual cooperation and strong ties between the center and the provinces led to stability, peace, the creation of favorable conditions for the development of economic and trade relations, the establishment of regular monetary treatment, respect for the cultural, religious and linguistic identity of peoples and the balance of interests of social communities. The Achaemenid rule introduced in the history of legal thought the idea of fighting between the good and the evil, the proportionality of personal and State interests, the codification of the laws of the conquering peoples, their legal customs and religious norms in accordance with the general imperial law.

This historical and legal experience was not only creatively perceived and applied by geopolitical successors of the Achaemenid state — Alexander the Great, Seleucids, Arshakid and Sassanid, but also in the context of modern national and state interests may be relevant for the Russian Federation, Iran, Kazakhstan, Uzbekistan — leaders of the modern integration, defining the foreign policy and geopolitical orientations of the Central Asian region.

Keywords: Achaemenid State; Bactria; Parthia; Margiana; Khorezm; Girkania; Eastern Caspian region; nomadic tribes; state structure; lawmaking; Central Asian region.

Cite as: Aminov I. Razvitie gosudarstvennosti v Tsentralnoy Azii v akhemenidskiy period (VI—IV vv. do n.e.) [Development of Statehood in Central Asia during the Achaemenid Period (6th — 4th centuries BC)]. *Lex russica*. 2020;73(5):73—82. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.073-082. (In Russ., abstract in Eng.).

Известно, что древнюю историю начиная с определенного рубежа удобно периодизировать в соответствии с политической историей крупнейших государств. Для регионов Центральной Азии такими государствами были: древнеперсидское Ахеменидское государство, Греко-Бактрия, Селевкидское государство, Парфянская империя, Хорезм, Кушанская империя и, наконец, среднеперсидское государство Сасанидов. В состав государства Ахеменидов, основанного Киром II Великим — вождем персидских племен Мидийского государства, отдельные территории Центральной Азии входили более 200 лет. В 547 г. до н.э. Кир присоединил к своим владениям Лидию; в 539 г. до н.э. — Вавилон, далее перенес свои экспансионистские устремления в сторону Централь-

ной Азии¹. Вероятнее всего, между 550 и 547 гг. до н.э. под власть Кира попала Парфия, признавшая до этого мидийское владычество. Вместе с Бактрией власти Ахеменидов подчинилась Маргиана, а затем Хорезм. Овладев этими территориями, Кир вступил в непосредственное соприкосновение с кочевыми племенами Восточного Прикаспия. Однако предпринятый против них в 530 г. до н.э. Великий поход окончился полным поражением и гибелью самого Кира². Важнейшие же оседло-земледельческие регионы Центральной Азии остались в составе Персидского государства.

После смерти Кира, в царствование его сына Камбиса (530—522 гг.), основное внимание было уделено завоеванию Египта. Младший же сын Кира Бардия был назначен правителем Бак-

¹ История Востока : в 6 т. (7 кн.) / под ред. Р. Б. Рыбакова. М. : Восточная литература РАН, 2002—2008. Т. 1 : Восток в древности. М., 2002. С. 118.

² Геродот. История, I, 205—214.

трии, Хорезма, Парфии и Карамании³. Это позволяет говорить о том, что во времена ахеменидского владычества области с земледельческим населением были политически объединены.

Несмотря на то что о социально-экономическом положении населения в этих областях в годы правления Камбиса письменные источники ничего не сообщают, известно, что конец этого царствования ознаменовался кризисом, потрясшим до основания всю Ахеменидскую империю. За происходившей в это время династической борьбой можно увидеть глубокие внутренние причины, связанные со стремлением государств и народов, вошедших в состав персидского (иранского) государства, вернуть себе прежнюю независимость. При этом даже в среде персидских и индийских племен, занимавших в Ахеменидской империи привилегированное положение, шли процессы имущественной дифференциации, связанные с возвышением знати и усиливающимся порабощением рядовых общинников. Эти же процессы дошли и до среднеазиатских владений Ахеменидов. Рост привилегий у рабовладельческой аристократии привел к широкомасштабным волнениям среди рядовых общинников. Так, в Маргиане произошло восстание под предводительством Фрада (523—522 гг. до н.э.). В Мидии был поднят мятеж Фравартишем, выдававшим себя за царя из рода Киаксара. К этому движению примкнули Парфия и Гиркания, объединенные в те годы в одну сатрапию. В Маргиане после подавления восстания насчитывалось 55 243 убитых и 6 972 пленных, что указывает на то, что выступление было действительно народным⁴.

В сентябре 522 г. до н.э. во главе империи Ахеменидов встал Дарий I (522—486 гг. до н.э.), немедленно приступивший к подавлению волнений и различных смут среди покоренного населения. И хотя к концу 521 г. до н.э. власть Ахеменидов была полностью восстановлена, правительство провело ряд политических, ад-

министративных, налоговых реформ, которые закончились не только увеличением контингента войск, но и облегчением положения рядовых общинников. В Бехистунской надписи Дарий прямо говорит об этом: «Я вернул народу пастбища, имущество, жилища... Я восстановил страну в прежнем виде, и Персию, и Мидию, и другие страны»⁵.

Другим крупным событием в эпоху правления Дария I стал поход против кочевников Центральной Азии, сохранивших после неудачной попытки Кира независимость. В результате военных действий в 517 г. до н.э. Дарию удалось распространить свое влияние и на значительную часть центральноазиатских кочевых племен⁶.

Несмотря на то что имеющиеся историко-правовые и археологические источники не позволяют подробно описать особенности государственного устройства империи Ахеменидов, следует отметить непреложную истину: в древности огромная империя не могла быть централизованным государством в современном понимании вследствие низкого уровня ее коммуникаций. Стабильность как древних, так и средневековых империй предполагала существование самоуправляющихся и, следовательно, потенциально автономных округов.

Известно, что при Дарии I все Персидское государство, будучи абсолютной монархией, было поделено на административно-податные округа — сатрапии. При этом границы сатрапий, как правило, совпадали со старыми этническими границами государственных образований, вошедших в состав империи. Следовательно, сатрапии в большинстве своем не были искусственными объединениями, а в целом отражали реально сложившееся культурно-историческое единство центральноазиатских социумов. Стремясь интегрировать в свою административную систему уже сложившиеся локальные политические структуры, персы предоставили сатрапиям широкие права, а в случае проявления лояльности и право наследования власти⁷.

³ Пьянков И. В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия (текст, пер., примеч.). Душанбе, 1975. С. 92.

⁴ Струве В. В. Восстание в Маргиане при Дарии I // Вестник древней истории. 1949. № 2. См. подробнее: История таджикского народа. Т. 1: С древнейших времен до V в. н.э. / под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М., 1963. С. 236—272.

⁵ Herzfeld H. *Altpersische Inschriften*. Berlin, 1938. Ss. 50—54.

⁶ Струве В. В. Поход Дария I на саков-массагетов // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946. Т. 3. № 3.

⁷ Вергазов Р. Р. «Персидский мир». Механизмы культурной интеграции локальных элит северных и северо-восточных сатрапий Ахеменидов // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 21. С. 117.

Внутри сатрапий существовали автономные, самоуправляющиеся родоплеменные города и сельские поселения. В Бехистунской и других древнеперсидских памятниках письменности упоминаются 23 сатрапии. Подобный список содержится и в труде персофильски настроенного древнегреческого историка Геродота: перечислены 20 сатрапий и около 70 народов. Разногласия между древнеперсидскими надписями и Геродотом в определенной мере объясняются изменением количества сатрапий и их границ вследствие новых завоеваний или же в результате административных реформ — дроблением сатрапий, то есть увеличением их численности за счет уменьшения территории⁸.

Бактрийская, Мидийская, Лидийская, Нововавилонская, Египетская империи, покоренные персами, и союзные царства, например Армения, обрели статус великих сатрапий. Покоренные же царства получили статус основных сатрапий, а их устойчивые внутренние подразделения, например Маргиана в составе Бактрии⁹, стали малыми сатрапиями. Саки и северные каспии вошли в пятнадцатую основную сатрапию; парфяне, хорезмийцы, согдийцы и арейцы — в шестнадцатую основную сатрапию¹⁰. Сатрапии были обязаны платить налоги серебром в эвбейских талантах.

Во времена царствования Кира и Камбиза твердо установленных норм взимания повинностей не было. Часть покоренных народов вместо податей, как правило, преподносила верховной власти подарки. Поскольку подобная практика отрицательно сказывалась на государственных доходах и могла повлечь за собой коррупционные правонарушения, Дарий I осуществил серьезные преобразования и в этой сфере. По его указу все земли империи были тщательно измерены в парсангах (мера в 30 стадий) и классифицированы по роду насаждений и степени урожайности¹¹. На основе измерений и расчетов были составлены кадастры с указанием размеров податей в зависимости от категории земли. Все сатрапии были

обязаны платить строго фиксированные для каждой области подати серебром. Размер податей устанавливался на основе среднего урожая с обрабатываемой земли за несколько лет и степени ее плодородности.

Общая сумма налогов, поступавших из всех сатрапий, по данным Геродота, равнялась 14 560 талантам (более 400 т серебра). Впрочем, налоговое бремя, налагаемое на центральноазиатские сатрапии, не было излишне тяжелым: Парфия, Хорезм, Согд и Ария платили 300 талантов; Бактрийская сатрапия — 360; саки и каспии — 250¹². Таким образом, все восточные регионы ежегодно платили в ахеменидскую казну столько же, сколько одна VI сатрапия (Египет и примыкающие к нему Ливия, Киренаика и Барка). Кроме этих податей в отношении некоторых сатрапий были введены дополнительные налоги для содержания на их территории военных гарнизонов¹³.

Подати, собранные градоначальниками, сельскими старостами, поступали в сокровищницу сатрапа. Часть их оставалась для нужд сатрапии, остальная отчислялась в государственную сокровищницу, отделения которой имелись во всех областях и районах. Содержимое этих государственных сокровищниц расходовалось по распоряжению главного хранителя царской казны. Определенная часть собранных податей отправлялась в центральную царскую сокровищницу в Персеполе.

За сбором податей и выполнением повинностей следил сатрап. Он также обеспечивал в пределах сатрапии контроль над местными чиновниками. Сатрап обладал правом чеканить серебряную и медную монету, имел небольшой отряд воинов для поддержания правопорядка. Все эти меры вносили мир и благосостояние в провинции.

Если в годы правления Кира или Камбиса сатрапами могли стать представители местных именных династий, то в результате реформ Дария руководящие позиции в сатрапиях сосредоточились в среде центральных элит и на

⁸ Дандамаев М. А. Мидия и Ахеменидская Персия // История Древнего мира. Расцвет древних обществ. М.: Знание, 1983. С. 148.

⁹ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен в Передней Азии. М., 2007. С. 196.

¹⁰ Геродот, III, 92—93.

Здесь следует отметить, что в списке Геродота многое вызывает сомнение. Так, например, Согд, скорее всего, входил в одну сатрапию с Бактрией.

¹¹ Геродот, VI, 42.

¹² Robin Waterfield i Carolyn Dewald: «Herodot — Povijesti» (Herodotus — The histories). 1998. S. 593.

¹³ Дьяконов И. М. История Мидии. М. — Л., 1956. С. 344.

пост наместников стали значительно чаще назначать персов. Однако влияние местной аристократии было все же сохранено. Она взяла на себя функции представителей ахеменидской власти в более мелких административно-территориальных единицах: округах, городах, вплоть до деревень, гарантируя надежный стратегический тыл. Наместники округов носили титул «*фратарак*». Города и деревни имели своих начальников — *лекид*, подчинявшихся фратараку. Для усиления централизации и борьбы с сепаратистскими тенденциями в сатрапиях Дарий I создал систему надзора за управителями всех уровней¹⁴.

Аппарат управления сатрапии, повторяя, хотя и в меньших масштабах, структуру и содержание центральных органов государственной власти, включал сатрапа, его двух помощников, начальника сатрапской сокровищницы, придворный совет, состоявший из командированных чиновников из центра, канцелярию, где трудились писцы, переводчики, счетоводы, кладовщики и другие чиновники. Поскольку сатрап, наряду с административными функциями, выполнял обязанности главного судьи, он имел в своем штате судей и делопроизводителей. Военные полномочия сатрапа, в отличие от иных прав и обязанностей, не были постоянными. До правления Дария I сатрап одновременно являлся военачальником, отвечал за внутренний порядок и внешнюю безопасность в провинции. Однако в целях сдерживания роста могущества сатрапов и пресечения всевозможных сепаратистских настроений с их стороны Дарий лишил наместников военной власти, оставив в их ведении исключительно гражданские и хозяйственные вопросы. Отныне войска сатрапий подчинялись военачальнику, который назначался только царем и подчинялся только ему¹⁵.

Сразу после назначения к сатрапу приставляли двух чиновников, обязанных следить и докладывать обо всем происходящем в сатрапии. Кроме этого раз в год из центра в сатрапию направлялись царские ревизоры с отрядом воинов. Обо всех недостатках и злоупотреблениях,

обнаруженных в сатрапиях, они тайно докладывали царю. При необходимости из центра мог быть направлен специальный ревизор для проверки деятельности провинившегося сатрапа или других местных чиновников¹⁶.

Независимостью положения обладал также назначенный сатрапу секретарь, осуществлявший связь между центральным правительством и местной канцелярией. Верховный же контроль над всем государством и всеми чиновниками был доверен *хазарпату* («тысяченачальнику»), одновременно выполнявшему функции начальника личной охраны (гвардии) царя.

В целом хорошо отлаженная и организованная система государственного надзора действовала надежно и эффективно, что наряду с другими политическими и военными мерами обеспечивало целостность Ахеменидской империи¹⁷.

Дарием I были произведены значительные преобразования в *судебно-правовой системе*. Об этом свидетельствует закон, упомянутый в надписях этого царя в Бехистуне, Персеполе, Сузах, Накши Рустаме. Известная науке под знаком NR 6 накширустамская надпись гласит: «В этой стране с теми, кто мирно вел себя по отношению к другим, я обращался хорошо. Лгунов я сильно наказывал. С помощью Ахура Мазды эти страны следовали моим законам и выполняли все мои приказы»¹⁸.

В послании, высеченном на Бехистунской скале, Дарий сообщает: «Ахура-Мазда потому помогал мне, что я не был вероломным, лжецом или злодеем, ни я, ни род мой. Согласно справедливости поступал я. Я не делал зла ни слабому, ни сильному... Страны эти, которые стали мятежными, ложь сделала их мятежными. Ты, который будешь царем впоследствии, берегись крепко от лжи». В другом месте он наставлял своих сторонников и последователей верить и не отступать от его законов. В надписи из Суз Дарий призывал к справедливости, считая неукоснительное следование его законам — основополагающей обязанностью всех подданных, а также требовал поступать так,

¹⁴ Арриан. Анабасис, III, 22 ; Гусаков В. В. Сако-массагеты, их соседи и современники в среднеазиатской политике державы Ахеменидов // Вестник Владикавказского научного центра. 2010. Т. 10. № 1. С. 15.

¹⁵ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М, 1980. С. 108—127.

¹⁶ Ксенофонт. Анабасис. М. — Л., 1951. С. 87—90.

¹⁷ Джавади Г. История государственного управления в Иране и Средней Азии в древности : дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2004. С. 42.

¹⁸ Джавади Г. Указ. соч. С. 51.

чтобы сильные не обделяли слабых¹⁹. Здесь следует отметить, что после возведения религии Ахура-Мазды на вершину государственной идеологии Ахеменидов это этическое учение перекинулось далеко за пределы иранских этнических границ. Оно добавило в историю юридической мысли идею противоборства добра и зла²⁰. Основа этого учения — Закон Аша, благодаря законотворческой деятельности правителей Персии смог на долгие годы упорядочить повседневную жизнь каждого подданного, соразмерить личные интересы с общественными, заставить держать себя и других в рамках не только государственного, но и божественного контроля.

При Дарии I велась интенсивная работа по кодификации законов покоренных народов, правовых обычаев, религиозно-правовых норм, по приведению их в соответствие с общеимперским законодательством²¹. Кодифицируя право, Ахемениды широко использовали законы Вавилона, в том числе законы Хаммурапи. При этом вавилонское частное право в эпоху персидского владычества существенно не изменилось. Иранскому же влиянию подверглись многие официальные правовые институты, включая введение в язык права и юридическую технику многих иранских терминов, в том числе светского выражения: «согласно Закону (*дата*) царя». В центральноазиатских сатрапиях благодаря деятельности многочисленных переводчиков общественные отношения регулировались как местными законами, приведенными в соответствие с общегосударственными, так и общеимперскими нормами²².

В системе ахеменидского судопроизводства наивысшую ступень занимал сам царь, то есть им осуществлялись полномочия верховного судьи и принимались окончательные решения по наиболее тяжким преступлениям. По свидетельству Геродота, Дарий сам разбирал тяжбы, а иногда своим повелением назначал судью²³. При царе существовала высшая судебная коллегия, состоявшая из пяти — семи

высших чиновников. Иногда состав судебной коллегии был смешанным, и в него входили как царские судьи, так и старейшины из числа полноправных граждан. Смешанная судебная коллегия после царя занимала наиболее высокое положение в судебной иерархии. Коллегия рассматривала дела и предоставляла материалы царю для принятия им окончательного решения. Однако по тем судебным спорам, что касались внешней политики и национальной безопасности, решения царь принимал единолично.

Вторую ступень в судебной иерархии после царя занимал назначаемый царем главный судья (*датабар*), принимавший решения в пределах своих полномочий.

Осуществление правосудия в сатрапиях входило в компетенцию сатрапов. Под их непосредственным руководством работали судьи-делопроизводители. В случае если истцы были жителями разных районов, в судебном разбирательстве участвовали назначенные сатрапами судьи из обоих регионов. Для разбирательства мелких правонарушений действовали общественные суды.

Смертная казнь, как правило, применялась за преступления, совершенные против царя и членов его семьи, за измену царю, государству, за другие особо тяжкие преступления. К смертной казни могли приговорить за многократные преступления, но только если вина подсудимого превышала его заслуги²⁴. По другим, менее тяжким преступлениям виновный мог лишиться руки, ноги, зрения, мог быть наказан кнутом, штрафом, ссылкой и т.д.

Взятничество среди судей сурово каралось. Геродот сообщает, что Камбиз повелел с судьи, уличенного во взяточничестве, содрать кожу, выделать ее и обтянуть ею судейское кресло. Затем Камбиз назначил судьей сына казненного, приказав ему выносить решения, сидя на этом кресле²⁵.

Наряду с кодифицированными законами в судопроизводстве применялись клятва (*вара*)

¹⁹ Бехистунская надпись Дария I. 4 столб. 36—40 ; 60—69 ; 69—72 / пер. М. А. Дандамаева // Рак И. В. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб., М., 1998.

²⁰ Шишов А. Таджики. Этнографическое исследование. Алматы, 2006. С. 46.

²¹ Талезари А. А. Становление и развитие институтов преступления и наказания в истории права Ирана : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2015. С. 11.

²² Джавади Г. Указ. соч. С. 51.

²³ Геродот, V, 12.

²⁴ Геродот, I, 137.

²⁵ Геродот, V, 25.

и религиозные правовые нормы. На это указывает надпись Дария, где он сообщает: «Если кто-то оклеветает другого, то меня удовлетворит, если он произнесет клятву (о своей невиновности)»²⁶. Для определения невиновности применяли испытания иными средствами — огнем, водой, ядом и т.д. Эти правовые нормы возникли в глубокой древности, имели религиозную окраску и выполнялись в присутствии священника.

Купля-продажа домов, земельных владений нередко производилась в присутствии храмовых служителей (*мубадов*). Документы о купле-продаже оформлялись в присутствии судей конкретных административных округов государства. Контракты составлялись в присутствии 3—9 свидетелей профессиональными писцами по определенным формулярам в двух экземплярах, которые вручались каждой из сторон. В документе подчеркивалась добровольность сделки, обязанность соблюдать все условия, указанные в контракте. Нарушителя ждал штраф или иное наказание. К документам прилагались печати свидетелей и контрагентов или оттиски их ногтей.

Законодательство в исследуемый период охватывало и *семейные отношения*. Семья в государстве Ахеменидов была моногамной, так как муж не имел права брать официально вторую жену. При заключении брачного договора между супругами оговаривались уплата штрафа в 200 сиклей серебра и оставление всех подарков в случае, если у супруга появится другая жена и другие дети. Эти требования распространялись и на жену. Жених должен был уплатить отцу невесты выкуп от 5 до 10 сиклей серебра, одно шерстяное и несколько полотняных платьев, зеркало, посуду и др. В случае смерти одного из супругов другой наследовал ему²⁷.

Наличие правовой системы и товарных отношений свидетельствует о развитости в сатрапиях Центральной Азии в VI—IV вв. до н.э. *рабовладельческого общества*, верхушку которого составляла аристократия, не утратившая своего влияния и богатств в связи с ахеменидским завоеванием. Однако рабство, скорее всего, не было основой экономического благосостояния сатрапий.

Другой полюс среднеазиатского общества, его основной массив составляли общинники — представители как крупных поселений городского типа, так и мелких сельских. Это были основные участники ахеменидских военных формирований. Об имущественном расслоении среди общинников свидетельствует наличие среди воинского контингента конников и пехотинцев. Поскольку содержание коня и вооружение конного воина, носившего панцирь, было значительно дороже вооружения пешего воина, можно предположить, что богатые общинники были всадниками, в то время как их менее состоятельные соплеменники составляли пехоту.

Несмотря на то что области и народы, включенные в состав Ахеменидского государства, должны были не только поставлять воинов в персидскую армию, но и уплачивать денежные поборы, благосостояние населения регионов Центральной Азии, занятого преимущественно скотоводством и земледелием, достигло для своего времени высокого уровня²⁸. Кроме того, вхождение этих территорий в состав обширного государства способствовало усилению межкультурных связей с наиболее развитыми странами Переднего Востока, способствовало усилению торговли, развитию товарного обращения. Все эти обстоятельства следует иметь в виду при рассмотрении хозяйства оседлых и кочевых областей Центральной Азии в ахеменидский период.

Анализ различных источников свидетельствует, что поля орошались водой, подававшейся развитой системой каналов, остатки которых сохранились в Хорезме и Маргиане. Здесь строились крупные плотины, создавалась сложная система ирригации, восхищавшая многих²⁹. В Маргиане, помимо ранее существовавших оазисов, стал осваиваться район к северо-востоку от современного Байрам-Али, где возникло новое крупное поселение (возле Эрк-Калы), со временем ставшее столицей Маргианы.

В подгорной полосе получила развитие система подземных каналов — кяризов. Поскольку строительство подземных гидротехнических сооружений было связано с большими материальными затратами, лица, проводившие кяризы,

²⁶ Джавади Г. Указ. соч. С. 53.

²⁷ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Указ. соч. С. 127—140.

²⁸ История Туркменской ССР. Ашхабад, 1957. Т. 1. Кн. 1 : С древнейших времен до конца XVIII века. С. 65—66.

²⁹ Массон М. Е. О работах Южно-Туркменистанской археологической экспедиции : тезисы докладов на Сессии Отделения исторических наук и Пленума ИИМК АН СССР. М., 1954. С. 42.

освобождались на значительный срок от уплаты податей³⁰.

Крупные поселения, бывшие ранее лишь центрами сельскохозяйственных районов, в период ахеменидского правления стали местами сосредоточения ремесленного производства и приобрели черты поселений городского типа. Так, в Бехистунской надписи, а также греческими авторами упоминаются два города (полиса) в Парфии — Патиграбана и Вишпаузатиш с крупными цитаделями, расположенными на высоких платформах. Подобные факты подтверждаются археологическими исследованиями Гяур-калы³¹ в Маргиане, хорезмийской крепости Кюзели-Гыр³². Несмотря на то что для более полного понимания характера древних городов не хватает письменных свидетельств, археологические материалы подтверждают здесь наличие зданий дворцового типа — резиденций правителей, храмов — идеологических центров, торговых площадей — производственных центров и центров обмена³³.

Археологические находки свидетельствуют, что в период ахеменидского владычества развитие торговли и товарного производства приводит к *зарождению денежных отношений*. Конечно, 300 талантов, поступавших от шестнадцатой сатрапии, включавшей Парфию и Хорезм, представляли собой скорее денежное исчисление натуральных поставок. Однако какую-то их часть все же составляли серебряные и золотые монеты. Так, например, о взимании денег за открытие гидротехнических сооружений сообщает в своих трудах Геродот³⁴. В Бактрии в связи с развитием товарного производства и товарных отношений в V—IV вв. до н.э. чеканилась собственная монета³⁵.

Иным был *общественный строй многочисленных кочевых племен*, в среде которых господствовали патриархальные отношения. Во времена ахеменидского владычества кочевые племена, выступая в качестве политической «периферии» Ахеменидской империи, были связаны с ней, скорее всего, обязательствами оказания военной помощи.

О пережитках матриархата у кочевников свидетельствовало высокое положение женщины, равенство которой с мужчиной подчеркивали известные древние авторы. Так, в II в. до н.э. Чжан Цянь писал: «Мужья в своих решениях руководствуются советами своих жен»³⁶. Однако И. В. Пьянков особое положение женщин у центральноазиатских скифов связывал не с матриархальными реминисценциями, а с особенностями кочевого быта³⁷.

Как и у общинников оседлых областей, в среде кочевых племен шел процесс имущественной дифференциации и выделения богатой племенной знати. Однако в условиях кочевой внесловной культуры и быта у них сохранилась племенная собственность на землю, и прежде всего на зимние и летние пастбища.

Во главе племен и племенных союзов стояли вожди, власть которых имела авторитарный и сакральный характер. Таких вождей древнегреческие авторы обычно называли «царями». Среди них были и «женщины-государи»³⁸ (Томирис у массагетов, Зарина у саков). После смерти вождя над его погребением воздвигали курганы. Нет сомнений в том, что именно такой курган имел в виду Ктесий, когда описывал «пирамиду», воздвигнутую царице Зарине³⁹.

Несмотря на патриархальность кочевых племен, формы их контактов с жителями оседло-

³⁰ Полибий, X, 28.

³¹ Пиотровский Б. Б. Разведочные работы на Гяур-кала в старом Мерве : материалы ЮТАКЭ. Вып. I. Ашхабад, 1949.

³² Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. Б. м., 1958. С. 194.

³³ Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / отв. ред. Г. А. Кошеленко. М. : Наука, 1985. С. 349.

³⁴ Геродот, III, 89.

³⁵ Curiel R., Schlumberger D. Tresors monetaires d'Afghanistan. Memoires de la Delegation archeologique francaise en Afghanistan. Paris, 1953. T. 14. Pp. 31—45.

³⁶ Цит. по: Пьянков И. В. Общественный строй ранних кочевников Средней Азии по данным античных авторов // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана (тезисы докладов). Л. : Изд-во АН СССР, 1975. С. 91.

³⁷ Пьянков И. В. Общественный строй ранних кочевников Средней Азии по данным античных авторов. С. 91.

³⁸ См.: Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 164.

³⁹ Ктесий в изложении Диодора, II, 35.

земледельческих оазисов Центральной Азии были многообразными и тесными. Во-первых, часть кочевых племен имела этническую и культурную близость с оседло-земледельческими обществами. Во-вторых, важную роль играли экономические связи этих двух цивилизационных миров, вызванные потребностью кочевников в продукции высокоразвитого ремесла оседлых районов и, соответственно, потребностью жителей оазисов в продукции животноводства. Доказательством этого служит факт расцвета в ахеменидский период в Маргиане и Хорезме специальных поселений, занятых главным образом ремесленным производством для удовлетворения нужд кочевников.

Оценивая значение включения Парфии, Маргианы, Хорезма и других областей Центральной Азии в состав Ахеменидского государства в VI—IV вв. до н.э., отметим, что, с одной стороны, это завоевание нарушило естественный ход исторического развития и поставило народы этих областей в зависимость от персидского государственного аппарата и местной аристократии. С другой стороны, вхождение Центральной Азии в состав обширного государства усилило связи с наиболее развитыми странами Переднего Востока, способствовало усилению торговли, развитию товарного производства. Да и сами правящие круги были заинтересованы в большом и сильном государстве с безопасными дорогами, развитым внутренним и внешним рынком.

Переход на сторону завоевателей верхушки местной аристократии привел к усилению сословных противоречий, а потому восстание в Маргиане и Бактрии против иноземного господства стало формой выражения не столько освободительной, сколько сословной или династической борьбы.

Несмотря на то что впервые в мировой истории Ахемениды включили в состав одного государства более 20 стран и 70 народов, политический режим древнеперсидских правителей был, скорее всего, щадящим и не имел ничего общего с оккупационным порядком, основанным на жестокой эксплуатации покоренных народов. К концу правления ахеменидской династии отношения между Персией и сатрапиями Центральной Азии больше напоминали политический симбиоз между неравнозначными (ассоциированными) государствами, когда меньшее по населению и территории государство, формально сохраняя суверенитет и независимость, доверяет значимую часть своих властных полномочий большому государству.

Вместе с тем постоянная борьба за престол, всевозрастающие сепаратистские устремления центральноазиатских сатрапий, объединение местного населения с кочевыми племенами массагетов привели в IV в. до н.э. к восстанию за независимость Хорезма. Обладавшие высокой культурой и развитым хозяйством среднеазиатские земледельческие области к концу правления Ахеменидов стали полусамостоятельными. Этот процесс роста политической независимости получил свое завершение в середине III в. до н.э. созданием самостоятельного Парфянского государства. Однако персидская форма государственной организации надолго пережила своих создателей. Ее элементы, как и правовая система в целом, внесли существенный вклад в создание правовой культуры многих народов и были использованы геополитическими наследниками «ахеменидского мира» — Александром Македонским, Селевкидами, Аршакидами и Сасанидами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Вергазов Р. Р.* «Персидский мир». Механизмы культурной интеграции локальных элит северных и северо-восточных сатрапий Ахеменидов // Труды Института востоковедения РАН. — 2019. — № 21. — С. 111—126.
2. *Джавади Г.* История государственного управления в Иране и Средней Азии в древности : дис. ... канд. ист. наук. — Душанбе, 2004. — 242 с.
3. История Туркменской ССР. — Ашхабад : Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1957. — Т. 1. Кн. 1 : С древнейших времен до конца XVIII века. — 545 с.
4. *Гусаков В. В.* Сако-массагеты, их соседи и современники в среднеазиатской политике державы Ахеменидов // Вестник Владикавказского научного центра. — 2010. — Т. 10. — № 1. — С. 11—16.
5. *Кучма В. В.* Государство и право Древнего мира и Средних веков : в 2 ч. — Волгоград : Изд-во Волгоградского ГУ, 2001. — 548 с.

6. На пути открытия цивилизации : сборник статей к 80-летию В. И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции / ред. П. М. Кожин, М. Ф. Косарев, Н. А. Дубов. — СПб. : Алетейя, 2010. — 704 с.
7. Талезари А. А. Становление и развитие институтов преступления и наказания в истории права Ирана : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Душанбе, 2015. — 25 с.

Материал поступил в редакцию 26 ноября 2019 г.

REFERENCES

1. Vergazov RR. «Persidskiy mir». Mekhanizmy kulturnoy integratsii lokalnykh elit severnykh i severo-vostochnykh satrapiy Akhemenidov [“The Persian World. ” Mechanisms of cultural integration of local elites of northern and northeast Achaemenids]. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the RAS*. 2019;21:111—126. (In Russ.)
2. Dzhavadi G. Istoriya gosudarstvennogo upravleniya v Irane i Sredney Azii v drevnosti : dis. ... kand. ist. nauk [History of public administration in Iran and Central Asia in antiquity: Cand. Sci. Thesis]. Dushanbe; 2004. (In Russ.)
3. Istoriya Turkmenskoy SSR [History of the Turkmen SSR]. Vol. 1. Book 1: From ancient times to the end of the XVIII century. Ashgabat: Publishing House of the Academy of Sciences of the Turkmen SSR; 1957. (In Russ.)
4. Gusakov VV. Sako-massagety, ikh sosedi i sovremenniki v sredneaziatskoy politike derzhavy Akhemenidov [Sako-massagets, their neighbors and contemporaries in the Central Asian policy of the Achaemenid powers]. *Bulletin of Vladikavkazsky Scientific Center*. 2010;l(10):11— 16. (In Russ.)
5. Kuchma VV. Gosudarstvo i pravo Drevnego mira i Srednikh vekov : v 2 ch. [The State and Law of Ancient World and Middle Ages: in 2 parts]. Volgograd: Publishing House of Volgograd GU; 2001. (In Russ.)
6. Kozhin PM, Kosarev MF, Dubov NA, editors. Na puti otkrytiya tsivilizatsii : sbornik statey k 80-letiyu V. I. Sarianidi. Trudy Margianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [On the Way of Discovery of Civilization: Collection of Articles devoted to the 80th Anniversary of V.I. Sarianidi]. *Proceedings of the Margian Archaeological Expedition*. St. Petersburg: Aleteya; 2010. (In Russ.)
7. Talezari AA. Stanovlenie i razvitie institutov prestupleniya i nakazaniya v istorii prava Irana : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk Formation and development of institutes of crime and punishment in the history of the law of Iran: Author’s Abstract of the Cand. Sci. (Law) Thesis. Dushanbe; 2015. (In Russ.)

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.083-096

А. П. Грахоцкий*

«Амнистия через заднюю дверь» для нацистского преступника Отто Брадфиша

Аннотация. В 1960-е гг. в ФРГ активизировался процесс уголовного преследования нацистских преступников. К ответственности привлекались бывшие члены айнзатцкоманд, сотрудники СС, СД, полицейских служб, принимавших участие в массовом уничтожении евреев на территории Восточной Европы. Однако результатом таких процессов были бесосновательно мягкие приговоры, которые выносились судами нацистским преступникам. Зачастую осужденным удавалось и вовсе избежать тюремного заключения. В статье поставлена цель на примере двух судебных процессов против командира айнзатцкоманды 8, начальника управления гестапо и обер-бургомистра Лодзи Отто Брадфиша показать, какую правовую оценку со стороны немецкого правосудия 1960-х гг. получили преступления холокоста в Восточной Европе и каким образом нацистским преступникам удавалось уклониться от отбывания назначенного наказания. Убежденный нацист О. Брадфиш, виновный в уничтожении по самым минимальным подсчетам 37 тыс. евреев, был признан Мюнхенским и Ганноверским судами присяжных лишь «пособником», «слепо реализовывавшим преступную волю фюрера». Такие судебные решения полностью вписывались в общий концептуальный подход западногерманской юстиции к оценке преступлений холокоста. Данный подход позволял снять ответственность за геноцид евреев не только с нацистских преступников, представших перед судами в 1960-е гг., но и со всего немецкого общества. Возлагая всю полноту ответственности на Гитлера и его ближайшее окружение, немецкий социум отказывался воспринимать всерьез даже те минимальные наказания, которые получали так называемые «пособники». Брадфиш был приговорен к 13 годам лишения свободы. Однако под предлогом «слабого здоровья», без объявления амнистии, на основе сомнительных медицинских заключений и решений местных органов юстиции осужденный досрочно оказался на свободе. Нарратив О. Брадфиша свидетельствовал о том, что приговоры западногерманских судов превращались в насмешку над памятью о миллионах жертв нацистских преступлений.

Ключевые слова: Отто Брадфиш; нацистские преступники; ФРГ; суд; холокост; айнзатцкоманда 8; Лодзинское гетто; гестапо; Кульмгоф; отбывание наказания; приговор; преступление; уголовная ответственность; жертвы.

Для цитирования: Грахоцкий А. П. «Амнистия через заднюю дверь» для нацистского преступника Отто Брадфиша // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 5. — С. 83—96. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.083-096.

"Amnesty through the Back Door" for Nazi Criminal Otto Bradfisch

Aleksandr P. Grakhotskiy, Cand. Sci. (Law), Docent, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Head of International Relations Department, Francisk Skorina Gomel State University

ul. Kirova, d. 119, Gomel, Republic of Belarus, 246019
grahocki@gmail.com

Abstract. In the 1960s, the process of criminal prosecution of Nazi criminals became more active in Germany. Former members of the einsatzkommand, SS members, SD, and police services who took part in the mass extermination of Jews in Eastern Europe were brought to justice. However, these trials resulted in unreasonably

© Грахоцкий А. П., 2020

* *Грахоцкий Александр Павлович*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, начальник отдела международных связей Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины
ул. Кирова, д. 119, г. Гомель, Республика Беларусь, 246019
grahocki@gmail.com

lenient sentences to Nazi criminals handed down by the courts. Often, the convicts managed to avoid imprisonment altogether.

By the example of two trials against the commander of the *einsatzkommando* 8, Lodz Otto Bradfish the head of the Gestapo Department and the chief burgomaster the paper aims to show what legal assessment the crimes of the Holocaust in Eastern Europe the German justice of the 1960s received and how the Nazi criminals managed to evade serving their sentences.

The Munich and Hanover jury found the convinced nazi O. Bradfish, who was guilty of killing 37 thousand Jews (according to the most minimal calculations), to be only an "accomplice", "blindly implementing the criminal will of the Fuhrer". Such court decisions fully fit into the general conceptual approach of West German justice to assessing the crimes of the Holocaust. This approach made it possible to remove responsibility for the genocide of Jews not only from the Nazi criminals who appeared before the courts in the 1960s, but also from the entire German society. Placing full responsibility on Hitler and his inner circle, the German society refused to take seriously even the smallest penalties that the so-called "accomplices" received. Bradfish was sentenced to 13 years in prison. However, under the pretext of "poor health", without declaring an amnesty, on the basis of questionable medical reports and decisions of local justice bodies, the convicted person was released early. The narrative of O. Bradfish showed that the sentences of the West German courts turned into a mockery of the memory of millions of victims of Nazi crimes.

Keywords: Otto Bradfish; Nazi war criminals; Germany; court; Holocaust; *einsatzkommando* 8; Lodz ghetto; Gestapo; Kulmhof; serving a sentence; sentence; crime; criminal responsibility; victims.

Cite as: Grakhotskiy AP. «Amnistiya cherez zadnyuyu dver» dlya natsistskogo prestupnika Otto Bradfisha ["Amnesty through the Back Door" for Nazi Criminal Otto Bradfish]. *Lex russica*. 2020;73(5):83-96. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.083-096. (In Russ., abstract in Eng.).

«Чувственная юриспруденция» и «поглаживающие наказания». С конца 1940-х гг. и по сей день в германском обществе не прекращаются дискуссии о вине и об ответственности немцев за нацистские злодеяния, совершенные в годы Второй мировой войны¹. В первые послевоенные десятилетия граждане ФРГ² отказывались принимать тяжелую правду об ужасающих преступлениях, совершенных их соотечественниками (мужьями, отцами, дедами и т.д.) на территории стран, оккупированных нацистской Германией. Гораздо легче было признать себя заложниками гитлеровского тоталитарного режима и возложить всю вину за содеянное на руководство Третьего рейха. Согласно такой логике, сотни тысяч немцев, задействованных в адской машине смерти, являлись лишь покорными исполни-

телями преступной воли фюрера и его приближенных³.

В представлении большинства вопрос вины и ответственности был решен на Нюрнбергском процессе, где понесли наказание главные нацистские преступники. Дальнейшие же усилия союзников по антигитлеровской коалиции в деле привлечения к уголовной ответственности бывших эсэсовцев, членов айнзатцгрупп, сотрудников СД и гестапо воспринимались рядовыми немцами не иначе как «желание победителей отомстить побежденным»⁴. К середине 1950-х гг. процесс привлечения нацистских преступников к уголовной ответственности в ФРГ был сведен до минимума⁵. Однако окончательно предать забвению память о беспрецедентных в истории человечества преступлениях оказалось невозможно. При содействии

¹ См., например: *Kittel M.* Die Legende von der «zweiten Schuld»: Vergangenheitsbewältigung in der Ära Adenauer. Berlin, 1993; *Wolfrum E.* Der Nationalsozialismus im öffentlichen Bewusstsein der Bundesrepublik Deutschland. Kulturen der Vergangenheitsaufarbeitung 1949—1999 // Bilanz: 50 Jahre Bundesrepublik Deutschland / Hg. M.-L. Recker. St. Ingbert, 2001. S. 221—235; *Frei N.* 1945 und wir: das Dritte Reich im Bewusstsein der Deutschen. München, 2009; *Борозняк А. И.* Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М., 2014.

² В данной статье автор не затрагивает специфику ГДР.

³ См., например: *Kühnl R.* Faschismus als Produkt des Führers? // Aufbrüche: die Chronik der Republik 1961—1986 / Hg. F. Duve. Reinbek bei Hamburg, 1986. S. 335—340; *Борозняк А. И.* Указ. соч. С. 15—36.

⁴ *Pendas D. O.* Der Auschwitz-Prozess. Völkermord vor Gericht. München, 2013. S. 16—17.

⁵ См. об этом подробно: *Eichmüller A.* Keine Generalamnestie. Die Strafverfolgung von NS-Verbrechen in der frühen Bundesrepublik. München, 2012. S. 129—134.

иностранных государств, антифашистских организаций и ассоциаций жертв национал-социализма достоянием общественности становились все новые и новые факты нацистских злодеяний. В результате в 1958 г. в городе Людвигсбург было создано Центральное ведомство управлений юстиции земель ФРГ по расследованию преступлений национал-социализма⁶.

Создание данной структуры ознаменовало новый виток в расследовании юстицией Западной Германии преступлений, совершенных гитлеровцами на территории Восточной Европы. Используя дипломатические каналы, сотрудники Людвигсбургского ведомства получили возможность изучить уникальные документы архивных фондов США, ГДР, Польши, Советского Союза⁷. Результатом их деятельности стало увеличение числа судебных процессов против нацистских преступников⁸. В 1960-е гг. в ФРГ состоялись суды, в ходе которых раскрывались шокирующие подробности преступлений, совершенных персоналом лагерей смерти и концентрационных лагерей Аушвиц, Гросс-Розен, Штуттгоф, Кульмгоф, Треблинка, Белжец, Собибор, членами айнзатцкоманд, сотрудниками СС, СД, полицейских служб на территории Польши, Литвы, Латвии, Беларуси, Украины, России⁹.

Однако германская и зарубежная пресса, гражданские активисты, пристально следившие за ходом судебных процессов, обращали внимание немецкой и мировой общественности на

безосновательно мягкие приговоры, которые выносились нацистским преступникам¹⁰. Приведем лишь некоторые примеры. Заместитель Адольфа Эйхмана, курировавшего в Главном управлении имперской безопасности «окончательное решение еврейского вопроса», Герман Крумей за депортацию 300 тыс. венгерских евреев в лагерь смерти Аушвиц был приговорен судом Франкфурта-на-Майне в феврале 1965 г. к 5 годам лишения свободы¹¹. Члены айнзатцкоманды 8 Вильгельм Шульц и Оскар Винклер, участвовавшие в массовых уничтожениях белорусских евреев в 1941 г., получили 7 лет и 3,5 года тюрьмы соответственно¹². 11 подсудимых, виновных в массовых уничтожениях узников Аушвица, на знаменитом Франкфуртском процессе (1963—1965 гг.) были приговорены к срокам от 3 до 14 лет¹³.

Подобные решения органов правосудия высмеял в карикатуре немецкий ученый-криминалист Юрген Бауман. На его рисунке один тюремный заключенный обращался к другому, приговоренному к пожизненному заключению, со словами: «Тебе нужно было убивать евреев, тогда уже через 2 года ты оказался бы на свободе»¹⁴.

Философ Эрнст Блох, возмущенный чрезмерной мягкостью наказаний для нацистских убийц, назвал приговоры немецких судов «поглаживающими» («Streichelstrafen für Mürdernazis»)¹⁵. «Поглаживающие наказания»

⁶ См. об этом подробно: *Weinke A. Eine Gesellschaft ermittelt gegen sich selbst: die Geschichte der Zentralen Stelle Ludwigsburg 1958—2008.* Darmstadt, 2008.

⁷ *Rückerl A. NS-Verbrechen vor Gericht: Versuch einer Vergangenheitsbewältigung.* Heidelberg, 1984. S. 157—161.

⁸ В период с 1960 по 1965 г. в ФРГ проходил 21 суд над бывшими нацистами. Для сравнения, в 1956—1959 гг. таких судебных разбирательств насчитывалось 13. См.: *Rückerl A. Op. cit.*

⁹ См.: *Rückerl A. Op. cit.* S. 165—167; *Jasch H.-Ch., Kaiser W. Der Holocaust vor deutschen Gerichten: Amnestieren, Verdrängen, Bestrafen.* Ditzingen, 2017. S. 105—158.

¹⁰ См.: *Miquel M. «Wir müssen mit den Mördern zusammenleben!» NS-Prozesse und politische Öffentlichkeit in den sechziger Jahren // «Gerichtstag halten über uns selbst...» Geschichte und Wirkung des ersten Frankfurter Auschwitz-Prozess / Hg. I. Wojak.* Frankfurt — New York, 2001. S. 97—116.

¹¹ *Perels J. Täter als Marionetten? Zur Einschränkung der Verantwortung für die Untaten des Dritten Reichs // Perels J. Der Nationalsozialismus als Problem der Gegenwart.* Frankfurt am Main, 2015. S. 193.

¹² См. приговор суда присяжных Мюнхена: *Das Urteil des Landgerichts München I vom 21.07.1961, 22 Ks 1/61 // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen. 1945—1966. Band XVII.* Amsterdam, 1977. № 519. S. 658—708.

¹³ Еще 3 подсудимых были оправданы и только 6 приговорены к пожизненному заключению. См.: *Грахоцкий А. П. Франкфуртский процесс (1963—1965 гг.) и преодоление прошлого в Германии // Lex russica.* 2019. № 3 (148). С. 146—158.

¹⁴ *Perels J. Op. cit.* S. 193—194.

¹⁵ *Perels J. Op. cit.* S. 199.

всцело отвечали основам так называемой «чувственной юриспруденции»¹⁶. Автором данного термина являлся прокурор Адальберт Рюкерл, возглавлявший Людвигсбургское ведомство в период с 1966 по 1984 г.¹⁷ Под «чувственной юриспруденцией» А. Рюкерл понимал подход, согласно которому судьи при вынесении наказаний нацистским преступникам концентрировались на рассмотрении особенностей их внутреннего мира (субъективной стороне преступления). Другими словами, для суда было важным не просто установить сам факт совершения подсудимым убийства, но и выяснить, что чувствовал, о чем думал, чем руководствовался преступник в момент совершения преступления. Пользуясь этим, в ходе судебных процессов обвиняемые утверждали, что они лишь выполняли волю фюрера, внутренне отрицая планы руководства Третьего рейха и не желая наступления преступных последствий своих злодеяний. Естественно, что суды не имели возможности проверить подлинность показаний подсудимых об их мыслях и чувствах в момент совершения преступления. Таким образом, всю ответственность за массовые уничтожения евреев, цыган, советских военнопленных и других «врагов Рейха» судьи возлагали на А. Гитлера, Г. Гиммлера и Р. Гейдриха, в то время как подсудимые превращались в «заложников обстоятельств», «пособников», вынужденных в силу приказа выполнять преступную волю начальства¹⁸.

В свою очередь, «заложники обстоятельств» не собирались отбывать даже те минимальные сроки лишения свободы, которые им были назначены немецкими судами. Корреспондент влиятельной немецкой газеты *Die Zeit* в 1966 г. писал о распространившейся в стране практике, позволявшей преступникам, осужденным за совершение нацистских преступлений, уклоняться от отбывания наказания в тюрьмах. Про-

исходящее журналист назвал «амнистией через заднюю дверь»: без принятия соответствующего закона, под предлогом «слабого здоровья» преступники «тайком» оказывались на свободе. Так, бывший командир зондеркоманды 1b Эрих Эрлингер¹⁹, приговоренный в 1961 г. судом присяжных в Карлсруэ к 12 годам лишения свободы, уже в 1963 г. был признан «неспособным к отбыванию наказания по состоянию здоровья» и оказался на свободе. По словам журналиста, ежедневно он прогуливался по улицам своего родного города и сопровождал супругу во время походов по магазинам²⁰. Главный обвиняемый на Франкфуртском процессе, адъютант коменданта Аушвица Роберт Мулька, приговоренный в 1965 г. к 14 годам лишения свободы, через год был отпущен домой по той же причине. Автор статьи отмечал, что Мулька спокойно проживал в Гамбурге и чувствовал себя «достаточно здоровым» для того, чтобы работать на своем приусадебном участке²¹.

Среди прочих преступников немецкий еженедельник упоминал и командира айнзатцкоманды 8 Отто Брандфиша. По нашему мнению, случай Брандфиша является яркой иллюстрацией формального отношения не только юстиции, но и всего западногерманского общества к наказанию нацистских преступников. В данной статье поставлена цель на примере двух судебных процессов против О. Брандфиша показать, какую правовую оценку со стороны немецкого правосудия 1960-х гг. получили преступления холокоста в Восточной Европе и каким образом нацистским преступникам удавалось уклониться от отбывания назначенного наказания.

Отто Брандфиш. О. Брандфиш родился в 1903 г. в городе Цвайбрюккен (земля Рейнланд-Пфальц). После окончания гимназии изучал экономику в университетах Фрайбурга, Лейпцига, Гейдельберга. В 1926 г. защитил докторскую диссертацию в Инсбрукском университе-

¹⁶ На наш взгляд, терминология критиков сложившейся в ФРГ судебной практики в отношении преступлений национал-социализма подспудно указывала на то, что противники мягких наказаний для бывших нацистов иронично намекали на взаимную симпатию представителей органов немецкого правосудия и гитлеровских преступников.

¹⁷ *Perels J.* Op. cit. S. 195—196.

¹⁸ См. об этом подробно: *Freudiger K.* Die juristische Aufarbeitung von NS-Verbrechen. Tübingen, 2002. S. 143—270; *Perels J.* Op. cit.; *Алексеев Н. С.* Ответственность нацистских преступников. М., 1968. С. 110—114; *Pendas D. O.* Op. cit. S. 66—75.

¹⁹ С августа 1943 г. по апрель 1944 г. Э. Эрлингер возглавлял айнзатцгруппу В.

²⁰ Нацистский преступник Э. Эрлингер умер в 2004 г. в возрасте 93 лет.

²¹ *Amnestie durch die Hintertür. NS-Mörder werden heimlich auf freien Fuß gesetzt // Zeit Online.* URL: <https://www.zeit.de/1966/44/amnestie-durch-die-hintertuer> (дата обращения: 11.12.2019).

те. Во время мирового экономического кризиса (1929—1933 гг.) Брадфиш решил переквалифицироваться в юристы, чтобы увеличить свои шансы при поиске работы. В 1931 г. он вступил в Нацистскую партию. В 1935 г. устроился на работу в Министерство внутренних дел Баварии. Спустя 2 года поступил на службу в гестапо, получил должность заместителя начальника управления в городе Саарбрюккен. Затем возглавил гестапо в Нойштадте-ан-дер-Вайнштрассе²². Оттуда в мае 1941 г. Брадфиш был направлен в школу пограничной полиции в городе Преч. В этой школе проходили подготовку специально отобранные со всего Рейха сотрудники гестапо, полиции безопасности, СД, уголовной полиции для последующего командирования в составе айнзатцгрупп на территорию Советского Союза. Членам айнзатцгрупп поручалось «обеспечение безопасности» и уничтожение «врагов Германии» (евреев, цыган, коммунистов) на оккупированных территориях СССР²³.

О. Брадфиш был назначен командиром айнзатцкоманды 8, входившей в состав айнзатцгруппы В²⁴. В его подчинении находились порядка 60—80 членов айнзатцкоманды. Кроме того, в распоряжение Брадфиша для поддержки при реализации акций массового уничтожения поступали отдельные подразделения 3-, 9-, 316-го резервных батальонов полиции порядка²⁵, а также местные полицейские²⁶.

22 июня 1941 г. члены айнзатцгруппы В выдвинулись в направлении Советского Союза,

следуя за войсками группы армий «Центр». В конце июня — начале июля 1941 г. айнзатцкоманда 8 оказалась в Белостоке. Во второй половине июля каратели достигли Минска, где находились до конца августа. В сентябре 1941 г. преступники на постоянной основе расквартировались в Могилёве. Кроме того, отдельные мобильные подразделения команды располагались в Бобруйске, Гомеле и некоторых других белорусских городах²⁷.

Под руководством Отто Брадфиша айнзатцкоманда 8 проявила себя как наиболее «результативная» единица айнзатцгруппы В. За период с конца июня 1941 г. по 28 февраля 1942 г. этой айнзатцкомандой на территории Беларуси было уничтожено 60 811 человек (основная масса жертв — евреи), что составило 2/3 от общей численности лиц (91 012 человек), расстрелянных айнзатцгруппой В²⁸. Как отмечали в ходе судебного процесса свидетели, командир айнзатцгруппы В Артур Небе очень ценил О. Брадфиша за «высокие показатели» и ответственное отношение к выполнению поставленных задач²⁹.

Активность Отто Брадфиша не осталась незамеченной руководством в Берлине. В апреле 1942 г. преступник был назначен начальником управления гестапо в Лодзи (Лицманштадте)³⁰. В этом польском городе проживала крупная еврейская община (233 тыс. человек)³¹. На момент назначения Брадфиша в Лодзинском гетто размещалось около 100 тыс. узников³².

²² Das Urteil des Landgerichts München I vom 21.07.1961, 22 Ks 1/61 // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen. 1945—1966. Band XVII. Amsterdam, 1977. № 519. S. 661—662.

²³ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 667. О деятельности айнзатцгрупп на территории СССР см.: Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941—1942. Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD / Hg. P. Klein. Berlin, 1997.

²⁴ К айнзатцгруппе В принадлежали айнзатцкоманды 8 и 9, а также зондеркоманды 7а, 7б и 7с.

²⁵ О преступлениях этих полицейских батальонов на территории Восточной Европы см.: *Klemp S.* Nicht ermittelt: Polizeibataillone und die Nachkriegsjustiz. Essen, 2011. S. 86—92, 96—111, 291—295.

²⁶ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 667—668. См. также: *Klein P.* Der Mordgehilfe. Schuld und Sühne des Dr. Otto Bradfisch // Die Gestapo nach 1945: Karrieren, Konflikte, Konstruktionen / Hg. K.-M. Mallmann, A. Angrick. Darmstadt, 2009. S. 221.

²⁷ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 669.

²⁸ *Klein P.* Op. cit. S. 222.

²⁹ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 679.

³⁰ В период с осени 1942 г. по конец 1944 г. О. Брадфиш, не оставляя должности начальника гестапо, являлся также и обер-бургомистром Лодзи.

³¹ Das Urteil des Landgerichts Hannover vom 18.11.1963, 2 Ks 1/63 // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen. 1945—1966. Band XIX. Amsterdam, 1978. № 557. S. 494.

³² Urteil vom 18.11.1963. S. 492.

Среди них были и депортированные нацистами из Германии, протектората Богемии и Моравии, Люксембурга, 20 тыс. евреев и 5 тыс. цыган³³. На начальника гестапо возлагались функции по организации транспортировки евреев из гетто в лагерь смерти Кульмгоф³⁴.

В январе 1945 г., спасаясь от наступления Красной армии, преступник вернулся в Германию. В Потсдаме он возглавил управление полиции безопасности и СД. После прихода в город советских войск Брандфишу удалось получить фальшивые документы на имя унтер-офицера Карла Эверса и скрыться от правосудия. Восемь лет О. Брандфиш жил под чужой фамилией. В 1953 г. преступник вернул себе настоящую фамилию и до 1958 г. работал на гамбургскую страховую компанию³⁵.

Процесс в Мюнхене. 21 апреля 1958 г. Отто Брандфиш был задержан правоохранительными органами в Мюнхене. Вероятно, он был предупрежден о готовящемся аресте. Немецкой полиции понадобилось некоторое время, чтобы определить местонахождение преступника. О. Брандфиш находился в разводе с супругой, был зарегистрирован в доме своего друга, однако по указанному адресу не проживал. Правоохранители обнаружили преступника в одном из пансионатов Мюнхена, куда Брандфиш вселился под фамилией умершего мужа своей любовницы³⁶.

Судебный процесс против Отто Брандфиша проходил в Мюнхене в июле 1961 г. Вместе с командиром айнзатцкоманды 8 на скамье подсудимых оказались четверо его подчиненных: торговый представитель из города Реклинггаузен Вильгельм Шульц (1909 г. р.), сотрудник страховой компании Равенсбрюка Оскар Вин-

клер (1910 г. р.), служащий статистического ведомства земли Северный Рейн — Вестфалия Карл Рурберг (1914 г. р.), работник одного из издательств Гамбурга Гюнтер Штро (1911 г. р.)³⁷.

Подсудимый О. Брандфиш обвинялся в организации акций массового уничтожения евреев в июле — ноябре 1941 г. в Белостоке (современная Польша) и 12 городах Беларуси.

Согласно материалам дела, в начале июля 1941 г. айнзатцкомандой 8 было проведено 2 массовых расстрела в Белостоке. В ходе первой экзекуции было уничтожено «минимум»³⁸ 800 еврейских мужчин в возрасте от 18 до 65 лет. Как установило следствие, О. Брандфиш не только руководил расстрелом, но и наравне со своими подчиненными стрелял в жертв. В результате второй акции лишились жизни не менее 100 мужчин-евреев³⁹.

В середине июля 1941 г. в Барановичах Отто Брандфиш организовали 2 акции массового уничтожения. Их итогом стало убийство «по меньшей мере» 100 еврейских мужчин⁴⁰.

По данным следствия, в Минске на протяжении июля — августа 1941 г. каратели под руководством О. Брандфиша провели 7 массовых расстрелов еврейского населения. В белорусской столице преступники впервые приступили к уничтожению не только мужчин, но и женщин, стариков, детей. 15 августа 1941 г. на одной из экзекуций присутствовал рейхсфюрер СС Г. Гиммлер⁴¹. По оценкам суда, в ходе данной акции было уничтожено не менее 300 евреев. В результате проведения 6 последующих экзекуций было расстреляно около 800 человек⁴².

В Могилёве осенью 1941 г. айнзатцкомандой 8 было уничтожено более 4 100 человек.

³³ Urteil vom 18.11.1963. S. 496.

См. о гетто в Лодзи: *Bethke S. Tanz auf Messers Schneide : Kriminalität und Recht in den Ghettos Warschau, Litzmannstadt und Wilna. Hamburg, 2015.*

³⁴ Das Urteil vom 18.11.1963. S. 497.

³⁵ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 662.

³⁶ *Klein P. Op. cit. S. 223.*

³⁷ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 661—665.

³⁸ Так указано в приговоре суда.

³⁹ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 671—672. См. также: *Klemp S. Op. cit. S. 98.*

⁴⁰ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 672—673.

⁴¹ Данная экзекуция проходила за пределами города. В своей монографии Х. Герлах указывает, что расстрел состоялся в районе Смолевич либо Смилевич. Кроме Генриха Гиммлера за акцией массового уничтожения евреев наблюдали высший начальник СС и полиции Центральной России Эрих фон дем Бах-Зелевский и командир айнзатцгруппы В Артур Небе. Происходящее нацисты снимали на кинокамеру. См. об этом подробно: *Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944. Hamburg, 1999. S. 571—574.*

⁴² Das Urteil vom 21.07.1961. S. 673—674.

В материалах дела указывалось, что в ходе акции 19 октября 1941 г. каратели при поддержке подразделений 316-го батальона полиции порядка и «местной милиции»⁴³ расстреляли около 3 600 могилёвских евреев. После данной экзекуции командир айнзатгруппы В. А. Небе отчитался в Главное управление имперской безопасности об «освобождении Могилёва от еврейского населения»⁴⁴. В этом городе преступники провели еще 6 расстрелов, в ходе каждого из которых было убито «как минимум» по 50 евреев⁴⁵. Кроме того, членами айнзатцкоманды 8 в Могилёве было расстреляно около 200 советских военнопленных «азиатского происхождения» («mongolische Abstammung»). Последние находились в Могилёвском лагере военнопленных. Узники были признаны «расово неполноценными» и ввиду этого обречены на смерть⁴⁶. Стороне обвинения удалось доказать, что в ходе одной из могилёвских акций командир собственноручно расстрелял 2 или 3 жертвы⁴⁷.

В ноябре 1941 г. айнзатцкомандой 8 был осуществлен расстрел более 5 000 евреев Бобруйска. Как было установлено следствием, с середины октября 1941 г. в этом городе размещалось одно из подразделений айнзатцкоманды 8 во главе с подсудимым Карлом Рурбергом. Однако для осуществления такой массовой экзекуции сил одного подразделения было недостаточно, поэтому в ноябре 1941 г. на грузовиках из Могилёва в Бобруйск прибыл полный состав айнзатцкоманды во главе с Отто Брадфишем и несколько взводов 316-го резервного полицейского батальона⁴⁸.

В вину О. Брадфишу вменялись также и акции массового уничтожения, которые были

проведены отдельными подразделениями айнзатцкоманды 8. Сторона обвинения настаивала на том, что все экзекуции, осуществлявшиеся членами этой айнзатцкоманды, проводились исключительно по приказу ее командира. В ходе процесса были раскрыты факты массовых расстрелов в первой половине июля 1941 г. в Новогрудке (40 еврейских мужчин), во второй половине этого же месяца в Слуцке (60 еврейских мужчин), в сентябре — октябре 1941 г. в Бобруйске (400 евреев и 30 цыган), Борисове (1 160 евреев), Горках (50 евреев), Гомеле (60 евреев), в ноябре того же года в Орше (800 евреев), Гомеле (200 евреев), Рогачёве (400 евреев), Речице (100 евреев), Клинцах (200 евреев)⁴⁹.

В ходе процесса была реконструирована типичная картина расстрелов, проводимых айнзатцкомандой 8. Каратели при поддержке сил немецкой полиции, а в некоторых случаях и коллаборационистских формирований, выгоняли евреев из домов на улицу. Стариков и больных людей, неспособных передвигаться самостоятельно, убивали на месте. Остальных либо сразу вывозили на грузовиках к месту расстрела, либо сначала размещали в специально отведенных для этого помещениях (школах, фабричных сооружениях, складах) и оттуда через один или два дня транспортировали к месту экзекуции за пределы города. По прибытии на место преступления у жертв отбирали одежду, ценные вещи и группами по 10—15 человек гнали к могилам⁵⁰. Людей принуждали ложиться на землю лицом вниз, после чего их убивали выстрелами в затылок из карабинов или пулеметов. Затем приводили следующую

⁴³ Х. Герлах отмечает, что в экзекуции принимали участие коллаборационисты из 51-го украинского охранного батальона (*Gerlach Ch. Op. cit. S. 587—588*).

⁴⁴ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 674.

См. об уничтожении еврейской общины Могилёва: *Gerlach Ch. Op. cit. S. 587—595*.

⁴⁵ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 674—675.

⁴⁶ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 675.

⁴⁷ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 675.

⁴⁸ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 675—676.

Х. Герлах указывает точное количество жертв массового расстрела в Бобруйске — 5 281 еврей (*Gerlach Ch. Op. cit. S. 599—600*).

⁴⁹ В каждом из этих случаев суд указывал минимально возможное число жертв. Расстрелы в Слуцке и Бобруйске были проведены мобильным подразделением айнзатцкоманды 8 под руководством подсудимого К. Рурберга. В Новогрудке и Гомеле (сентябрь 1941 г.) экзекуции осуществляло подразделение во главе с обвиняемым О. Винклером; в Гомеле (в ноябре 1941 г.), Рогачёве, Речице и Клинцах — подразделением под командованием подсудимого В. Шульца.

⁵⁰ Как правило, это были свежеврытые могилы, естественные или противотанковые рвы, заброшенные стрелковые либо артиллерийские окопы.

группу евреев. Иногда трупы слегка присыпали землей, но чаще всего жертв укладывали прямо на тела их предшественников. В приговоре суда отмечалось: в ожидании расстрела узники «слышали и видели, как умирают их соседи, друзья, родственники», от этого они «плакали, кричали, молились, стремились доказать свою невиновность», некоторые же «шли на смерть спокойно»⁵¹.

Подсудимый Бродфиш признавал свою причастность к вышеперечисленным преступлениям, за исключением крупных экзекуций в Могилёве, Бобруйске и Борисове⁵². На суде он настаивал, что организовывал расстрелы еврейского населения в силу крайней необходимости. Обвиняемый пояснял, что приказы об уничтожении евреев поступали от высшего руководства страны. Ввиду этого подсудимый боялся, что за отказ от выполнения воли фюрера ему придется отвечать перед судом СС. Преступник уверял, что внутренне он осуждал планы по уничтожению евреев и стремился минимизировать число еврейских жертв, сконцентрировав усилия айнзатцкоманды на борьбе с «бандитами и партизанами»⁵³.

Суд присяжных счел показания О. Бродфиша несостоятельными. Судьи учли, что подсудимый добровольно принял назначение на должность командира айнзатцкоманды 8. Следствие установило, что изначально на эту должность был назначен некий Е. Однако, узнав о том, что в задачи айнзатцкоманд будет входить уничтожение восточноевропейских евреев и «других врагов Германии», он обратился к командиру айнзатцгруппы В с просьбой освободить его от занимаемой должности. Артур Небе перевел Е. на штабную работу, а вакансию командира предложил Отто Бродфишу. Последний принял назначение «без возражений»⁵⁴. Исходя из этого, суд заключил, что у обвиняемого была возможность избежать участия в массо-

вом уничтожении людей. Однако О. Бродфиш не предпринимал подобных попыток⁵⁵.

В ходе судебных заседаний свидетели, равно как и бывшие подчиненные О. Бродфиша, находившиеся с ним на одной скамье подсудимых, указывали, что командир айнзатцкоманды 8 постоянно требовал увеличения числа расстрелянных. Так, обвиняемый К. Рурберг заявлял, что Бродфиш регулярно упрекал его в недостаточной активности в деле уничтожения евреев. По словам Рурберга, когда командир айнзатцкоманды в ноябре 1941 г. приехал в Бобруйск, в первую очередь он потребовал незамедлительно провести массовый расстрел еврейского населения города. В ответ на возражения К. Рурберга Бродфиш пригрозил ему судебной ответственностью за невыполнение приказа высшего руководства страны⁵⁶. Обвиняемый О. Винклер вспоминал, что во время одной из экзекуций в Минске О. Бродфиш заставил его взять в руки пулемет и лично принять участие в расстреле⁵⁷. Свидетель Д., бывший лейтенант полиции порядка, отмечал, что командир айнзатцкоманды 8 «всегда высказывал недовольство недостаточным количеством расстрелянных евреев»⁵⁸.

В то же время суд заключил, что активность, проявляемая подсудимым при организации и проведении экзекуций, не являлась доказательством его «личной заинтересованности» в «окончательном решении еврейского вопроса». Присяжные предположили, что обвиняемый мог находиться «под впечатлением» от встречи с Г. Гиммлером в Минске и своей активностью стремился продемонстрировать преданность нацистскому режиму⁵⁹. Судьи пришли к выводу, что у О. Бродфиша отсутствовала преступная воля, он лишь выполнял приказы высшего руководства страны. Главными виновниками вышеописанных злодеяний суд признал А. Гитлера, Г. Гиммлера и Р. Гейдриха⁶⁰.

⁵¹ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 669—671.

⁵² Суд отклонил аргументы защиты. В ходе процесса была доказана причастность О. Бродфиша к данным расстрелам (см: Das Urteil vom 21.07.1961. S. 687—689).

⁵³ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 693.

⁵⁴ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 668.

⁵⁵ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 679, 693—694.

⁵⁶ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 680.

⁵⁷ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 694.

⁵⁸ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 680.

⁵⁹ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 681.

⁶⁰ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 705.

В свою очередь, сторона обвинения настаивала на том, что О. Брадфиш должен нести ответственность наравне с главными нацистскими преступниками. Государственный обвинитель утверждал, что подсудимый был одержим чувством расовой ненависти к евреям, именно поэтому он лично расстреливал людей и требовал от своих подчиненных постоянного увеличения количества жертв⁶¹.

Однако суд не согласился с доводами прокурора. Опираясь на основы «чувственной юриспруденции», присяжные отмечали: один только тот факт, что О. Брадфиш лично расстреливал евреев, не являлся достаточным для того, чтобы признать подсудимого соисполнителем⁶² преступления наряду с главными нацистскими преступниками. По мнению суда, это лишь свидетельствовало об «особом желании» подсудимого выполнить приказ, реализовать волю Гитлера. Судьи подчеркивали: в их распоряжении не было доказательств того, что подсудимый враждебно относился к еврейскому населению и негативно высказывался в его адрес⁶³. Исходя из этого, суд признал Отто Брадфиша виновным в пособничестве тяжкому убийству 15 000 человек⁶⁴.

Параграф 211 Уголовного кодекса ФРГ предусматривал за совершение тяжкого убийства безальтернативную санкцию в виде пожизненного лишения свободы. Однако пособник тяжкому убийству, в соответствии с параграфом 49 УК ФРГ, мог рассчитывать на смягчение наказания⁶⁵. При вынесении приговора О. Брадфишу суд присяжных принял во внимание следующие

смягчающие обстоятельства: до и после войны он вел законопослушный образ жизни; выполняя функции командира айнзатцкоманды, Брадфиш руководствовался искаженными (под воздействием пропаганды) чувствами долга перед государством, преданности и покорности фюреру⁶⁶.

В итоге 21 июля 1961 г. суд приговорил О. Брадфиша к 10 годам лишения свободы⁶⁷. Подсудимый не согласился с решением присяжных и подал ревизионную жалобу в Верховный суд ФРГ. Однако высшая судебная инстанция Западной Германии оставила приговор Мюнхенского суда без изменений⁶⁸.

Процесс в Ганновере. Еще до начала судебного разбирательства в Мюнхене Людвигсбургское ведомство приступило к расследованию массового уничтожения евреев Лодзи в лагере смерти Кульмгоф. В мае 1960 г. по данному делу был задержан житель Ганновера, государственный служащий Гюнтер Фухс (1911 г. р.). С 1940 по конец 1944 г. Г. Фухс служил в гестапо Лодзи. В «тайной полиции» преступник возглавлял отдел II В, который отвечал за «еврейский вопрос» в городе. Показания задержанного Г. Фухса проливали свет на преступную деятельность его непосредственного руководителя, начальника управления гестапо Лодзи О. Брадфиша⁶⁹. 2 сентября 1963 г. оба преступника предстали перед Ганноверским судом присяжных⁷⁰.

Отто Брадфиш обвинялся в организации двух массовых депортаций евреев из Лодзинского гетто в лагерь смерти Кульмгоф. Первая

⁶¹ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 705.

⁶² Согласно параграфу 25 Уголовного кодекса ФРГ, исполнителем преступления признавалось лицо, которое, действуя по собственной воле, совершило преступление самостоятельно либо посредством другого лица (см.: Аустов Л. С., Краев Д. Ю. Уголовное право зарубежных стран. СПб., 2013. С. 16—17).

⁶³ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 705.

⁶⁴ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 705.

В Уголовном кодексе Германии, принятом еще в 1871 г., отсутствовали такие составы, как геноцид, преступления против мира и человечности. Вследствие чего преступления холокоста квалифицировались судами как отдельно взятые случаи убийств. Согласно уголовному праву ФРГ, убийства подразделялись на простые и тяжкие. Тяжкими признавались убийства, характеризовавшиеся рядом квалифицирующих признаков (одержимость преступника желанием убивать, удовлетворение полового влечения, корыстные или иные низменные побуждения, коварство, жестокость) (см.: Аустов Л. С., Краев Д. Ю. Указ. соч. С. 22).

⁶⁵ Сравните: Аустов Л. С., Краев Д. Ю. Указ. соч. С. 16—17.

⁶⁶ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 705.

⁶⁷ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 661.

⁶⁸ Das Urteil vom 21.07.1961. S. 661.

⁶⁹ Klein P. Op. cit. S. 226.

⁷⁰ Urteil vom 18.11.1963. S. 489.

депортация проходила в сентябре 1942 г. Согласно приказу, поступившему из Главного управления имперской безопасности, сотрудникам гестапо надлежало вывезти в Кульмгоф порядка 15 тыс. нетрудоспособных евреев (стариков, больных людей, детей в возрасте до 10 лет). В лагере жертв ожидала зондеркоманда «Кульмгоф», которая и осуществляла убийства евреев, используя газовые машины-«душегубки». Вторая депортация проходила в июне — июле 1944 г. Ее итогом стало уничтожение более 7 тыс. человек⁷¹.

Кроме того, О. Брадфиш подозревался в участии к депортации лодзинских евреев в Кульмгоф в мае 1942 г. (более 10 тыс. чел.) и Аушвиц в августе 1944 г. (67 тыс. чел.). Однако ввиду того, что в ходе следствия не удалось собрать достаточное количество доказательств, прокуратуре пришлось отказаться от этих двух пунктов обвинения⁷².

На данном процессе Отто Брадфиш избрал стратегию «полного неведения». Обвиняемый утверждал, что «ничего не знал» о целях транспортировки еврейского населения в лагерь смерти. Преступник заявлял, что из Берлина ему поступали приказы «о переселении» лодзинских евреев из гетто в Кульмгоф, однако о целях такого «переселения» он «не имел ни малейшего понятия». По словам обвиняемого, исполнение подобных приказов он поручал своему заместителю Вейдандту либо начальнику еврейского отдела Г. Фухсу. Относительно депортации, организованной летом 1944 г., О. Брадфиш пояснял, что в то время он всецело был сконцентрирован на обязанностях обер-бургомистра Лодзи и «не вникал» в деятельность гестапо⁷³.

Оценивая показания подсудимого, суд исключил вероятность того, что начальник управления гестапо находился в неведении по поводу дальнейшей судьбы депортированных евреев. Присяжные отметили, что до приезда в Лодзь О. Брадфиш являлся командиром айнзат-

цкоманды 8. В Беларуси он активно организовывал массовые расстрелы евреев и был хорошо осведомлен о планах полного уничтожения еврейского населения Европы⁷⁴. Более того, в ходе процесса выяснилось, что О. Брадфиш был лично знаком с командиром зондеркоманды «Кульмгоф», последний неоднократно посещал начальника гестапо в Лодзи. Сторона обвинения представила доказательства того, что данная зондеркоманда находилась на денежном довольствии лодзинского управления гестапо⁷⁵.

Определяя степень вины подсудимого, ганноверский суд опирался на ставший уже традиционным подход немецкого правосудия: Отто Брадфиш в очередной раз был признан пособником, слепо выполнявшим преступную волю А. Гитлера, Г. Гиммлера и Р. Гейдриха. Судьи подчеркнули, что О. Брадфиш действовал исключительно в соответствии с приказами вышестоящего начальства, в распоряжении суда отсутствовали доказательства того, что преступник «неуважительно высказывался о жизни евреев» либо проявлял «особое рвение», которое позволяло бы судить о внутреннем согласии подсудимого с планами по «окончательному решению еврейского вопроса»⁷⁶.

18 ноября 1963 г. за пособничество тяжкому убийству более 22 тыс. узников Лодзинского гетто суд приговорил Отто Брадфиша к 10 годам лишения свободы. В приговоре отмечалось, что подсудимый отбывает наказание в виде 10 лет лишения свободы согласно решению Мюнхенского суда. Исходя из этого, путем частичного сложения наказаний суд присяжных в Ганновере назначил О. Брадфишу 13 лет тюрьмы. В данный срок было засчитано время, уже проведенное преступником в местах лишения свободы⁷⁷.

Подсудимый пытался обжаловать приговор Ганноверского суда. Однако 6 октября 1964 г. Верховный суд ФРГ отклонил ревизионный иск О. Брадфиша⁷⁸.

«Тюрьма на дому». Спустя год после вынесения решения Верховного суда преступник

⁷¹ Urteil vom 18.11.1963. S. 499—504.

⁷² Klein P. Op. cit. S. 226.

⁷³ Urteil vom 18.11.1963. S. 507.

⁷⁴ Urteil vom 18.11.1963. S. 512.

⁷⁵ Urteil vom 18.11.1963. S. 512—513.

⁷⁶ Urteil vom 18.11.1963. S. 520—521.

⁷⁷ Urteil vom 18.11.1963. S. 554.

⁷⁸ Das Urteil des Bundesgerichtshofs vom 06.10.1964, 5 StR 308/64 // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen. 1945—1966. Band XIX. Amsterdam, 1978. № 557. S. 556—557.

оказался на свободе. В статье под заголовком «Тюрьма на дому» корреспондент немецкого журнала *Der Spiegel* описывал следующую сцену: 16 октября 1965 г., спустя 7 лет разлуки⁷⁹, на пороге собственного дома в Мюнхене седовласая вдова М.-Л. Гессе встречала своего любовника Отто Брадфиша⁸⁰.

Загадочное освобождение имело следующую предысторию. Еще в ходе Ганноверского процесса подсудимый заявлял о том, что страдает от сильных болей в левой части головы, и требовал признать его неспособным к отбыванию наказания по состоянию здоровья. Однако старания О. Брадфиша остались безуспешными⁸¹. В марте 1965 г. заключенный мюнхенской тюрьмы повторил попытку: на этот раз Брадфиш обращался в Министерство юстиции Нижней Саксонии⁸², преступник жаловался на артроз, отслоение сетчатки глаза и боли в шейном позвоннике. Обращение снова не возымело положительного результата⁸³. После этого Отто Брадфишу представился шанс воспользоваться помощью евангелического пастора, профессора теологии Германа Шлингензипена.

В июне 1965 г. известный теолог опубликовал в прессе свою статью, в которой рассуждал о сложном процессе преодоления Германией нацистского прошлого, о коллективной ответственности немцев за преступления национал-социализма. Эту публикацию священник направил и заключенному О. Брадфишу. В своем ответном письме осужденный жаловался Г. Шлингензипену на плачевное состояние здоровья и сокрушался о том, что, будучи невиновным, он уже седьмой год «преодолеывает нацистское прошлое» в тюрьме⁸⁴.

Следующее письмо в адрес теолога поступило уже от адвоката Отто Брадфиша. Защитник обращался к священнику с просьбой походатайствовать перед Министерством юстиции Нижней Саксонии о том, чтобы Брадфиш был отпущен на

свободу для прохождения курса лечения. Герман Шлингензипен выполнил данную просьбу⁸⁵. Ссылаясь на медицинское заключение, статсекретарь нижнесаксонского минюста Манцен подписал решение о направлении О. Брадфиша на лечение в ортопедическую клинику Мюнхена сроком на 6 месяцев. Без какой-либо охраны преступник покинул пределы тюрьмы. Однако Брадфиш направился не в клинику, где, по его словам, не было свободных кроватей, а объявился на пороге дома своей избранницы⁸⁶.

В декабре 1965 г. преступник всё же поступил на лечение в больницу. Но вскоре он снова оказался дома у госпожи Гессе. Затем наступила череда продлений сроков лечения. Так, очередной «отпуск» О. Брадфиша оканчивался 15 октября 1966 г. За 4 дня до его окончания заключенный лег в больницу, где ему была сделана операция на левой руке⁸⁷.

Тем временем в немецкой прессе разгорался скандал по поводу нахождения на свободе нацистского преступника Отто Брадфиша. Журналисты обратились к врачу, подписавшему заключение о направлении Брадфиша на амбулаторное лечение, с вопросом, почему преступник большую часть времени проводит не в клинике, а в доме своей дамы сердца. Доктор отвечал: «Если он не играет в футбол за “Мюнхен 1860”, то мне все равно, чем он занимается». Далее медик добавил: «Когда Брадфиш убивал евреев, он был молодым человеком. Сейчас это видится совсем в другом свете. Все-таки он уже 7 лет отбыл в тюрьме. Это не пустяки. Другие, скрывающиеся намного большее, остаются на свободе»⁸⁸. Подобные вопросы поступали и в адрес Министерства юстиции Баварии. Мюнхенские чиновники ссылались на коллег в Ганновере. Последние также не давали вразумительного ответа⁸⁹.

Активисты антифашистских организаций обратились к председателю Международного

⁷⁹ О. Брадфиш был взят под стражу в апреле 1958 г.

⁸⁰ Zuchthaus zu Hause // *Der Spiegel*. 1966. № 44. S. 65—66.

⁸¹ Zuchthaus zu Hause. S. 65.

⁸² О. Брадфиш обращался в органы юстиции Ганновера, так как именно в столице Нижней Саксонии в отношении него был вынесен последний судебный приговор.

⁸³ Zuchthaus zu Hause. S. 65.

⁸⁴ Klein P. Op. cit. S. 229—230.

⁸⁵ Klein P. Op. cit. S. 231.

⁸⁶ Zuchthaus zu Hause. S. 65.

⁸⁷ Zuchthaus zu Hause. S. 66.

⁸⁸ Zuchthaus zu Hause. S. 65.

⁸⁹ Zuchthaus zu Hause. S. 65.

Аушвицкого комитета в Вене Герману Лангбайну⁹⁰. Общественный деятель написал письмо министру юстиции Нижней Саксонии. Спустя 3 месяца, так и не дождавшись ответа министра, Г. Лангбайн отправился в Ганновер. Председатель Аушвицкого комитета пытался донести до местных чиновников мысль о том, что в основе «преодоления немецкого прошлого» лежат не только суды над бывшими нацистами⁹¹, но и «серьезное» отношение к исполнению приговоров, вынесенных преступникам. Г. Лангбайн утверждал, что осужденные за преступления национал-социализма должны отбывать свое наказание точно так же, как и грабители банков и убийцы таксистов, а не подлежать «амнистии через заднюю дверь»⁹².

Сам же заключенный в интервью журналистам говорил о начавшейся против него «клеветнической кампании», вновь жаловался на слабое здоровье, рассказывал о необходимости удаления миндалин и желчного пузыря, предстоящих операциях на правой руке и челюстях⁹³.

На фоне скандала в декабре 1966 г. О. Брандфиш был помещен в тюремную больницу в городе Байройт. В сентябре 1967 г. пастор Шлингензипен снова получил письмо от адвоката Отто Брандфиша. Защитник вновь просил ходатайствовать об освобождении его подопечного в связи с ухудшением состояния здоровья. Теолог во второй раз выполнил просьбу. В июле 1969 г., за 2 года до окончания срока заключения, О. Брандфиш вышел на свободу. После этого пастор отправил в адрес преступника еще несколько писем. Однако ответа от Отто Брандфиша уже не последовало. «Тяжело больной» нацистский преступник пережил своего заступника на 14 лет. О. Брандфиш умер в 1994 г. в возрасте 91 года в малой деревушке в Верхней Баварии⁹⁴.

Таким образом, убежденный нацист, оберштурмбаннфюрер СС, высокопоставленный

служащий гестапо, полиции безопасности и СД Отто Брандфиш, виновный в уничтожении по самым минимальным подсчетам 37 тыс. евреев, был признан правосудием ФРГ «заложником особых обстоятельств»: ввиду «неправильного понимания» таких добродетелей, как «служение Родине» и «преданность государству», он «слепо реализовывал» преступную волю руководства страны. Такие оценки Мюнхенского и Ганноверского судов присяжных не являлись уникальными, они полностью вписывались в общий концептуальный подход западногерманской юстиции к расследованию преступлений холокоста в Восточной Европе⁹⁵.

Данный подход позволял снять ответственность за геноцид еврейского народа не только с нацистских преступников, представших перед немецкими судами в 1960-е гг., но и со всего германского общества. Возлагая всю полноту ответственности на Гитлера и его ближайшее окружение, немецкий социум отказывался воспринимать всерьез даже те минимальные наказания, которые получали так называемые «пособники». Без объявления амнистии, на основе сомнительных медицинских заключений и решений местных органов юстиции осужденные досрочно оказывались на свободе.

Немецкий философ Теодор Адорно писал: преступления национал-социализма нужно оценивать так, чтобы «перед убитыми не было стыдно»⁹⁶. Нарратив О. Брандфиша свидетельствует о том, что правосудие ФРГ не справлялось с подобной задачей. Приговоры западногерманских судов, вынесенные в 1960-е гг., явились ярким примером того, как попытки государства и общества найти оправдание действиям нацистских преступников приводили к грубому искажению исторической правды и осквернению памяти о миллионах жертв нацизма.

⁹⁰ В ходе ряда судебных процессов над бывшими нацистами Г. Лангбайн приобрел известность как один из наиболее последовательных защитников интересов жертв нацистских преступлений. См.: *Stengel K. Hermann Langbein: ein Auschwitz-Überlebender in den erinnerungspolitischen Konflikten der Nachkriegszeit. Frankfurt am Main, 2012 ; Langbein H. Menschen in Auschwitz. Wien, 1987.*

⁹¹ О феномене «преодоления прошлого» в Германии см., например: *Hoffmann Ch. Die justizielle «Vergangenheitsbewältigung» in der Bundesrepublik Deutschland. Tatsachen und Legenden // Die Schatten der Vergangenheit : Impulse zur Historisierung des Nationalsozialismus / Hg. U. Backes. Frankfurt, 1990. S. 497—521.*

⁹² *Zuchthaus zu Hause. S. 65.*

⁹³ *Zuchthaus zu Hause. S. 66.*

⁹⁴ *Klein P. Op. cit. S. 231—232.*

⁹⁵ См., например: *Perels J. Op. cit. ; Jasch H.-Ch., Kaiser W. Op. cit.*

⁹⁶ *Perels J. Op. cit. S. 200.*

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аустов Л. С., Краев Д. Ю. Уголовное право зарубежных стран. — СПб. : СПУИ (ф-л) Академии Ген. прокуратуры РФ, 2013. — 132 с.
2. Алексеев Н. С. Ответственность нацистских преступников. — М. : Междунар. отношения, 1968. — 127 с.
3. Борозняк А. И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. — М. : Полит. энциклопедия, 2014. — 352 с.
4. Bethke S. Tanz auf Messers Schneide : Kriminalität und Recht in den Ghettos Warschau, Litzmannstadt und Wilna. — Hamburg : Hamburger Edition, 2015. — 316 S.
5. Amnestie durch die Hintertür. NS-Mörder werden heimlich auf freien Fuß gesetzt // Zeit Online. URL: <https://www.zeit.de/1966/44/amnestie-durch-die-hintertuer> (дата обращения: 11.12.2019).
6. Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941—1942. Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD / Hg. P. Klein. — Berlin : Edition Hentrich, 1997. — 434 S.
7. Eichmüller A. Keine Generalamnestie. Die Strafverfolgung von NS-Verbrechen in der frühen Bundesrepublik. — München : Oldenbourg Verlag, 2012. — 476 S.
8. Frei N. 1945 und wir : das Dritte Reich im Bewusstsein der Deutschen. — München : Dt. Taschenbuch-Verl., 2009. — 240 S.
9. Freudiger K. Die juristische Aufarbeitung von NS-Verbrechen. — Tübingen : Mohr Siebeck, 2002. — 444 S.
10. Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944. — Hamburg : Hamburger Ed., 1999. — 1231 S.
11. Hoffmann Ch. Die justizielle «Vergangenheitsbewältigung» in der Bundesrepublik Deutschland. Tatsachen und Legenden // Die Schatten der Vergangenheit : Impulse zur Historisierung des Nationalsozialismus / Hg. U. Backes. — Frankfurt : Propyläen, 1990. — S. 497—521.
12. Jasch H.-Ch., Kaiser W. Der Holocaust vor deutschen Gerichten : Amnestieren, Verdrängen, Bestrafen. — Ditzingen : Reclam, 2017. — 263 S.
13. Kittel M. Die Legende von der «zweiten Schuld» : Vergangenheitsbewältigung in der Ära Adenauer. — Berlin : Ullstein, 1993. — 480 S.
14. Klein P. Der Mordgehilfe. Schuld und Sühne des Dr. Otto Bradfisch // Die Gestapo nach 1945: Karrieren, Konflikte, Konstruktionen / Hg. K.-M. Mallmann, A. Angrick. — Darmstadt : WBG, Wiss. Buchges., 2009. — S. 221—234.
15. Klemp S. Nicht ermittelt: Polizeibataillone und die Nachkriegsjustiz. — Essen : Klartext-Verl., 2011. — 603 S.
16. Kühnl R. Faschismus als Produkt des Führers? // Aufbrüche : die Chronik der Republik 1961—1986 / Hg. F. Duve. — Reinbek bei Hamburg : Rowohlt, 1986. — S. 335—340.
17. Langbein H. Menschen in Auschwitz. — Wien : Europaverl., 1987. — 607 S.
18. Miquel M. «Wir müssen mit den Mördern zusammenleben!» NS-Prozesse und politische Öffentlichkeit in den sechziger Jahren // «Gerichtstag halten über uns selbst...» Geschichte und Wirkung des ersten Frankfurter Auschwitz-Prozess / Hg. I. Wojak. — Frankfurt — New York : Campus, 2001. — S. 97—116.
19. Pendas D. O. Der Auschwitz-Prozess. Völkermord vor Gericht. — München : Campus-Verl., 2013. — 565 S.
20. Perels J. Täter als Marionetten? Zur Einschränkung der Verantwortung für die Untaten des Dritten Reichs // Perels J. Der Nationalsozialismus als Problem der Gegenwart. — Frankfurt am Main : Lang-Ed., 2015. — S. 191—200.
21. Rückerl A. NS-Verbrechen vor Gericht: Versuch einer Vergangenheitsbewältigung. — Heidelberg : Müller, Jurist. Verl., 1984. — 343 S.
22. Stengel K. Hermann Langbein: ein Auschwitz-Überlebender in den erinnerungspolitischen Konflikten der Nachkriegszeit. — Frankfurt : Campus-Verl., 2012. — 641 S.
23. Weinke A. Eine Gesellschaft ermittelt gegen sich selbst: die Geschichte der Zentralen Stelle Ludwigsburg 1958—2008. — Darmstadt : Wiss. Buchges., 2008. — 224 S.
24. Wolfrum E. Der Nationalsozialismus im öffentlichen Bewusstsein der Bundesrepublik Deutschland. Kulturen der Vergangenheitsaufarbeitung 1949—1999 // Bilanz : 50 Jahre Bundesrepublik Deutschland / Hg. M.-L. Recker. — St. Ingbert : Röhrig, 2001. — S. 221—235.
25. Zuchthaus zu Hause // Der Spiegel. — 1966. — № 44. — S. 65—66.

Материал поступил в редакцию 10 февраля 2020 г.

REFERENCES

1. Aistov LS, Kraev DYu. Uголовное право zarubezhnykh stran [Criminal law of foreign countries]. SPb.: SPUYul (f-l) of the Academy of General Prosecutor's office of the Russian Federation; 2013. (In Russ.)
2. Alekseev NS. Otvetstvennost natsistskikh prestupnikov [Responsibility of Nazi criminals]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya; 1968. (In Russ.)
3. Boroznyak AI. Zhestokaya pamyat. Natsistskiy reykh v vospriyatii nemtsev vtoroy poloviny XX i nachala XXI veka [Cruel memory. Nazi Reich in the perception of the Germans of the second half of the 20th and early 21st century]. Moscow: Polit. entsiklopediya; 2014. (In Russ.)
4. Bethke S. Tanz auf Messers Schneide: Kriminalität und Recht in den Ghettos Warschau, Litzmannstadt und Wilna. Hamburg: Hamburger Edition; 2015. (In Germ.)
5. Amnestie durch die Hintertür. NS-Mörder werden heimlich auf freien Fuß gesetzt. Available from Zeit Online: <https://www.zeit.de/1966/44/amnestie-durch-die-hintertuer> [cited 2019 December 11]. (In Germ.)
6. Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941-1942. Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD. Hg. P. Klein. Berlin: Edition Hentrich; 1997. (In Germ.)
7. Eichmüller A. Keine Generalamnestie. Die Strafverfolgung von NS-Verbrechen in der frühen Bundesrepublik. München: Oldenbourg Verlag; 2012. (In Germ.)
8. Frei N. 1945 und wir: das Dritte Reich im Bewusstsein der Deutschen. München: Dt. Taschenbuch-Verl.; 2009. (In Germ.)
9. Freudiger K. Die juristische Aufarbeitung von NS-Verbrechen. Tübingen : Mohr Siebeck; 2002. (In Germ.)
10. Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944. Hamburg: Hamburger Ed.; 1999. (In Germ.)
11. Hoffmann Ch. Die justizielle «Vergangenheitsbewältigung» in der Bundesrepublik Deutschland. Tatsachen und Legende. In: Backes U, editor. Die Schatten der Vergangenheit: Impulse zur Historisierung des Nationalsozialismus. Frankfurt: Propyläen; 1990. P. 497-521. (In Germ.)
12. Jasch H-Ch, Kaiser W. Der Holocaust vor deutschen Gerichten: Amnestieren, Verdrängen, Bestrafen. Ditzingen: Reclam; 2017. (In Germ.)
13. Kittel M. Die Legende von der «zweiten Schuld»: Vergangenheitsbewältigung in der Ära Adenauer. Berlin: Ullstein; 1993. (In Germ.)
14. Klein P. Der Mordgehilfe. Schuld und Sühne des Dr. Otto Bradfisch. In: Mallmann K-M, Angrick A, editors. Die Gestapo nach 1945: Karrieren, Konflikte, Konstruktionen. Darmstadt: WBG, Wiss. Buchges; 2009. P. 221-34. (In German)
15. Klemp S. Nicht ermittelt: Polizeibataillone und die Nachkriegsjustiz. Essen: Klartext-Verl.; 2011. (In Germ.)
16. Kühnl R. Faschismus als Produkt des Führers? In: Duve F, editor. Aufbrüche: die Chronik der Republik 1961-1986. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt; 1986. (In Germ.)
17. Langbein H. Menschen in Auschwitz. Wien: Europaverl.; 1987. (In Germ.)
18. Miquel M. «Wir müssen mit den Mördern zusammenleben!» NS-Prozesse und politische Öffentlichkeit in den sechziger Jahren. In: Wojak I. «Gerichtstag halten über uns selbst...» Geschichte und Wirkung des ersten Frankfurter Auschwitz-Prozess. Frankfurt-New York: Campus; 2001. (In Germ.)
19. Pendas DO. Der Auschwitz-Prozess. Völkermord vor Gericht. München: Campus-Verl.; 2013. (In Germ.)
20. Perels J. Täter als Marionetten? Zur Einschränkung der Verantwortung für die Untaten des Dritten Reichs. In: Perels J. Der Nationalsozialismus als Problem der Gegenwart. Frankfurt am Main: Lang-Ed.; 2015. p.191-200. (In Germ.)
21. Rückerl A. NS-Verbrechen vor Gericht: Versuch einer Vergangenheitsbewältigung. Heidelberg: Müller, Jurist. Verl.; 1984. (In Germ.)
22. Stengel K. Hermann Langbein: ein Auschwitz-Überlebender in den erinnerungspolitischen Konflikten der Nachkriegszeit. Frankfurt: Campus-Verl.; 2012. (In Germ.)
23. Weinke A. Eine Gesellschaft ermittelt gegen sich selbst: die Geschichte der Zentralen Stelle Ludwigsburg 1958-2008. Darmstadt: Wiss. Buchges; 2008. (In Germ.)
24. Wolfrum E. Der Nationalsozialismus im öffentlichen Bewusstsein der Bundesrepublik Deutschland. Kulturen der Vergangenheitsaufarbeitung 1949-1999. In: Recker M-L, editor. Bilanz : 50 Jahre Bundesrepublik Deutschland. St. Ingbert: Röhrig; 2001. p. 221-235. (In Germ.)
25. Zuchthaus zu Hause. Der Spiegel. 1966;44:65-66. (In Germ.)

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.097-105

Д. Лазич*

Развитие уголовно-правовой санкции в Сербии с 1804 по 1945 г.

Аннотация. В статье раскрывается историческое развитие уголовно-правовой санкции на территории нынешней Республики Сербии. Статья содержит результаты исследования уголовно-правовой санкции, а также ее эффективности в Княжестве Сербии, Королевстве Сербии и Королевстве Югославии. Анализ уголовно-правовой санкции в статье проведен на основании древнейших правовых памятников как государства Сербии, так и других. Исследуя зачатки уголовно-правовой санкции, автор приходит к выводу, что уголовное право в том виде, каким мы его знаем сегодня, появляется только в XIII в. Таким образом, систематически и тщательно анализируя характеристики того времени, можно прийти к полному пониманию нынешнего определения уголовно-правовой санкции, ее видов, особенностей применения и цели. Так, на основании обзора уголовных преступлений и соответствующих уголовно-правовых санкций в Законнике Стефана Душана, принятом в 1349 г., можно заметить, что большая часть уголовно-правовых санкций заключалась в смертной казни (например, сожжение), в телесных наказаниях в виде отрезания частей тела (например, рук, носа) или в денежной пене. Осознание общественной обстановки того времени делает понятной и полностью оправданной жесткость уголовно-правовых санкций. Исследование различий между старинными способами наказания и современным способом ресоциализации людей позволяет провести тщательный анализ эффективности или неэффективности строжайшей уголовно-правовой санкции. Сублимируя основную уголовно-правовую санкцию и ее разные виды, мы ставим перед собой цель устранить любую алогичность, путаницу и дилемму по поводу этой темы в нашем уголовном законодательстве.

Ключевые слова: уголовно-правовая санкция; меры наказания; меры безопасности; наказание; профилактика; репрессия; уголовное законодательство; уголовное право; Сербия; Югославия.

Для цитирования: Лазич Д. Развитие уголовно-правовой санкции в Сербии с 1804 по 1945 г. // *Lex russica*. — 2020. — Т. 73. — № 5. — С. 97—105. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.097-105.

Development of Criminal Law Sanctions in Serbia from 1804 to 1945

Dragana Lazić, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Faculty of the Humanities, University of Economics of Novi Sad
ul. Ratka Mitrovicha, d. 54, Belgrade, Republic of Serbia, 11000
dragana1908@yahoo.com

Abstract. The paper reveals the historical development of criminal law sanctions in the territory of the current Republic of Serbia. The paper contains the results of a study of the criminal law sanction, as well as its effectiveness in the Principality of Serbia, the Kingdom of Serbia and the Kingdom of Yugoslavia. The analysis of criminal law sanctions in the paper is based on the oldest legal monuments of both the state of Serbia and others. Examining the grounds for criminal law sanctions, the author comes to the conclusion that criminal law as we know it today appeared only in the 13th century. Thus, through a systematic and careful analysis of the characteristics of that time, we can come to a complete understanding of the current definition of criminal law sanction, its types, features of application and purpose. Thus, based on the review of the criminal offences and the corresponding criminal sanctions in the Dushan's Code adopted in 1349, it can be noted that most of the criminal sanctions

© Лазич Д., 2020

* Лазич Драгана, доцент кафедры уголовного права факультета гуманитарных наук Университета «Экономическая академия г. Нови-Сада»

ул. Ратка Митровича, д. 54, г. Белград, Республика Сербия, 11000
dragana1908@yahoo.com

consisted of the death penalty (for example, burning), corporal punishment in the form of cutting off body parts (for example, hands, nose) or monetary fine. Awareness of the social situation of that time makes clear and fully justified the severity of criminal sanctions. The study of the differences between ancient methods of punishment and today's method of resocialization of people allows us to conduct a thorough analysis of the effectiveness or ineffectiveness of the strictest criminal law sanctions. By sublimating the main criminal law sanction and its various types, we aim to eliminate any illogic, confusion and dilemma about this topic in our criminal legislation.

Keywords: criminal law sanction; penalties; security measures; punishment; prevention; repression; criminal law; criminal law; Serbia; Yugoslavia.

Cite as: Lazich D. Razvitie ugovovno-pravovoy sanktsii v Serbii s 1804 po 1945 god [Development of Criminal Law Sanctions in Serbia from 1804 to 1945]. *Lex russica*. 2020;73(5):97-105. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.097-105. (In Russ., abstract in Eng.).

Зачатки уголовно-правовой санкции

Уголовное право — одна из древнейших ветвей юриспруденции. Еще с момента зарождения общества мы можем найти какие-то следы существования уголовного права и наказания: начиная с кровной мести, ссылки, *lex talionis* и пр. Однако мы можем считать, что уголовное право существует только с момента зарождения государства, применяющего меры принуждения, ведь все принципы в уголовном праве обосновываются тезисом об исключительном праве применения силы государством.

Lex talionis представляет собой большой шаг вперед в плане уголовного права, ведь впервые выдвигается требование разграничить отмщение и наказание с той целью, чтобы наказание получилось справедливым и соразмерным. Такой принцип впервые появляется в законах Хаммурапи¹ и римском Законе XII таблиц. Однако уголовное право в том виде, каким мы его знаем сегодня, появляется только в XIII в.

Законник Стефана Душана представляет собой важнейший средневековый письменный

источник права. Он принят в 1349 г. Впервые за всю историю Сербии преступление рассматривалось не как частное, а как общественное дело и наказание устанавливалось не индивиду, а «моему царству». Законник Стефана Душана не сохранился в оригинальном виде, но по Стружской и Атонской рукописям можно четко определить форму этого сборника законов, а также точно понять его характеристики в плане назначения наказания. Стружская рукопись хранится в Москве, в Российской государственной библиотеке. Рукопись написана на бумаге, поврежденной от влаги, поэтому части текста неразборчивы или полностью утрачены. Рукопись имеет всего лишь 15 страниц. Не сохранились ни начало, ни конец, не хватает некоторых страниц в середине. В ходе реставрации был неправильно повернут и наклеен другой лист².

По переводу Стружской рукописи мы можем определить разные виды наказания. Итак, «и если окажется полуверец, взявший христианку; если захочет пусть крестится в христианство; если же не крестится, да возьмется у него жена и дети, и да дает им он часть от дома, а он

¹ Законами Хаммурапи (ст. 196 и 200) предписано, что «если кто-нибудь повредит глаз у свободного, то должно повредить глаз ему (самому)» и «если кто-нибудь выбьет зуб у лица одинакового положения, то должно выбить зуб ему самому». Этими законами также предусматривалось наказание за убийство из низменных побуждений, а именно было предписано, что «если чья-нибудь жена умертвит своего мужа из-за другого мужчины, то ее должно посадить на кол». О телесных увечьях было предписано, что «если кто-нибудь ударит по щеке лицо высшего положения, то должно публично ударить его шесть раз плетью из воловьей кожи». Об уголовном преступлении «кража» законами Хаммурапи было предписано, что «если в чьем-нибудь доме вспыхнет огонь, (и) кто-нибудь пришедший тушить его обратит свой взор на что-нибудь из имущества домохозяина и присвоит себе что-нибудь из имущества домохозяина, то этого человека бросают в этот (же) огонь». Ради борьбы с групповым браком и сохранения покорности законами предписано, что «если кто-нибудь по смерти своего отца ляжет с своей матерью, то должно сжечь их обоих», а «если кто-нибудь по смерти своего отца ляжет с своей мачехой, родившей детей, то этого человека должно изгнать из дома». «Если кто-нибудь сосватает невесту своему сыну, его сын познает ее, а потом он (сам) будет захвачен лежащим с нею, то должно, связавши, бросить его в воду». См. подробнее: Павлович М. Развитие права. Крагуевац : Артпринт, 2013. С. 33—35.

² Законник царя Стефана Душана, Стружская и Атонская рукописи. Белград, 1975. С. 123.

да изгонится» и «кто окажется еретиком, живя между христианами, да заклеимтся (собственно пощется по лицу) и да изгонится; кто же его будет таить, и тот да заклеимтся». В статье 27 предписано, что «да не будет собора себров. Если же найдется какой собиратель, да отрежут ему уши и да выжгутся ему ресницы». Положения о способах наказания за убийство предписаны в ст. 43: «кто не пришел намеренно с насилием и сотворил убийство, да платит 300 перперов, буде же пришел намеренно, отрубить ему обе руки». Помимо этого положения, существует еще несколько статей, относящихся к уголовному преступлению убийства, с соответствующей уголовно-правовой санкцией за это уголовное преступление и прочие проступки. «Если властель убьет себра в городе или в жупе или в катуне, да платит тысячу перперов; если же себр убьет властелина, то отрубить ему обе руки и заплатить 300 перперов». Статьей 54 предписано, как будет наказан тот, кто убьет отца, мать, брата: «Кто окажется убившим отца или мать или брата или дитя свое, да будет такой убийца сожжен на огонь». Также «если кто обругает святителя или монаха или попа, да платит 100 перперов, а кто окажется убившим святителя или монаха или попа, да будет тот убит и повешен»³.

Атонская рукопись также хранится в Москве в Российской государственной библиотеке. Этот свод законов имеет 244 сохраненных страниц⁴. На основании Атонской рукописи можно заметить, что Законник Стефана Душана охватывал положения о христианстве, духовных вещах, духовенстве, суде, епископах, игуменах, монахах, волхвах, сжигающих покойников; о церковных людях, попах, умерших дворянах, обиде, насилии, измене, зле, царе, сиротах, судебных тяжбах, законе, соборе себров, пастбище, потраве, о межах, горах, влахах и арбанасах, царских грамотах, котле, убийстве, тяжбе, вызове, залоге, властельской бороде, поджигателях, насилии, судьях, городском кремле, войсках, ссоре, купцах, хрисовулах, обмане, разбойниках, ворах, побеге, клятвенных свидетелях, пьяницах, ювелирах, справедливости и т.д. Можно сделать вывод о том, что Законник Стефана Душана имел очень широкий охват. Все вышеприведенное регулируется в общем счете 173 статьями.

Статьей 3 предписано, что «и ни один брак да не совершится без венчания, если же совер-

шится без благословения и церковного спроса, таковой да расторгнется». В статье 29 написано, что «и если церковный управитель окажется взявшим мзду, пусть лишится всего своего имущества». Этот памятник права не терпел никакого насилия, и поэтому ст. 52 предписано, что «и который властелин похитит властелицу, да отсекутся ему обе руки и стрижется нос. Если же себр похитит властелицу да будет повешен. Если же похитит себе равную, да отсекутся ему обе руки и стрижется нос».

В статье 98 регулируется поджог: «Кто окажется поджегшим дом или гумно или солому или село, да сожгут его огнем». В статье 157 предписаны правила о пьяницах. Там написано, что «пьяница откуда идет и схватит кого-либо или ударит или окровавит, а не до смерти, такому пьянице да будет вырван глаз и отсечена рука; если же пьяный задерет кого, или шапку сбросит или нанесет другое оскорбление, а не окровавит, то дать ему 100 палок и кинуть в темницу и по выводе из темницы бить его (палками) и отпустить».

Истинная ценность этого Законника, его праведность и замысел самым ярким образом выражаются в положениях о справедливости. Этими положениями сам царь ограничивает свою власть, и это является уникальным примером для того времени. В этих положениях написано, что «если пишет грамоту мое царское величество или по злобе на кого-либо или по любви или по милости, и эта грамота отменяет Законник не по правде и не по закону, как пишет Законник, то судьи да не верят такой грамоте, но да судят и вершат (дело), как (следует) по правде» и «все судьи пусть судят по Законнику, справедливо, как написано в Законнике, и да не судят по страху моего царского величества»⁵.

На основании обзора уголовных преступлений и уголовно-правовой санкции, прописанной за эти уголовные преступления Законником, принятым в 1349 г., можно заметить, что большая часть уголовно-правовой санкции заключалась в смертной казни (например, сожжение), в телесных наказаниях в виде отрезания частей тела (например, рук, носа) или в денежной пене. Осознание общественной обстановки того времени делает понятной и полностью оправданной жесткостью уголовно-правовых санкций. Мы должны напомнить, что все тео-

³ См. подробнее: Законник царя Стефана Душана. С. 100—124.

⁴ Законник царя Стефана Душана. С. 209.

⁵ Законник царя Стефана Душана. С. 167—207.

ретики уголовного права согласны в том, что Законник Стефана Душана является памятником права, служившим предметом изучения и предметом восхищения вплоть до наших дней.

«Смертная казнь и нанесение телесных увечий как наказание пришли в сербское право из византийского права. В это время смертную казнь исполняли через повешение, сожжение, телесные увечья заключались в порке, отрезании рук, языка, носа, ушей, ослеплении (только в двух случаях), пожжении волос и бороды. Клеймение считалось скорее своеобразным учетом преступников, чем телесным наказанием»⁶.

Уголовно-правовая санкция в законодательстве Княжества Сербии

Прежде чем мы осуществим подробный анализ уголовного законодательства Княжества Сербии, необходимо упомянуть о Своде законов протоиерея Матвея Ненадовича, принятом 5 мая 1804 г. Сам автор утверждал, что он для его выработки пользовался Кодексом Юстиниана и Кормчей святого Саввы Сербского⁷. Тремя годами позднее, в 1807 г., принят еще один законник, регламентирующий исключительно уголовные преступления и уголовно-правовые санкции, — Уголовный кодекс Карагеоргия.

Уголовный (наказательный) кодекс Княжества Сербии принят в 1860 г. по образцу Прусского уголовного кодекса 1851 г. Этот кодекс применялся вплоть до 1929 г., а между тем в него были внесены поправки и изменения. Однако мы должны упомянуть о том, что в 1850 г. уже был принят Наказательный закон о полицейских делах (Полицейский наказательный сборник).

Во время правления князя Александра Карагеоргиевича (1842—1858 гг.) было принято несколько указов, регулировавших область уголовного права. В частности, устанавливалось, что любого (будь он один или сопровождаемый группой лиц), кто пытается предпринять какой-нибудь поступок, направленный против жизни,

свободы и справедливости правящего князя, или стремится к нарушению основных народных прав и Конституции страны, нужно считать предателем и *назначить ему смертную казнь*. Положением № 4 предписано, что тот, кто совершит предательское дело или намерен его совершить или поощрять или кто узнал о подготовке такого дела, но заблаговременно не раскрыл его перед властями, — того тоже, наряду с другими, нужно считать соучастником в предательстве и *назначить ему пожизненное заключение*. Статья 13 предписывает, что любому, не подчинившемуся полицейскому повелению из соображений безопасности или сохранения правопорядка, а также ослушавшемуся предупреждений, *следует тюремное наказание сроком от 7 дней до 2 месяцев*⁸.

Первые положения о замене телесного наказания на пеню появились уже 19 мая 1845 г. Там предписано, что преступнику, которому назначено наказание до 25 розог, примирительский и окружный суды по просьбе осужденного могут заменить наказание розгами на пеню таким образом, чтобы количество розог заменить на такую же сумму талеров. В том же году уголовное законодательство также занималось назначением наказания для грабителей и воров. Так, предписано, что подозреваемого в каком-нибудь обмане сначала необходимо допросить, а потом, если лицо не признает вину, его будут держать в строгом заключении, ограничив его питание сухоедением, тем самым добиваясь от него признания. Предписано также, что воров следует наказывать соответственно преступлению: розгами и каторгой в одно время, а назначенный срок они должны отбывать в месте, не менее чем в 20 часах отдаленном от места жительства⁹.

В период с 1 января 1847 г. по конец декабря 1848 г. снова применяется уголовно-правовая санкция по краже. Предписано, что любой взломавший или раскрывший с намерением ограбить дом, магазин или какое-нибудь другое здание, какой бы ценности оно ни было, а также и любой напавший на кого-нибудь на дороге с намерением ограбить или отнять что-то у него

⁶ Крклиуш Л. История права сербского народа. Белград : Юридический факультет Белградского университета, 2015. С. 70, 71.

⁷ См. подробнее: Ного С. Судско право. Београд : Мегатренд, 2010. С. 145.

⁸ Сборник законов, положений и указов, изданных в Княжестве Сербии с апреля 1840 г. по конец декабря 1844 г. Белград : Книгопечатня Княжества Сербии, 1845. С. 272—275.

⁹ Сборник законов, положений и указов, изданных в Княжестве Сербии с 1 января 1845 г. по конец декабря 1846 г. Белград : Книгопечатня Княжества Сербии, 1847. С. 43—60.

должен быть наказан смертью. Если женщина совершит кражу, то ее наказать 100 кнутами. Если несовершеннолетние лица совершат кражу, то их соответственно возрасту и полу наказать плетью, розгами или кнутом¹⁰.

Из-за нарастающего числа случаев изъятия земли князь Александр Карагеоргиевич в 1849 г. меняет уголовные постановления: любой занявший противозаконно чужую землю своеволием или насилием должен быть наказан 25 розгами или заплатить 25 талеров как замену телесному наказанию, а также должен возместить ущерб, потерю времени и другие траты, возникшие вследствие его проступка. Интересно, что уже тогда ведутся споры о том, в чем разница между кражей из закрытого и запертого дома и из открытого дома. Князь принял позицию, что таких воров следует наказывать так же, как и прежних, и что этот Наказательный сборник должен применяться до тех пор, пока количество краж не уменьшится и пока не возникнет возможность применять более мягкие законы. Любой совершивший кражу или грабеж должен быть наказан смертной казнью. В том же году было принято положение, что к уголовным преступлениям, совершенным чиновниками или священниками, требуется применить то же наказание, какое применялось бы к нечиновникам и несвященникам, — после того, как их лишат чина (сана)¹¹.

В 1851 г. князь Александр Карагеоргиевич принимает Указ, которым повелевает судам и полицейской власти обратить внимание на бюджеты. Исполнитель уголовного преступления кражи был должен десятую часть стоимости кражи или грабежа уплатить в судебную казну и ту же сумму нужно было перечислить в полицейскую казну. Поэтому князь постановил так, что казну нужно проверять через полгода, пересчитывать накопленные деньги и, если вдруг в казне окажется дефицит, отыскать виновников, чтобы не доходило до дальнейших убытков¹².

Закон о замене телесного наказания был принят 31 января 1853 г. в Белграде, он имел

19 статей. Статьей 1 предписано следующее: к наказательным законам также принадлежит и телесное наказание, но нередко бывает, что осужденные не в состоянии выдержать назначенное им наказание вследствие своей слабости или болезни или своего особого телосложения, и поэтому это наказание надо заменить.

Предусматривалось, что телесное наказание 25 розгами надо заменить тюремным заключением сроком 15 дней, а если преступник приговорен дважды к 25 розгам, то каждые 25 розог следует заменить тюремным заключением сроком 25 дней. В случае, когда осужденный приговорен трижды к 25 розгам, то каждые 25 розог следует заменить тюремным заключением сроком 40 дней. И в случае, когда осужденный приговорен четырежды к 25 розгам, то каждые 25 розог следует заменить тюремным заключением сроком 60 дней. Разовое телесное наказание 50 розгами заменится тюремным заключением сроком 3 месяца, а если осужденный приговорен дважды к 50 розгам, то каждые 50 розог следует заменить тюремным заключением сроком 4,5 месяца. Если же кто-то приговорен к 100 розгам, тогда это необходимо разделить на дважды 50 или четырежды 25 розог. Шпицрутен 12-разовый надо заменить на 12 лет каторги в кандалах. Шпицрутен 9-разовый надо заменить 8-летней каторгой в кандалах, шпицрутен 6-разовый меняется 5-летней каторгой в кандалах, а шпицрутен 3-разовый заменится 2-летней каторгой в легких цепях. Наказание 10 плетьюми надо заменить тюремным заключением сроком 15 дней. Наказание 20 плетьюми заменится тюремным заключением сроком 2 месяца. Разовое наказание 40 плетьюми заменяется тюремным заключением сроком 8 месяцев. Тюремное заключение сроком 1 год заменит 50 плетей¹³.

Сделав обзор Сборника законов и положений 1858 г., мы видим, что появляется какая-то неоднозначность в плане смертной казни. Ставится вопрос о том, как исполнить смертную казнь и что сделать с трупами? Князь Александр Карагеоргиевич отдал приказ расстрелять из

¹⁰ Сборник законов, положений и указов, изданных в Княжестве Сербии с 1 января 1847 г. по конец декабря 1848 г. Белград : Книгопечатня Княжества Сербии, 1849. С. 28—30, 145—147.

¹¹ Сборник законов, положений и указов, изданных в Княжестве Сербии с начала 1849 г. по конец 1850 г. Белград : Правительственная книгопечатня, 1853. С. 10—12, 26—29, 34—36.

¹² Сборник законов, положений и указов, изданных в Княжестве Сербии с начала 1851 г. по конец 1852 г. Белград : Правительственная книгопечатня, 1853. С. 60, 143—145.

¹³ Сборник законов, положений и указов, изданных в Княжестве Сербии с начала до конца 1853 г. Белград : Правительственная книгопечатня, 1854. С. 28—33.

винтовки приговоренного к смертной казни и сразу закопать его труп в землю¹⁴.

6 мая 1859 г., с приходом к власти князя Милоша Обреновича, шпицрутен отменяется, поскольку это наказание идет вразрез с духом времени и человечностью. Его заменяют каторжным наказанием на срок, определенный Положением от 31 января 1853 г.¹⁵ По приказу князя Милана Обреновича, с 11 декабря 1873 г. телесное наказание совсем отменяется¹⁶.

В этом Сборнике четко можно проследить новый этап развития уголовного права на территории Сербии, ведь там впервые упоминается попытка, соединение уголовных дел, предписывание сроков наказания, а также сами положения закона стали намного конкретнее и точнее.

Уголовно-правовая санкция в законодательстве Королевства Сербии

Королевство Сербия существовало с 1882 по 1918 г. В этот период Уголовный (наказательный) кодекс Княжества Сербии, принятый в 1860 г., был все еще действующим, но претерпел большие перемены.

30 июня 1882 г. внесены первые изменения и поправки в Уголовный кодекс Королевства Сербии. Статьей 302.а предусматривалось, что любой намеренно спровоцировавший какой-нибудь сбой на железной дороге или в связи со средствами железнодорожного транспорта должен быть наказан тюремным заключением сроком до 3 месяцев, если не причинил никакого вреда транспорту. Если вследствие такого сбоя появилась угроза железнодорожной транспортной безопасности, то виновного следует наказывать каторгой сроком не более 10 лет. Однако если вследствие такого сбоя какой-то человек окажется с тяжелыми травмами, то на-

казанием будет тюремное заключение или каторга сроком не более 15 лет, а если кто-нибудь лишился жизни, виновнику назначить смертную казнь¹⁷.

Король Милан Обренович 22 октября 1883 г. в Белграде принимает новые правила отбывания тюремного заключения вне колонии. Предписано, что все осужденные, в том числе несовершеннолетние (лица, которым не исполнился 21 год) и лица женского пола, которым при исполнении приговора остается не более одного месяца заключения, могут отбыть оставшийся срок или у окружного начальства, или при губернском отделе: где есть свободные места и где будет выгоднее. В то время те, кто могут себе это позволить, будут питаться за свой счет, и только бедным надлежало полицейская власть предоставит пятьдесят пара ежедневно на питание, требуя денежное возмещение от исправительного учреждения, должного содержать осужденное лицо во время отбывания им наказания. На основании этого правила можем сделать вывод, что уже тогда тюрьмы были переполнены, так что государство не могло обеспечить содержание для всех приговоренных к тюремному заключению.

Поскольку это был очень сложный период, был учрежден Военно-полевой суд, чтобы исполнять наказание за уголовные преступления:

- 1) против отечества, правителя и Конституции;
- 2) против закона, власти и правопорядка;
- 3) разбой, ограбления и вымогательства;
- 4) общеопасные злодеяния и преступления¹⁸.

Военный уголовный закон принят в 1885 г., он предписывал следующие наказания: смерть (приговоренного расстреляют и похоронят сразу); каторга (каторга должна длиться не менее 2 и не более 20 лет); заключение (заключение должно длиться не меньше и не дольше, чем каторга); тюрьма (содержание в тюрьме должно длиться не менее 30 дней и не более 5 лет);

¹⁴ Сборник законов, положений и указов, изданных в Княжестве Сербии с начала до конца 1858 г. Белград : Правительственная книгопечатня, 1858. С. 104.

¹⁵ Сборник законов, положений и указов, изданных в Княжестве Сербии с начала до конца 1859 г. Белград : Правительственная книгопечатня, 1859. С. 40.

¹⁶ Сборник законов и положений, изданных в Княжестве Сербии за 1873 и 1874 гг. Белград : Государственная типография, 1874. С. 37, 38.

¹⁷ Сборник законов и положений в Королевстве Сербии, изданных с 5 сентября 1881 по 28 июля 1882, с приложением некоторых прежних законов и конвенций и соглашения с Австро-Венгрией. Белград : Королевско-сербские государственные типографии, 1882. С. 190—193.

¹⁸ Сборник законов и положений в Королевстве Сербии, изданных с 21 марта по 31 декабря 1883 г. Белград : Королевско-сербские государственные типографии, 1883. С. 215—217, 258—264.

лишение прав получать военные награды, понижение (лишение военного достоинства) и лишение службы¹⁹.

Первое уголовно-правовое положение, принятое во время правления короля Александра Обреновича, относилось к назначению наказания для тех, кто в городке или в деревне по выходным, а также в первый день Рождества, в Крещение Господне, Великую пятницу, Вознесение Господне, Преображение Господне, во Введение и накануне всех народных праздников, прославляемых церковью, держат открытым свои магазины и в них работают и продают. Они должны оплатить штраф от 10 до 50 динаров²⁰.

Приведенные предписания изменены и дополнены уже в следующем году так, что каждому, оставшемуся в трактире или кабаке поздней ночью, пренебрегшему предупреждениям трактирщика или кабатчика или участкового о том, что пора уходить домой, придется платить штраф от 10 до 50 динаров, а также штраф полагается трактирщикам и кабатчикам, позволяющим появление разврата в их заведении и тем более поощрявшим его²¹.

Изменения и поправки в Сборник снова внесены в 1900 г. Тогда приняты положения о назначении наказания для лиц, которые не донесли на другое лицо местной муниципальной или полицейской власти в течение суток, приняв его у себя дома. Повышены также наказания для лиц, злоупотребивших своим положением, раскрывая бандероли, письма или упаковку: этим лицам назначили каторгу сроком от 5 до 10 лет, а также навсегда лишали их права состоять на любой государственной или муниципальной службе²².

Государственный переворот 1903 г., известный как Майский переворот, вместо короля Александра Обреновича приводит к власти в Сербии короля Петра Карагеоргиевича. Первое изменение в Уголовном кодексе по поводу уголовно-правовой санкции произошло

уже в 1904 г. Предписано так, что штраф должен быть не менее 5 и не более 300 динаров. Штраф уплачивается в муниципальную казну, если в первой инстанции дело рассматривается муниципальной властью, а если дело в первой инстанции было рассмотрено государственными властями, то штраф уплачивается в государственную казну. Сутки заключения можно заменить штрафом от 3 до 10 динаров по состоянию и положению осужденного. В духе того времени также предписано, что мужчина с женщиной, не состоящие к общему соблазну в брачных отношениях и не желающие разлучиться друг с другом или вновь совокупившиеся, получив даже предупреждение властей, должны быть наказаны; если у женщины есть муж, она возвратится мужу, если у нее нет мужа, тогда отправится к родителям, если таких тоже не найдется, тогда переедет в другое место в Сербии, а если не является гражданкой Сербии, тогда нужно ее выдворить. То же самое можно сделать и с мужчиной²³.

Уголовно-правовая санкция в законодательстве Королевства Югославии

Наше государство называется Королевством Югославией с 1929 г. Уголовный кодекс Королевства Югославии принят 27 января 1929 г., а вступил в силу 1 января 1930 г.

Уголовным кодексом 1929 г. в отделе о уголовно-правовой санкции предписаны наказания, подразделяющиеся на главные и второстепенные, и меры безопасности. Впервые в истории права нашего государства введен институт условного осуждения, олицетворяющий не уголовно-правовую санкцию, а институт права, который введен ради внедрения уголовно-политической идеи о том, что величайшей бедой для правопорядка является исполнение меры лишения свободы путем кратковременного тюремного заключения.

¹⁹ Сборник законов и положений в Королевстве Сербии, изданных с 11 января по 9 ноября 1885 г. Белград : Королевско-сербские государственные типографии, 1885. С. 504—516.

²⁰ Сборник законов и положений в Королевстве Сербии, изданных с 1 января 1890 до конца того же года. Белград : Королевско-сербские государственные типографии, 1891. С. 461—463.

²¹ Сборник законов и положений в Королевстве Сербии, изданных с 1 января 1891 до конца того же года. Белград : Королевско-сербские государственные типографии, 1892. С. 289—291.

²² Сборник законов и положений в Королевстве Сербии, изданных с 1 января 1900 до конца того же года. Белград : Королевско-сербские государственные типографии, 1903. С. 75—77.

²³ Сборник законов и положений в Королевстве Сербии, изданных с 1 января 1900 до конца того же года. Белград : Королевско-сербские государственные типографии, 1903. С. 75—77.

Все наказания по этому кодексу можно разделить на главные и второстепенные. К главным наказаниям относятся: смертная казнь, каторга, заключение, тюрьма строгого режима, тюрьма и штраф. К второстепенным наказаниям можно причислить: лишение чести, прав и службы. Смертную казнь в Королевстве Югославии исполняли через повешение. В предшествующий период смертную казнь исполняли через расстрел. Следовало думать, что исполнение смертной казни через повешение является намного более гуманным способом, от которого при исполнении за кратчайший срок будет намного меньше боли.

Каторга могла быть пожизненной или ограниченной, т.е. временной. По кодексу временная каторга должна была длиться не менее 1 года и не более 20 лет, а отбывали ее в исправительных учреждениях. Каторжное наказание по своим характеристикам можно было отождествить с наказанием строгой каторги, которая заключалась в том, что по истечении определенного времени осужденного переводят из СИЗО в колонию общего режима, откуда его в какой-то период направляют в колонию-поселение с тем, чтобы последние годы каторги заменить условно-досрочным освобождением.

Заключение — средство наказания или уголовно-правовая санкция, которая должна длиться не менее 1 года и не более 20 лет. Это наказание отбывали в исправительных учреждениях. В случае совершения уголовного преступления из низменных побуждений и если это является тяжелым уголовным преступлением, судья может вынести каторжный приговор, а если речь идет о более мягком уголовном преступлении или оно не совершалось из низменных побуждений, тогда можно вынести приговор о заключении.

Тюрьма строгого режима и тюрьма должны длиться не менее 7 суток и не более 5 лет. В особых исправительных учреждениях отбывали тюремный срок под строгим режимом не менее одного года, небольшие тюремные сроки отбывали в судебных тюрьмах. Тюрьма строгого режима очень похожа на темницу, и эту меру наказания можно назначить только за тяжелые уголовные преступления, которые не совершались из низменных побуждений, иначе нужно будет вынести каторжный приговор. С оглядкой на то, что тюрьма является наказанием, которое тоже может длиться до

5 лет, мы видим, что такой приговор тоже можно вынести за тяжелые уголовные преступления, но все-таки мы должны учитывать тот факт, что речь идет о тех уголовных преступлениях, которые можно заменить штрафом, если есть смягчающие обстоятельства. Разница по отношению к нынешнему пониманию тюремного наказания заключается в том, что в Королевстве Югославии каждый осужденный должен был работать. Об этом, как правило, всегда решали принудительным путем. «Способ назначения наказания лишения свободы по единицам времени подразумевал собой исчисление каторги, заключения, тюрьмы строгого режима и тюрьмы по годам и месяцам, а тюрьма строгого режима и тюрьма могут исчисляться по трем месяцам и круглым суткам»²⁴.

Кодексом 1929 г. минимальный размер штрафа определен в 25 динаров. Однако максимальный размер штрафа не установлен; более того, судье оставлено дискреционное право определить верхнюю границу штрафа для каждого отдельного случая. Законодатель занял позицию направлять денежные средства, полученные от штрафов, в Фонд учреждения и ремонта исправительных учреждений, Воспитательно-исправительное заведение и Заведение соблюдения мер безопасности. В случае если какое-то лицо не в состоянии уплатить штраф, оно может выполнять работы в рамках любого из приведенных заведений. Штраф можно было оплатить сразу в целом или в срок от 40 дней и до 3 месяцев. В случае несвоевременной уплаты штраф превращался в тюремное заключение. В случае смерти осужденного действовал принцип, который соблюдается даже сегодня: штраф осужденного по его смерти не взыскивается.

В качестве второстепенного наказания в ст. 46 Уголовного кодекса Королевства Югославии предписано лишение чести и прав. Лишение чести и прав подразумевало лишение права состоять на государственной или любой другой общественной службе или обладать общественными должностями, академическими титулами, наградами или любыми иными почестями и запрет на голосование, избрание (активное или пассивное избирательское право), а также и на все другие политические права. В духе этого закона лишением прав и чести можно также считать и лишение права получать пенсию, лишение званий адвока-

²⁴ Метод Доленц. Комментарий к Уголовному кодексу Королевства Югославии. Загреб, 1930. С. 92—93.

та, врача, учителя и т.п. Пожизненное лишение прав и чести может вынести суд в случае смертной казни или каторги сроком не менее 5 лет, а если назначен каторжный приговор сроком от 1 года до 5 лет, то тогда лишение прав и чести было действующим в период от 1 года до 5 лет. В случае заключения лишение прав и чести действует по времени тюремного заключения.

По Уголовному кодексу Королевства сербов, хорватов и словенцев предусматриваются также следующие меры безопасности: заключение под стражу по отбывании нового наказания (лицо, не менее 3 раз приговоренное за умышленное преступление к каторге, в случае повторного умышленного преступления в период

5 лет по отбывании последнего наказания будет задержано по отбывании нового наказания, если окажется небезопасным для общественного порядка); направление в центр занятости (лицо-рецидивист, совершившее уголовное преступление бродяжничества, попрошайничества или разврата); направление в центр лечения и институт попечительства и опеки; направление в центр лечения пьяниц; запрет на посещение корчем (совершившему уголовное преступление в состоянии алкогольного опьянения, а также человеку со склонностями к мелкому хулиганству суд запретит посещение корчем); защитный надзор; выдворение; запрет на занятие ремеслом или на службу и изъятие предметов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Законник царя Стефана Душана, Стружская и Атонская рукописи. — Белград, 1975.
2. Крклюш Л. История права сербского народа. — Белград : Юридический факультет Белградского университета, 2015.
3. Павлович М. Развитие права. — Крагуевац : Артпринт, 2013.
4. Метод Доленц. Комментарии к Уголовному кодексу Королевства Югославии. — Загреб, 1930.

Материал поступил в редакцию 2 февраля 2020 г.

REFERENCES

1. Zakonnik Tsarya Stefana Dushana, Struzhskaya i Atonskaya rukopisi [The Dushan's Code, Struga and Athon Manuscripts]. Belgrade; 1975.
2. Krklyush L. Istorija prava serbskogo naroda [History of law of the Serbian people]. Belgrade: Faculty of Law of the University of Belgrade; 2015.
3. Pavlovich M. Razvitie prava [The development of law]. Kraguevats: Artprint; 2013.
4. Dolents M. Kommentarii k ugovnomu kodeksu korolevstva Jugoslavii [Commentary on the Criminal code of the Kingdom of Yugoslavia]. Zagreb; 1930.

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.106-115

И. Г. Пирожкова*

Правотворчество в Российской империи: градостроительная политика и законодательство

Аннотация. Статья представляет эволюцию правотворчества в Российской империи через призму градостроительного правового нормирования. Охватывается период действия неcodифицированного и codифицированного законодательства с рубезом, пролегающим в составлении Свода законов Российской империи (всех его редакций) и Полного собрания законов Российской империи. В данных материалах автором выявлено около 300 исторических нормативных актов, касающихся регулирования градостроительной деятельности начиная с эпохи Петра I и до 1825 г. (период, систематизированный в ПСЗРИ), и ряд крупных codифицированных актов XIX — начала XX в. Анализ их содержания и формы лег в основу выводов о качествах правотворчества в Российской империи.

На основе анализа нормативного материала, охватывающего строительное, архитектурное законодательство, правовые нормы в области организации градостроительной деятельности, рассматриваются характерные черты дореволюционного правотворчества в области мотивации создания нормативных актов, концептуальные приемы юридической техники, свойства систематизации. Выделяются субъекты правотворческой деятельности. Нормативные акты классифицируются по разным основаниям, проводится параллель с современной иерархией нормативных актов, выделяются исторические особенности их типологии. Делаются выводы о неточной квалификации основных выявленных актов (уставов) в качестве кодексов, о превалировании правового идеализма в концепции и политике градостроительного нормирования. Источником фиксации общественных отношений в виде правовой нормы признается монаршая воля, в рассматриваемой области основанная на представлении об идеальном городе, концепция которого эволюционировала от идеи регулярности до рационального капиталистического пространства, в конце периода дополненная предложениями профессиональной общественности.

Ключевые слова: архитектурное право; градостроительная политика; градостроительное право; правотворчество; строительное законодательство; Строительный устав; урбанистика.

Для цитирования: Пирожкова И. Г. Правотворчество в Российской империи: градостроительная политика и законодательство // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 5. — С. 106—115. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.106-115.

Law-Making Process in the Russian Empire: Urban Planning Policy and Legislation

Irina G. Pirozhkova, Cand. Sci. (Law), Cand. Sci. (Law), Cand. Sci. (History), Docent, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Tambov State Technical University
ul. Michurinskaya, d. 112d, Tambov, Russia, 392032
O_1_23456789@list.ru

Abstract. The paper presents the evolution of law-making process in the Russian Empire through the prism of urban planning legal regulation. It covers the period of uncoded and coded legislation with the period up to the appearance of the Digest of Laws of the Russian Empire (all its editions) and the Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). In these materials, the author identified about 300 historical normative acts related to the regulation of urban development from the era of Peter the Great to 1825 (the period systematized

© Пирожкова И. Г., 2020

* Пирожкова Ирина Геннадьевна, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Тамбовского государственного технического университета

Мичуринская ул., д. 112д, г. Тамбов, Россия, 392032

O_1_23456789@list.ru

in the PSZRI), and a number of major codified acts of the 19th — early 20th century. The analysis of their content and form formed the basis for conclusions about the quality of law-making process in the Russian Empire. Based on the analysis of normative material covering construction, architectural legislation, legal norms in the field of organization of urban development, the author considers the characteristic features of pre-revolutionary law-making process in encouraging the creation of normative acts, conceptual techniques of legal technology, systematization characteristics. Subjects of law-making process are singled out. Normative acts are classified according to different grounds, a parallel is drawn with the modern hierarchy of normative acts, and historical features of their typology are highlighted. The author draws conclusions about the inaccurate classification of the main identified acts (charters) as codes, about the prevalence of legal idealism in the concept and policy of urban planning regulation. The source of fixing public relations in the form of a legal norm is the monarch's will. In the research area it is based on the idea of an ideal city, the concept of which has evolved from the idea of regularity to a rational capitalist space. It was supplemented by proposals from the professional community at the end of the period.

Keywords: architectural law; urban planning policy; urban planning law; law-making process; construction legislation; Construction Charter; urbanism.

Cite as: Pirozhkova IG. Pravotvorchestvo v Rossiyskoy imperii: gradostroitel'naya politika i zakonodatel'stvo [Law-Making Process in the Russian Empire: Urban Planning Policy and Legislation]. *Lex russica*. 2020;73(5):106-115. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.106-115. (In Russ., abstract in Eng.).

Правотворчество как деятельность субъектов, наделенных нормотворческой компетенцией, в российском государстве имеет богатое, противоречивое прошлое. В связи с этим в рамках данной работы, для того чтобы охватить основные стороны правотворческой деятельности в ее ретроспективе, необходимо выделить четкую структуру и подходы к ее рассмотрению.

Правотворчество как феномен нормативной деятельности можно рассматривать через призму его процессуальных и материальных составляющих; его итогов (качества норм), с учетом форм систематизации результатов и оценки его юридической техники и др.

С историко-правовых позиций в контексте российской государственности правотворчество, как и другой социальный процесс, может рассматриваться исходя из принципов хронодискретного моногеографического исследования, которое предполагает использование методов компаративистского анализа. Отечественная история имеет очевидный буфер такой дискретности в формировании правовых явлений и протекании правовых процессов — революционные события 1917 г.¹

Правотворчество нормообразующих субъектов в исторической плоскости необходимо изучать, во-первых, учитывая его периодизацию, во-вторых, преемственность и разрыв исторической «оболочки» — формы, в которых выразились его результаты. В-третьих, важней-

шей составляющей является особенности этой формы, выражающееся в свойствах организации правотворческого процесса, его интенсивности, применяемой юридической техники. Своеобразными «ответвлениями» в тематике, связанной с правотворчеством является анализ его источников и субъектов (трансформации публичных субъектов: государственных органов, органов местного самоуправления и др.; общественных корпораций; феномена обычного права и процесса правотворчества и др.).

Очевидная и самая крупная периодизация истории российского правотворчества выделяется по рубежу 1917 г. Однако внутри этих периодов есть и более мелкое членение.

С точки зрения форм систематизации, которые прошел в своем развитии нормативный материал, в рамках дореволюционного этапа явно выделяются периоды действия докодифицированного и кодифицированного норморегулирования.

Рубежом является время создания первой систематизации российского права, которая производилась в общеевропейском духе и по европейским образцам (итог, а возможно, интервал, сам по себе довольно продолжительный, со второй половины XVIII по первую треть XIX в.). Европейское (германское) происхождение эталонов, которые были взяты М. М. Сперанским и другими систематизаторами российского права, вдохновленными европейскими

¹ Демичев А. А. Принципы и перспективы научного направления «хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение» // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 23—28.

же философскими взглядами на цивилизаторскую роль права в жизни общества, иногда рассматривается как основание фактического прекращения существования самостоятельной системы русского права, складывавшегося в эпоху Средневековья. Фактически вместе с данной систематизацией в российскую правовую действительность пришло отраслевое разделение на публично-правовой и частно-правовой нормативный материал, укрепилось разделение материального и процессуального права, были созданы зримые признаки германской правовой семьи на российской почве — «кодексы»². Одним из ключевых признаков разрыва системы средневекового русского права и правотворчества с новым, систематизированным, относящимся к эпохе просвещенного абсолютизма, является декларируемый переход к практике письменной фиксации нормы. Однако и в значительно более поздние времена на территории Российской империи, отличавшейся не только многоукладностью социально-экономических отношений, но и разнообразием форм фиксации этих отношений, правовой многоукладностью, устные формы правотворчества практиковались весьма широко в тех областях, которые были связаны с брачно-семейными, наследственными, поземельными отношениями, что было характерно в особенности для крестьянской среды; нормотворчество в среде национальных общностей часто также основывалось на обычаях (адатах и др.)³. Таким образом, вопрос о степени исторической преемственности формы правотворчества и его фиксации, каналах применения права остается дискуссионным.

Модернизация и обновление правотворчества в Новое время в **докодификационный**

период в России теснейшим образом, как и вся государственная жизнь, были связаны с петровскими преобразованиями.

Правотворчество в XVIII в., в частности в период петровских преобразований, было чрезвычайно бурным, и уже с 1710-х гг. были сделаны попытки систематизации новелл российского права в рамках существовавшего Соборного уложения, которые, впрочем, не были доведены до конца по организационным причинам и причинам постоянного обновления законодательства⁴. Интенсивность правотворчества не только не уменьшалась после смерти Петра I, но в отдельные периоды наращивалась: так, при Анне Иоанновне за 10 лет ее правления было издано 2 764 акта, за 20 лет правления Елизаветы Петровны — 2 915 актов, за 24 года правления Екатерины II — 5 940 актов. За 28 лет единоличного правления Петра I было издано 3 207 актов⁵.

Правотворчество Нового времени в рамках модернизированной системы российского права до периода его кодификации отличалось некоторыми концептуальными чертами, зафиксированными как на уровне философии, доктрины (в более поздний период, в XIX в., когда произошло становление доктрины российского права в трудах его теоретиков⁶), так и самими создателями правовых норм, что было отрелексировано буквально в «теле» нормы, подтверждается текстуально — в законодательном или ином акте правотворческого характера. Рассмотрим эти черты.

1. Правовой идеализм. Явление, описанное в современной теоретико-правовой литературе как двойной концепт правового идеализма и правового нигилизма⁷. Гипертрофированное наивное отношение к юридическим средствам,

² Термин употреблен в кавычках в данном случае в связи с дискуссионностью полной кодификации, произведенной в рамках глобальной систематизации российского права в последней трети XVIII — первой трети XIX в.

³ Безгин В. Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX — начала XX века. Тамбов, 2012. 124 с.

⁴ Томсинов В. А. «Всем должно хранить интерес государев и государственной»: Петр I как законодатель // URL: http://tomsinov.com/Articles/Misc/petr_i.pdf (дата обращения: 01.10.2019).

⁵ Ельчанинова О. Ю., Ельчанинов А. П. Преемственность и новации законотворческой деятельности Анны Иоанновны // Юридические исследования. 2015. № 8. С. 112—126; Ельчанинов А. П., Ельчанинова О. Ю. Концептуальные подходы к эволюции законодательства в сфере применения смертной казни в эпоху Елизаветы Петровны // История государства и права. 2014. № 3. С. 54—59.

⁶ Шпилов А. Н. П. Е. Казанский о проблемах правотворчества в Российской империи начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12. Ч. 3. С. 190—193.

⁷ Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько М., 2001. С. 376—392.

переоценка роли права (особенно в писаной форме, в форме законодательства) и его возможностей, убежденность, что с помощью законов можно решить все социальные проблемы, особенно характерны для правотворчества XVIII в. Зримым в буквальном смысле слова выражением такого подхода стало, например, правотворчество в области градостроительства.

Волунтаристская градостроительная политика, окрашенная субъективным личным чувством, ярче всего проявлялась и в том, что царь выбирал места закладки крепости и верфи, руководствуясь исключительно стратегической целесообразностью, и в указаниях использовать архитектурные образцы Северной Европы — типы жилых домов, храмов и садов как приоритетные для ранней стадии строительства города, и в том, что уже в 1712 г., через три года после победы русских войск над шведской армией под Полтавой и через девять лет после закладки Санкт-Петербургской крепости, город, выросший вокруг нее, был объявлен Петром I столицей государства⁸. Типичный пример правового акта, базирующегося на идеалистическом подходе к проблемам градоформирования, широко известный в исторической и искусствоведческой литературе указ 1714 г. о запрете строить каменные дома на всей территории империи⁹. В указе такая радикальная мера мотивировалась тем, что «понеже здесь [в Петербурге] каменное строение зело медленно строится», и вводилась до тех пор, пока «здесь удовольствуются строением». Однако исторические сведения о застройке провинциальных городов, параллельные нормативные акты о противопожарной безопасности, прямо предписывающие избегать деревянного строительства, наконец, здравый смысл дают основание считать этот указ невыполнимым, идеалистичным¹⁰.

Вторая половина XVIII в. со зрелым рационализмом реформ Екатерины II также характеризуется идеалистическо-волунтаристскими стратегиями государства, что ярко демонстрирует правотворчество в избранной для иллюстрации

его тенденций области. Так, после событий Крестьянской войны 1773—1775 гг. необходимость создания новой пространственной системы опорных пунктов государственного порядка стала приоритетом градостроительной политики. Переустройство системы расселения должно было проводиться в духе имперской концепции идеального государства. В основу идеальной модели расселения был положен принцип регулярности, равномерного распределения городов по территории империи.

Не учитывая исторически сложившуюся систему расселения, административно-командным способом были установлены количественные критерии — численность населения уездов и губерний. Они вносили определенную закономерность в формирование пространства. То, что не подчинялось этой закономерности, должно было уничтожаться, поэтому, наряду с назначением новых городов, происходило упразднение старых. Эти процессы приводили в том числе к созданию населенных пунктов, называемых городами исключительно на основе административного признака, не имевших экономических к тому оснований. В дальнейшем это приводило, например, к тому, что жители (застройщики) в силу городского статуса этих населенных пунктов обязаны были использовать более дорогие и сложные образцовые проекты для строительства, что по экономическим причинам было невозможно, — это приводило к «безобразиям» по терминологии нормативных актов в градостроительной практике.

Последующее законодательство преемников Екатерины II, как и в начале XVIII в., характеризуется непоследовательностью. Мероприятия Павла I были направлены на расформирование части губерний, их должно было остаться 34 вместо 51, которые впоследствии были восстановлены Александром I. На основе одной и той же сети населенных пунктов с каждой новой правотворческой инициативой создавалась новая система городского расселения: с 1775 по 1802 г. сеть городов российской провинции 4 раза поменяла свой внешний вид¹¹.

⁸ Аронова А. А. Воля Петра и сила обстоятельств: первые десять лет архитектурной истории Петербурга // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 4. Власть и творчество. М., 1999. С. 92—99.

⁹ Императорский указ № 2848, 1714 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание I. СПб., 1830. Т. IV.

¹⁰ Пирожкова И. Г. К вопросу о правовом идеализме в нормативном регулировании градостроительства в Российской империи XVIII в. // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 2 (19). С. 12—19.

¹¹ Грязнова Н. В. Создание сети городских поселений в конце XVIII в. как попытка решения политических проблем // Городское управление. 1999. № 3 (32). С. 11—12.

Такой явный конфликт между желаемым идеальным образом города, выраженным нормативно, и реальными социальными возможностями являлся питательной средой, в которой рос правовой нигилизм подданных. Повсеместное неисполнение юридических предписаний демонстрировало бессилие власти. Издание противоречивых, параллельных актов, которые нивелировали друг друга, приводило к «растрате» регулирующей силы права.

2. *Отсутствие преемственности в систематизации правотворчества и действию нормативного акта.* Изначальный импульс правотворческой деятельности в абсолютистском государстве, каким стала Российская империя в XVIII в., принадлежит главе государства, «ибо Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воле и благомнению управлять»¹². Вероятно, именно этот неоспоримый принцип построения правотворчества в абсолютной монархии, а также острая политическая борьба эпохи дворцовых переворотов перечеркивала все возможности совершенствования юридической техники, в частности организации учета преемственности норм, действующих продолжительное время, не связанных с рамками конкретного царствования, вне классических правовых систематизаций, известных юридической науке.

Так или иначе, в правотворческой практике того времени отсутствовала традиция формальной отмены предшествующих норм, хотя бы даже и явно не выполнявшихся. Это фактически общее место юридической техники того времени, выявленное на нормативном материале, отложившемся в ПСЗРИ, касающемся градостроительства и смежных с ним областей (урбанистики). В данном случае уместно привести редкий пример исключения из этого общего правила, продиктованный, вероятно, очень значимыми последствиями правотворческого акта. Так, уже упоминавшийся одиозный указ № 2848 от 1714 г. был фактически отменен некоторыми последующими указами, особенно касающимися Москвы, т.к. они противоречили

ему и не просто разрешали, а предписывали каменное строительство в отдельных районах Москвы¹³. Формальный же запрет на каменное строительство после смерти Петра I был снят в несколько этапов: в указе от 3 февраля 1729 г. говорилось, что «ныне в художниках [мастеровых] остановки не имеется» и поэтому в Москве «каменные дома» обывателям строить разрешается¹⁴. В тексте указа речь идет только о Москве, однако волю Сената предписывалось передать и «в губернии». Окончательно и четко разрешение было сформулировано только в резолюции на сообщение Сената от 28 марта 1741 г.¹⁵ Полиция просит Сенат не возобновлять запрет. Сенат рассуждает, что указ 1714 г. не нужен, так как «промышленники много материала [кирпича] сделать не могут... мастера в Петербурге живут праздно» (что подтверждало историческую неоправданность, идеалистичность, невыполнимость петровского указа).

3. *Мотивации правотворчества.* Типичный для эпохи стиль, форма, мотивации, которыми руководствовались правотворцы эпохи просвещенного абсолютизма, могут быть продемонстрированы на нормативном материале, относящемся к градоформированию, в частности к градостроительству. Так, многочисленны указы, регулирующие такие, казалось бы, технические аспекты, как размер участков, какие «должно выделять помещикам и какие по качеству строения потребно возводить» в новой столице для освоения ее территории, многочисленны и многословны¹⁶. Они превосходно показывают характер правовых регламентаций того времени. В первых подобных указах, относящихся к началу царствования, либо сухо излагаются требуемые от застройщиков нормы, либо автор достаточно мягко, с позиции морализирующего главы отечества, вообще не упоминает о том, что будет с ослушниками императорской воли. В последующем язык и стиль указов гневны, эмоциональны, что свидетельствует о бессилии, которое было понимаемо их авторами, это дополняет картину правового идеализма, бытующего в обществе.

Так, первый известный такой указ относится к 1713 г. (в нем упоминается предыдущий аналогичный указ, однако он не зафиксирован

¹² Артикул воинский с кратким толкованием. 26 апреля 1715 г. (цит. по: Томсинов В. А. Указ. соч.).

¹³ Императорские указы № 3147, 1718 г.; № 3885, 1722 г. // ПСЗРИ. Собр. I. Т. V, VI.

¹⁴ Императорский указ № 5366, 1729 г. // ПСЗРИ. Собр. I. Т. VIII.

¹⁵ Императорский указ № 8357, 1741 г. // ПСЗРИ. Собр. I. Т. XI.

¹⁶ Императорские указы № 8323, 1741 г.; № 8588, 1742 г. // ПСЗРИ. Собр. I. Т. XI.

в ПСЗРИ). В документе содержится напоминание владельцам участков, чтобы они «свои дома строили заранее, а как повелено им будет туда ехать жить, чтобы все было готово, чтоб неведением никто не отговаривался»¹⁷. Затем следуют указы с подробной технической регламентацией¹⁸. Интересны не санкции за неисполнение как таковые (ибо они менялись в зависимости от воли нормотворца в конкретный исторический момент), а обоснования их необходимости. Мотивировка санкций в отношении тех, кто не построил, вопреки взятым обязательствам, дома, характерна для правовых устремлений эпохи Просвещения: они идут «против народной пользы» и «общего блага».

История с заселением и формированием ранней застройки Петербурга в силу продолжающейся, неконстантной природы градостроительных общественных отношений крайне показательна также для анализа еще одной черты правотворчества Нового времени — *юридической техники*, фактически не предполагавшей никакой системы учета уже имеющихся норм и преемственности нормотворчества. Так, фактически каждое новое царствование в рассмотрении конкретной продолжающейся правовой ситуации начиналось с создания нового акта, в значительной степени повторяющего старый аналогичный, но при этом не делалось никакой попытки их систематизации, инкорпорации норм в один руководящий документ, зачастую не делалось попытки даже бланкетной техники отсылки к имеющемуся предыдущему акту, несмотря на то что архивные документы организационного характера, а также сами нормативные акты содержат следы того, что с результатами правотворчества знакомили управленцев на местах.

Так, в правление Анны Иоанновны происходит новый виток правового принуждения нерадивых застройщиков столицы по тому же со-

держательному эталону нормативного акта, что и у предшественника. В указах после петровского обещания грозных репрессий смягчается тон, констатируется «худое состояние» города, наличествует попытка статистически обосновать это состояние, т.е. дается рациональная мотивировка общего блага и пользы¹⁹. На протяжении трех лет (1731—1733 гг.) было издано 6 указов «вдогонку» друг другу, которые всегда копировали текст предыдущих актов, но в своей новой регламентирующей действии застройщиков и надзирающих лиц части становились все строже²⁰. В последних указах Анны Иоанновны сквозит такой же гнев, как и в последних актах Петра I²¹.

Стилистика исторических правотворческих актов свидетельствует о том, что право воспринималось его непосредственными создателями как эквивалент универсального регулятора человеческого поведения. Назначение права подчеркивалось прямо: «...ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже все законы писать, когда их не хранить, или ими играть, как в карты, прибирая масть к масти, что нигде в свете так нет, как у нас было, а от части и еще есть, и зело тщатся всякия мины чинить под фортецию правды...»²². Право чрезвычайно часто апеллирует к моральным рычагам воздействия. В актах правотворчества текстуально фиксируется октроированная природа правотворческих решений, которая современному восприятию, основанному на демократических правовых принципах народного суверенитета, представляется архаичной, что делает таковым общий посыл нормативного акта, а также его язык и стиль. Нормативные акты того времени (даже акты самого высокого уровня) явно содержат дидактические коннотации, а иногда и прямо имеют целью обучить какой-то конкретной технологии, соединяют в себе функции

¹⁷ Императорский указ № 2747, 1713 г. // ПСЗРИ. Собр. I. Т. V.

¹⁸ Императорские указы № 3538, № 3634, 3673, 1720 г.; № 3766, 1721 г.; № 4405, 1724 г. // ПСЗРИ. Собр. I. Т. VI.

¹⁹ Императорские указы № 5759, 5866, 1731 г. // ПСЗРИ. Собр. I. Т. VIII.

²⁰ Императорские указы № 5956, 6091, 6220, 1732 г.; № 6463, 1733 г. // ПСЗРИ. Собр. I. Т. VIII, IX.

²¹ «Хотя указами предков наших многократно подтверждено... дабы в здешнем резидующем месте... партикулярное строение было регулярно построено... под опасением Высокого Гнева Нашего... приказываю строить из числа душ... с теми кто не внемлет поступать как с преслушниками Ея Величества» (Императорские указы № 8167, 1740 г.; № 8323, 1741 г. // ПСЗРИ. Собр. I. Т. XI).

²² О хранении прав гражданских, о невершеннии дел против Регламентов, о невыписывании в докладе что уже напечатано и о имени сего указа во всех судных местах на столе, под опасением штрафа : Указ о хранении прав гражданских. 17 апреля 1722 г. (см.: Томсинов В. А. Указ. соч.).

учебника, инструкции²³. В области градоформирования, например, известны указы петровского времени, содержащие обучающие инструкции о мазанковом строительстве, самый поздний нормативный материал такого рода, выделенный нами, — раздел Строительного устава 1900 г., содержащий инструкцию о внутреннем устройстве протестантских культовых сооружений²⁴.

Для исследователя, изучающего любую область отечественной истории права, неоценимой помощью является одна из самых масштабных систематизаций, итогом которой стало появление Полного собрания законов Российской империи. Было бы справедливым утверждение, что оно само по себе является одновременно и источником по истории российского законодательства, и с точки зрения историографии — первым масштабным исследованием права. Является ли продолжающееся явление ПСЗРИ, которое было создано для систематизации уже имеющихся, действующих на момент публикации нормативных актов, элементом правотворческой деятельности? Полагаем, что да, в широком смысле правообразование включает предшествующий непосредственному правотворчеству подготовительный процесс формирования акта права (закона), который в условиях России периода империи иногда не имел полной промульгации, не был доступен для государственных органов и органов местного самоуправления, а также подданных.

Как известно, в дореволюционной истории систематизации российского права существует три собрания законов. К первому и второму собраниям для практических нужд были сделаны алфавитные и тематические указатели, которые были основаны на более или менее целостной и постоянной совокупности ключевых слов и словосочетаний, имеющих преемственность.

Их использование позволяет выявлять массив норм, относящихся к той или иной области правотворчества и праворегулирования. Обработка массива информации выводит исследователя к интереснейшим вопросам об этапах и интенсивности правотворческой дея-

тельности российского государства, например: о соотношении текущего, хронологически выстроенного нормирования с кодифицированными сборниками (разнообразными уставами, содержащими нормы о градостроительных объектах); о доле повторных норм и новелл в законодательстве; об уровне кодификации действующего законодательства и о многом другом.

В современной обширной историографии²⁵ существует иерархическая классификация правовых актов XVIII—XIX вв., основанная на нескольких критериях:

1. Классификация публичных субъектов правотворческой деятельности.
2. Желание найти преемственность с современными формами правотворчества, основанными, в свою очередь, на классификации современных субъектов правотворческой деятельности в условиях демократических принципов четкого разделения властей.
3. Учет исторических форм правотворчества до реформ Петра I (например, жалованные грамоты, уставы и др.).
4. Учет заимствованных форм правотворчества в результате проведенной в XVIII в. модернизации права (регламенты, положения и пр.).

Конкретные формы, которые становились итогом правотворчества в Российской империи, включают хорошо изученные образцы нормативных правовых актов, которые иногда с оговорками могут быть названы современным термином «закон»: манифесты, именные указы (в том числе и объявленные через какой-то орган, законосовещательный или распорядительный, что, учитывая второе основание классификации, затрудняет встраивание данных актов в современные представления об иерархии правовых норм) и указы, которые могли издаваться как самим монархом, так и от его имени Сенатом (сенатские указы; указы, объявленные из Сената). Фактически разновидностей законодательных актов было гораздо больше, и их соотношение постоянно — от правления к правлению — менялось. Кроме того, учитывая отсут-

²³ См., например: Должность архитектурной экспедиции : Трактат-кодекс 1737—1740 гг. Вступительная статья Д. Аркина // Архитектурный архив. Вып. 1. М., 1946. С. 7—100.

²⁴ Пирожкова И. Г. Дидактика правовых источников (на материалах градостроительного законодательства Российской империи) // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2014. № 7 (135). С. 90—95.

²⁵ Тесля А. А. Источники (формальные) гражданского права Российской империи в XIX — начале XX века // URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=332> (дата обращения: 01.10.2019).

ствии разделения властей на три классические ветви, относящееся к периоду систематизации начало осознания необходимости такого разделения, выраженное в проектах реформ Сперанского, декабристов и в других дворянских проектах политических преобразований, важно отметить, что огромное правовое поле занимало подзаконное регулирование — нормативные правовые акты ведомственного характера, иногда заполнявшие собой большую часть нормативного материала. Таково регулирование, например, в области технического нормирования, гражданской службы, «государственного благоустройства», системы образования и др.

Второй крупный период — **период действия кодифицированного права**. Данный период также неоднороден и с точки зрения формирования нормативной базы в определенной области общественных отношений может дробиться по-разному (необходимо учитывать подготовку и введение в действие уголовного, гражданского и иного законодательства в разных редакциях основных нормативных актов, входивших в Свод законов Российской империи). Подпериоды возможно выделять в соответствии с выходом в свет крупных собраний, ставших итогом правотворчества и систематизации: редакций Полного собрания законов Российской империи и Свода законов Российской империи.

Одним из дискуссионных вопросов, возникающих при рассмотрении любого нормативного акта, помещенного в Свод, является вопрос о природе его систематизации. Являются ли они консолидацией, инкорпорацией или кодификацией? Привычным в научной и учебной литературе по отношению к уставам, положениям, иногда регламентам является термин «кодекс». Зачастую основанием для этого является чисто временной исторический критерий — необходимость отграничивать исторические периоды действия законодательства до и после эпохи появления ПСЗРИ и СЗРИ, т.е. до и после 1830-х гг. Однако уровень кодификации чаще признается весьма слабым, особенно в области регулирования административных, торговых, страховых и прочих отношений, которые сами составители глобальной систематизации называли законами «государственного благоустройства или экономии».

В проанализированном нами нормативном материале прослеживаются свойства, в некоторой степени перечеркивающие принадлежность к такому наиболее полному виду систематизации, как кодекс: нарушения

логики в структуре изложения нормативного материала; попадание в него без внутренней смысловой переработки разрозненных актов, узаконений частного характера; зачастую отсутствует выделенная общая часть нормативного материала (общие определения, несмотря на высокое качество, могут быть рассеяны среди казусных норм). Юридическая техника, связанная с изложением норм, также небезупречна: тождественные по содержанию нормативные предложения в один пункт не объединяются, не всегда устраняются длинноты (что, впрочем, может объясняться также особенностями юридического языка того времени), допускаются повторы, тавтология, наличие равновесных по изложению частных и более общих норм, принципов и конкретных правил каких-то действий.

В рамках периода действия кодифицированного российского права, в последней трети XIX — начале XX в., выделяется этап, когда активно начинает действовать правотворчество на уровне местного самоуправления и общественных корпораций (объединений). Особенности правотворчества были сопряжены с процессами муниципализации общества через земские органы и городские думы, действовавшие согласно положениям о них в губерниях Центральной России.

Данный общий тренд явно отмечается историко-правовой литературой и хорошо изучен. Подчеркивается также неполнота, незавершенность процессов муниципализации, особенно на окраинах империи. Однако, что касается вопросов местного значения, традиционно находящихся в фокусе местных властей, к процессам правотворчества были причастны не только созданные в ходе реформ 1870-х гг. органы, но и некоторые другие: например, казачьи войсковые управления имели право заниматься практически всеми теми же делами, что и городские думы, кроме вопросов землеустройства, — от строительства общественно значимых объектов до введения местных налогов. После долгого периода административной опеки над всеми делами местного значения вначале столичное, а затем провинциальные городские сообщества в лице местных органов самоуправления начинают пытаться сами формировать свою пространственную среду, экономическую основу городской жизни.

Активизация общественной жизни, некоторая политическая либерализация приводили к активизации сугубо гражданских общественных объединений — ассоциаций, союзов,

съездов, которые формировались зачастую по профессиональному признаку (съезд архитекторов, ассоциация строителей и т.д.). Участие общественных групп в процессах правотворчества в условиях абсолютизма, даже в его смягченном модернизированном виде, — малоисследованный аспект отечественной истории. Однако сам факт такого участия, разумеется построенного не на принципах равенства, продиктованный сословными привилегиями, был зафиксирован в ходе реформ Екатерины II (дворянские сообщества и их роль в принятии регулирующих решений в системе местной администрации были очерчены начиная с указа 1766 г. и систематизированы уже в екатерининском законодательстве, а также в Своде законов о состояниях²⁶).

Другой вариант, когда представители общественной группы могли быть причастны к процессам правотворчества, — это привлечение представителей экспертного сообщества: техников, инженеров, архитекторов, историков, врачей, священнослужителей и пр. Участие таких лиц нередко закреплялось нормативно. Так, например, все значительные стройки, связанные с культовым строительством (любой конфессии), должны были быть одобрены Синодом, который не считался законодательным органом, а в современной структуре субъектов правотворчества может быть приравнен к министерству. Любые крупные стройки с отступлением от образцовых нормативно утвержденных проектов должны были получать одобрение Академии художеств.

В пореформенное время профессиональные сообщества пытались участвовать в правотворчестве, не будучи официальными субъектами

этого процесса, выражая общественный (гражданский) внесловный интерес. Так, например, общества архитекторов, инженеров на рубеже веков не раз являлись инициаторами реформ в области градостроительного права и составляли собственные редакции действовавшего Строительного устава, Устава медицинской полиции и иных относящихся к благоустройству городов актов. Данные варианты рассматривались на официальном уровне в МВД. Несмотря на то что общественные инициативы так и не были в какой-то форме утверждены, однако широкое понимание правотворчества как процесса аккумуляции, формализации интересов социальных групп государством с целью их отражения в нормах права имело место.

Таким образом, российский путь исторического формирования правотворческой деятельности государства, общественных структур отличается многообразием, многоукладностью, разнообразием форм выражения. Они, несмотря на удачные в целом попытки модернизации в русле передовых организационных форм правотворчества западных стран в ходе систематизации права, предпринятых реформ системы органов государственной власти, внедрения политических концепций, порожденных западной политической действительностью, имеют специфические черты, которые в наиболее общем виде можно оценить как крен публично-правовых, государственных форм, каналов, субъектов, принципов правотворческой деятельности в ущерб частноправовым, общественным институтам. Потенциал последних в условиях существования дореволюционно-абсолютистского концепта монаршей воли как единственного источника права игнорировался.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аронова А. А. Воля Петра и сила обстоятельств: первые десять лет архитектурной истории Петербурга // Архитектура в истории русской культуры. — Вып. 4 : Власть и творчество. — М., 1999. — С. 92—99.
2. Безгин В. Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX — начала XX века. — Тамбов, 2012. — 124 с.
3. Грязнова Н. В. Создание сети городских поселений в конце XVIII в. как попытка решения политических проблем // Городское управление. — 1999. — № 3 (32). — С. 11—12.
4. Демичев А. А. Принципы и перспективы научного направления «хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение» // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 1 (33). — С. 23—28.

²⁶ Жалованная грамота дворянству. Свод законов о состояниях. 1899. // Свод законов Российской империи. Т. IX. Ч. 1. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&collection=0&empire=1&sort=-1&volume=100011> (дата обращения: 01.10.2019).

5. Должность архитектурной экспедиции : Трактат-кодекс 1737—1740 гг. Вступительная статья Д. Аркина // Архитектурный архив. — Вып. 1. — М., 1946. — С. 7—100.
6. Ельчанинов А. П., Ельчанинова О. Ю. Концептуальные подходы к эволюции законодательства в сфере применения смертной казни в эпоху Елизаветы Петровны // История государства и права. — 2014. — № 3. — С. 54—59.
7. Ельчанинова О. Ю., Ельчанинов А. П. Преемственность и новации законотворческой деятельности Анны Иоанновны // Юридические исследования. — 2015. — № 8. — С. 112—126.
8. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — М., 2001.
9. Тесля А. А. Источники (формальные) гражданского права Российской империи в XIX — начале XX века // URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=332> (дата обращения: 01.10.2019).
10. Томсинов В. А. «Всем должно хранить интерес государев и государственной»: Петр I как законодатель // URL: http://tomsinov.com/Articles/Misc/petr_i.pdf (дата обращения: 01.10.2019).
11. Шипилов А. Н. П. Е. Казанский о проблемах правотворчества в Российской империи начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 12. Ч. 3. — С. 190—193.

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2019 г.

REFERENCES

1. Aronova AA. Volya Petra i sila obstoyatelstv: pervye desyat let arkhitekturnoy istorii Peterburga [Peter's will and the power of circumstances: the first ten years of architectural history of St. Petersburg]. In: *Arkhitektura v istorii russkoy kultury. Issue 4: Vlast i tvorchestvo*. Moscow; 1999. P. 92-99. (In Russ.)
2. Bezgin VB. Pravovye obychai i pravosudie russkikh krestyan vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka [Legal customs and justice of Russian peasants of the second half of the 19th — beginning of the 20th century]. Tambov; 2012. (In Russ.)
3. Gryaznova NV. Sozdanie seti gorodskikh poseleniy v kontse XVIII v. kak popytka resheniya politicheskikh problem [Creation of a network of urban settlements at the end of the 18th century as an attempt to solve political problems]. *Gorodskoe upravlenie*. 1999;3(32):11-2. (In Russ.)
4. Demichev AA. Printsipy i perspektivy nauchnogo napravleniya «Khronodiskretnoe monogeograficheskoe sravnitelnoe pravovedenie» [Principles and perspectives of the scientific field "Chrono-discretionary monogeographic comparative law"]. *Vestnik Nizhegorodskoy Akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. 2016;1(33):23-8. (In Russ.)
5. Dolzhnost arkhitekturnoy ekspeditsii: Traktat-kodeks 1737-1740 gg. Vstupitelnaya statya D. Arkina [Position of the architectural expedition: 1737-1740 Tractate-Codex. Introductory article by D. Arkin]. *Arkhitekturnyy arkhiv* [Architectural archive]. 1946;1:7-100. (In Russ.)
6. Elchaninov AP, Elchaninova OYu. Kontseptualnye podkhody k evolyutsii zakonodatelstva v sfere primeneniya smertnoy kazni v epokhu Elizavety Petrovny [Conceptual approaches to the evolution of legislation in the field of the death penalty in the era of Elizabeth]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law]. 2014;3:54-9. (In Russ.)
7. Elchaninova OYu., Elchaninov AP. Preemstvennost i novatsii zakonotvorcheskoy deyatel'nosti Anny Ioannovny [Continuity and innovations of Anna Ioannovna's legislative activity]. *Yuridicheskie issledovaniya* [Legal research]. 2015;8:112-16. (In Russ.)
8. Matuzov NI, Malko AV, editors. Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsiy [Theory of state and law: a course of lectures]. Moscow; 2001. (In Russ.)
9. Teslya AA. Istochniki (formalnye) grazhdanskogo prava Rossiyskoy imperii v XIX-nachale XX veka [Sources (formal) of civil law of the Russian Empire in the 19th-early 20th century]. Available from: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=332> [cited 2019 Oct 01]. (In Russ.)
10. Tomsinov VA. «Vsem dolzhno khranit interes gosudarev i gosudarstvennoy»: Petr I kak zakonodatel ["Everyone should keep the interest of the sovereign and the state": Peter I as a legislator]. Available from: http://tomsinov.com/Articles/Misc/petr_i.pdf [cited 2019 Oct 01]. (In Russ.)
11. Shipilov AN. P.E. Kazanskiy o problemakh pravotvorchestva v Rossiyskoy Imperii nachala XX veka [P.E. Kazanskiy on the problems of law-making process in the Russian Empire of the beginning of the 20th century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2014;12 (3):190-3. (In Russ.)

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.116-128

Д. Н. Шкаревский*

Дефекты в деятельности органов транспортной юстиции в 1940—1950-е гг.

Аннотация. В статье на основе ранее не опубликованных архивных источников автор анализирует деятельность органов юстиции на транспорте. По его мнению, в их деятельности можно выделить несколько групп недостатков. Среди них: отклонение от поставленных задач и «либеральная» карательная политика; ошибки в применении норм материального и процессуального права, недостатки организационной работы, делопроизводства, секретного делопроизводства. К основным причинам данных дефектов, по мнению автора, можно отнести отсутствие качественной системы подготовки кадров для этих органов, а также недостаточное финансирование их деятельности. Основные результаты подобных ошибок сводились к неосновательному возбуждению уголовных дел и неосновательному осуждению.

Автор пришел к выводу о нестабильной компетенции данных органов. Она то расширялась, то сужалась. В случае чрезвычайной ситуации наблюдалось ее расширение и на первый план выходила карательная функция данных органов. В результате наблюдалось систематическое превышение их полномочий, а также массовое нарушение норм материального и процессуального права. В периоды стабилизации эти органы должны были выполнять более широкие функции по воспитанию работников транспорта, пропаганде решений партии и правительства. Подобная политика, по мнению руководства страны, должна была способствовать предотвращению преступлений.

Система этих органов представляла собой неповоротливый механизм. Они были не способны оперативно перестроиться в случае необходимости. Ошибки, выявленные при проведении ревизий, могли не устраняться. В период Великой Отечественной войны руководство было вынуждено мириться с этими недостатками. После завершения войны к данным органам стали предъявляться более высокие требования. Однако и в 1950-е гг. в деятельности органов транспортной юстиции имели место проявления основных дефектов, выявленных автором.

Ключевые слова: советская юстиция; специальная юстиция; транспортная юстиция; специальные суды; транспортные суды; органы юстиции на транспорте; дефекты.

Для цитирования: Шкаревский Д. Н. Дефекты в деятельности органов транспортной юстиции в 1940—1950-е гг. // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 5. — С. 116—128. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.116-128.

Defects in the Activity of Transport Justice Bodies in the 1940s and 1950s

Denis N. Shkarevskiy, Cand. Sci. (History), Docent, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Surgut State University
pr. Lenina, d. 1, Surgut, Russia, 628400
shkarden@mail.ru

Abstract. In the paper, the author analyzes the activities of the judicial authorities in transport on the basis of previously unpublished archival sources. In his opinion, there are several groups of shortcomings in their activities. Among them: deviation from the set tasks and "liberal" punitive policy; errors in the application of the norms of substantive and procedural law, shortcomings of organizational work, legal proceedings, and secret proceedings. According to the author, the main reasons for these defects are the lack of a high-quality training

© Шкаревский Д. Н., 2020

* Шкаревский Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Сургутского государственного университета ХМАО-Югры
пр. Ленина, д. 1, г. Сургут, Россия, 628400
shkarden@mail.ru

system for these bodies, as well as insufficient funding for their activities. The main results of such mistakes were reduced to unfounded criminal proceedings and unfounded conviction.

The author came to the conclusion about the unstable competence of these bodies. It widened and narrowed. In the event of an emergency, it tends to expand and the punitive function of these bodies comes to the fore. As a result, there was a systematic abuse of the powers, as well as mass violations of substantive and procedural law. During periods of stabilization, these bodies were supposed to perform broader functions of educating transport workers and promoting the decisions of the party and the government. Such a policy, according to the country's leadership, was supposed to help prevent crimes.

The system of these bodies was a clumsy mechanism. They were not able to a quick reorganization if necessary. It was possible that errors identified during audits were not eliminated. During the great Patriotic war, the leadership was forced to put up with these shortcomings. After the end of the war, these bodies began to meet higher requirements. However, even in the 1950s, there were manifestations of the main defects identified by the author in the activities of transport justice bodies.

Keywords: Soviet justice; social justice; transportation justice; special courts; traffic courts; courts of justice, transport defects.

Cite as: Shkarevskiy DN. Defekty v deyatelnosti organov transportnoy yustitsii v 1940—1950-e gg. [Defects in the Activity of Transport Justice Bodies in the 1940s and 1950s]. *Lex russica*. 2020;73(5):116-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.116-128. (In Russ., abstract in Eng.).

До настоящего момента деятельность органов транспортной юстиции остается малоизученной темой. Это связано с тем, что в СССР они были отнесены к органам специальной юстиции и их деятельность протекала в секретном режиме. Поэтому все советские исследователи лишь упоминали об их существовании и анализировали несекретные нормативные акты, на основании которых они действовали¹. В 1990-е гг. часть делопроизводственных документов была рассекречена. Однако сокращение финансирования науки оказалось серьезным препятствием для изучения данной темы. Лишь в 2000-е гг. отечественные исследователи стали проявлять интерес к ней².

Работы иностранных авторов посвящены в основном исследованию органов общей юстиции (народных судов)³. Отдельные аспекты деятельности специальных судов рассмотрены в работах Г. Берга⁴, Р. Конквеста⁵. Однако основным недостатком этих работ также является небольшое количество источников.

Поэтому основная цель данной работы состоит в том, чтобы на основе ранее не опубликованных архивных источников выявить основные недостатки в деятельности органов транспортной юстиции в 1940—1950-е гг.

В период Великой Отечественной войны сеть органов юстиции на транспорте была достаточно крупной: в 1946 г. насчитывалось 98 транспортных трибуналов. При этом до 1948 г. они продолжали находиться на военном положении. К 1956 г. их количество снижается до 42. В целом все недостатки в деятельности органов транспортной юстиции в период ВОВ можно разделить на несколько основных групп:

1. Отклонение от поставленных задач и неудовлетворительная, по мнению центральных органов управления, карательная политика.
2. Дефекты в применении норм материального права.
3. Дефекты в применении норм процессуального права, а также в ходе исполнения приговора.

¹ Кожевников М. В. История советского суда. М., 1957. 383 с.; Карев Д. С. Советская юстиция. М.: Гос. изд-во юр. лит., 1948. 139 с.; Голяков И. Т. Советский суд. М.: Гос. изд-во юр. лит., 1958. 180 с.

² Кодинцев А. Я., Шкаревский Д. Н., Яноши В. В. Органы специальной юстиции СССР в 1930—1950-е гг. Сургут: Изд-во СурГУ, 2016. 255 с.; Чучаев А., Пожарский А. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика. М.: Проспект, 2018. 256 с.; Коробеев А. Транспортные преступления. М.: Юр. центр-Пресс, 2003. 406 с.

³ Gorlizky Y. Delegalization in Russia: soviet comrades courts in retrospect // The American journal of comparative law. 1998. № 3. Vol. 46. Pp. 403—425; Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: Росспэн, 2008. 463 с.

⁴ Berg G. P. von den. The Soviet system of Justice: figures and policy. Dordrecht; Boston; Lancaster: Springer Netherlands, 1985. 372 p.

⁵ Conquest G. Justice and the legal system in the USSR. New York; Washington: A. F. Praeger, 1968. 152 p.

4. Дефекты в организационной работе, дело-производстве, а также нарушение правил секретного делопроизводства.

Ошибки первой категории периода ВОВ были достаточно распространены в 1941—1943 гг. Интересны выводы, сделанные в ходе обследования ряда линейных судов в течение второй половины 1941 г.: «Отдельные линейные суды не перестроили своей работы в соответствии с требованиями военного времени. Они не учли, что... четкая, бесперебойная работа транспорта в условиях Великой Отечественной войны... повышает ответственность работников транспорта за всякого рода нарушения трудовой дисциплины и что в соответствии с этим должна быть усилена репрессия за преступления, совершенные этими работниками... это выразилось в массовом применении мягких мер наказания... Вместе с тем линсуды... в ряде случаев неосновательно осуждали работников транспорта за действия, которые не содержат состава преступления или совершены при обстоятельствах, исключающих судебную ответственность»⁶.

В январе 1942 г. Н. Рычков в приказе № 0102 отмечал, что «некоторые трибуналы железных дорог и водных путей сообщения... до сих пор не перестроили своей судебной работы в соответствии с задачами военных трибуналов, переменив, по сути дела, только свое название». Особое недовольство наркома вызвало применение таких мер наказания, как исправительно-трудовые работы и условное наказание. Он потребовал рассматривать дела быстро и жестко наказывать преступников⁷.

В сентябре 1942 г. в приказе № 18/59с нарком вновь заявил о том, что «многие трибуналы еще недостаточно перестроили свою работу в соответствии с задачами и условиями военного времени и неудовлетворительно ведут борьбу с преступлениями, дезорганизующими работу транспорта»⁸. Нарком был недоволен либеральным отношением трибуналов к нарушителям трудовой дисциплины, т.к. они не выполняли директивные указания НКЮ СССР о квалификации грубых нарушений трудовой дисциплины по ст. 59-3-в.

По делам об авариях, по мнению наркома, военные трибуналы (ВТ) заняли «неправильную позицию, ограничив свою роль только выясне-

нием узко юридических оснований вины подсудимого и применением репрессии к преступникам и совершенно устранились от выяснения причин, приводящих к крушениям, авариям» и не привлекали к ответственности руководителей транспорта.

По делам о нарушении постановления ГКО от 13 ноября 1941 г. ошибки были противоположного рода. С одной стороны, нарком отмечал применение мягких мер наказания, а с другой — «огульное применение Закона от 07.08.1932», в том числе к тем, кто совершил «мелкую, незначительную и случайную кражу». Поэтому нарком сделал вывод о «показной борьбе» с данным видом преступления.

По делам о контрреволюционных преступлениях недовольство наркома вызывали «факты неосновательного оправдания преступников и вынесения либеральных приговоров в отношении изменников Родины». Приводился пример по делу, которое рассматривал ВТ Калининской дороги. Трибунал «не вызвал свидетелей в судебное заседание, а ограничился объяснениями подсудимой, которая виновность свою отрицала и вынес гр-ке Наркевич оправдательный приговор». Также отмечалось, что «ВТ... выносят обвинительные приговоры по делам о контрреволюционных преступлениях без достаточной проверки фактов и всестороннего изучения обстоятельств дела и даже без допроса свидетелей, что нередко приводит к осуждению ни в чем не повинных людей».

Кроме этого, нарком указывал на то, что «при определении мер наказания военные трибуналы зачастую допускают огульный, вредный для дела, шаблонный подход, устанавливая одинаковые сроки лишения свободы почти по всем делам без учета конкретных обстоятельств и личности осужденных. Так, ВТ ж. д. им. Ворошилова, осудил за контрреволюционные преступления за 5 мес. 1942 г. 43 чел. и ко всем применил одинаковую меру наказания — 10 лет лишения свободы».

Отмечалось неудовлетворительное качество досудебной подготовки дел и недостаточно глубокий и критический подход ВТ «к изучению и оценке материалов предварительного следствия». Еще один недостаток деятельности ВТ заключался в том, что председатели «работой выездных сессий не руководят, не контролируют».

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9492. Оп. 4. Д. 32. Л. 30.

⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 18. Л. 100—102.

⁸ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 18. Л. 82—94.

ют работу членов трибунала и не помогают им в работе»⁹.

В мае 1943 г. в ходе кустового совещания председателей военных трибуналов речных бассейнов Сибири также был сделан вывод о том, что военные трибуналы и прокуратуры «недостаточно быстро и эффективно перестраивают свою работу в соответствии с требованиями Указа ПВС от 09.05.1943». Отмечалось, что сотрудники речного флота даже не знали о введении этого указа, а «прокуратуры бассейнов... нетерпимо медленно заводят и оформляют дела по статьям воинских преступлений». В результате был сделан вывод о том, что «применение Указа от 09.05.1943 в ВТ и речных бассейнах Сибири до 26.05.1943 почти отсутствовало». Также был отмечен факт: «Почти все военные трибуналы указанных бассейнов, за исключением ВТ Нижне-Иртышского бассейна, до 29.05.1943 ничего не сделали по реорганизации линсудов в ВТ». Трибуналы «не укомплектовали штаты техническими работниками, не заказали гербовые печати и штампы, не переменили вывесок, не установили связи с начгарами и военными комендантами городов, не ввели в своих учреждениях воинской дисциплины и порядка, не связались с довольствующими органами, не подготовили жилплощади для приезжающих назначенных оперативных работников», были «размещены... в совершенно неподходящих для ВТ помещениях (малый метраж, отсутствие комнаты для арестованных...), не принято мер к подысканию соответствующего помещения»¹⁰.

В то же время прокуратура отмечала, что в связи с введением Указа от 9 мая 1942 г. отсутствовала «согласованность в работе военных трибуналов и прокуратур», имели место «случаи ухода от ответственности, факты механического применения жестоких наказаний к женщинам и малолетним детям, инвалидам»¹¹.

Примеры непонимания поставленных перед органами транспортной юстиции задач имели

место в течение всего периода ВОВ. Так, член ВТ Дальневосточной ж. д. Минаев, председательствуя по делу Богданова и других обвиняемых по ст. 109 УК, «допустил возмутительную волокиту, выразившуюся в том, что, рассматривая дело с 12 по 15 марта 1943 г., объявил без всякой к тому необходимости перерыв на выходной день — 14 марта, а в остальные дни оканчивал заседания в 5—7 часов вечера, ограничивая судебное заседание 6—7 рабочими часами». За это ему был объявлен выговор¹².

В ходе анализа судебной практики в 1945 г. отмечались все перечисленные выше недостатки¹³. В процессе проведения ревизий они вскрывались. Однако не всегда председатели ВТ их устраняли. Примером может служить председатель ВТ Верхне-Иртышского бассейна Денисовский, который, несмотря на критику своей работы со стороны НКЮ, просто добивался перевода с одного места на другое, при этом не устраняя ошибок на прежнем месте службы¹⁴.

В период ВОВ достаточно часто имели место такие факты, как: применение мер наказания, не предусмотренных законом; осуждение по статьям о воинских преступлениях лиц, на которых Указ от 9 мая 1943 г. не распространялся¹⁵, необоснованное привлечение к ответственности¹⁶, массовое вынесение незаконных приговоров (например, в практике линсуда Московского трамвая)¹⁷. Широкое распространение получило ужесточение мер наказания. Например, ВТ Западно-Сибирского бассейна определял высшую меру наказания — расстрел даже в тех случаях, «когда по обстоятельствам дела это не было вызвано необходимостью». Этот ВТ также допускал «такие порочные методы... с целью сиюминутного устрашения приговаривал к расстрелу, а затем расстрел заменял лишением свободы»¹⁸.

В этом плане весьма показательна практика применения примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР. В 1942 г. оно было распространено на работ-

⁹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 18. Л. 82—94.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 37. Л. 42—42об.

¹¹ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 20. Д. 110. Л. 1.

¹² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 34. Л. 82.

¹³ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 127. Л. 37.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 80. Л. 15.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 156. Л. 12.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 68. Л. 30.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 68. Л. 121.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 13. Д. 228. Л. 258.

ников транспорта, что позволяло осужденных транспортников отправлять либо на транспорт (годных лиц призывного возраста), либо оставлять «на предприятия с использованием их в должностях по усмотрению руководителей предприятий»¹⁹. Однако многие военные трибуналы стали «чрезвычайно широко, а подчас и огульно» применять это примечание, «несмотря на необходимость изоляции некоторых осужденных». К примеру, ВТ Западной дороги за время с начала действия Указа от 27.02.1942 и по 1 октября 1942 г. применил примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР к 73 % осужденных. Причем «по значительному количеству ВТ наиболее высокий процент применения примечания 2 к ст. 28 УК, доходящий подчас до 90—100 % осужденных», относился «к таким видам преступлений, которые на транспорте представляют особую опасность» (например, по делам о крушениях и авариях, о хищениях и корыстных преступлениях).

Военные трибуналы вопреки телеграмме Управления военных трибуналов (УВТ) и Главной военной прокуратуры от 07.04.1942 допускали «незаконный пересмотр вступивших в законную силу приговоров, рассматривая дела в порядке ст. 461 УПК и применяя примечание 2 к ст. 28 УК к лицам, которые были осуждены ВТ уже после издания Указа от 27.02.1942», а также произвольно изменяли содержание приговоров, ссылаясь на ст. 461 УПК²⁰. Например, ВТ Северной ж. д. осудил С. и К. по ст. 59-3-в УК к 3 и 5 годам лишения свободы соответственно, применил к обоим примечание 2 к ст. 28 УК с оставлением работать на транспорте. Начальник дороги отказался принять осужденных на работу. ВТ не возразил против действий руководства дороги, но рассмотрел дело в порядке ст. 461 УПК и вынес определение о направлении С. и К. на фронт.

Многие трибуналы исходили из «ложного и явно неправильного взгляда, что срок лишения свободы при применении примечания 2 к ст. 28 не имеет для подсудимого существенного значения», и назначали максимальную меру уголовного наказания, хотя «за совершенное

преступление надлежало применить менее тяжкое наказание»²¹.

Однако, несмотря на все усилия НКЮ, ситуация с применением примечания 2 к ст. 28 УК не изменялась²². Ошибки при его применении имели место и в 1943—1945 гг. К примеру, в ноябре 1943 г. начальник Главного управления военных трибуналов (ГУВТТ) даже вынужден был издать специальный приказ № 153 «О недопустимости применения примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и ст. 5 Указа от 15.04.1943 с направлением на фронт в штрафные роты женщин», которым приказал «строго руководствоваться директивой Народного комиссара юстиции СССР от 26 августа 1943 г. № 0837, запрещающей применение примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР с направлением в действующую армию или ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. с направлением в штрафные роты — женщин»²³.

В марте 1945 г. Комиссия Президиума Верховного Совета СССР при рассмотрении заявления о помиловании отметила, что ВТ транспорта освобождают от наказания осужденных, к которым было применено примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР по истечении «слишком короткого срока» — 4—6 месяцев после осуждения. При этом практика возбуждения ходатайств о снятии судимости была различной: в одних случаях этот вопрос ставили трибуналы, а в других — администрация предприятий. Поэтому ГУВТТ рекомендовала, чтобы «во всех случаях сама администрация возбуждала ходатайство»²⁴.

Значительное количество ошибок было в применении норм материального права. К примеру, в период ВОВ «военные трибуналы нередко осуждали людей, совершивших должностной проступок, влекущий взыскание в административном порядке, но не подлежащих уголовному наказанию. Это обстоятельство отчасти является причиной наличия большого количества приговоров с мягкими мерами наказания».

Трибуналы выносили обвинительные приговоры исходя из оценки «фактов лишь по

¹⁹ Об отсрочке исполнения приговоров в отношении работников железнодорожного и водного транспорта : Указ ПВС от 27.02.1942 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 8.

²⁰ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 177. Л. 188об.

²¹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 177. Л. 189—189об.

²² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 37. Л. 5об, 6.

²³ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 34. Л. 174.

²⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 147. Л. 1.

узко формальным признакам наличия в них элементов состава преступления, не вникая в суть дела». В качестве примера можно привести дело старшей стрелочницы ст. Мураши Горьковской ж. д. Ш. и младшей стрелочницы Ж., осужденных ВТ 31 мая 1942 г. за прием поезда на занятый путь к лишению свободы на 4 и 3 года с применением примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР. Подсудимая Ш., обнаружив ошибку, приняла меры к предотвращению крушения и дала сигнал остановки поезда. Ш., по характеристике администрации, исключительно добросовестный работник, ежегодно за безаварийную работу получала наркомовскую премию, награждена почетной грамотой, не имеет ни одного взыскания. Подсудимая Ж. работала стрелочницей всего 1,5 месяца и, как это признал суд, неправильно приготовила маршрут по неопытности²⁵. Был сделан вывод о том, что такие приговоры не могут способствовать укреплению порядка и дисциплины на транспорте и противоречат задачам ВТ по воспитанию транспортников.

Военные трибуналы нередко не применяли на практике п. 3 и 4 постановления ГКО от 03.03.1942 о взыскании стоимости утраченного или испорченного имущества. На основании этого постановления виновные в разбазаривании военного имущества, а также должностные лица из числа служащих и военнослужащих, которые своей бездеятельностью или слабостью руководства способствовали этому, должны были быть осуждены к лишению свободы на срок не менее 5 лет с удержанием стоимости утраченного или испорченного имущества²⁶.

Члены трибуналов практически повсеместно игнорировали приказ НКЮ СССР № 09 от 09.05.1942 о сдаче испытаний по правилам технической эксплуатации. ВТ этим вопросом не интересовались и не привлекали к ответственности работников ж.-д. транспорта, допускавших к работе, связанной с движением поездов лиц, не сдавших испытаний по правилам технической эксплуатации²⁷.

Транспортные трибуналы применяли меры наказания, не предусмотренные законом, осуждали по статьям о воинских преступлениях лиц, на которых Указ от 9 мая 1943 г. не распространялся.

В результате возникали случаи открытого столкновения между транспортными трибуналами и военной транспортной прокуратурой. К примеру, Главный военный прокурор транспорта Н. Афанасьев в письме начальнику ГУВТТ Г. Пуговкину просил дать указание председателю военного трибунала Ковельской ж. д., который «по делам о контрреволюционных преступлениях не применяет конфискацию имущества... неправильно понимает ст. 38 УК СССР (ст. 40 УК РСФСР)»²⁸.

Верховный Суд СССР указывал на распространенную ошибку, когда самовольный уход с транспорта лиц, мобилизованных на транспорт на определенный срок, квалифицировался как воинское преступление (по ст. 193-7-г УК), хотя должен был быть квалифицирован по ст. 59-6 УК. Работники транспорта, не достигшие 16-летнего возраста, осуждались трибуналами не по Указу от 26.06.1940, а по Положению о воинских преступлениях²⁹. К ответственности по ст. 59-3-в привлекались не работники транспорта³⁰.

Поэтому Н. Рычков в одном из приказов прямо указывал на то, что «ВТ допускают нарушения закона, неполноту исследования дела, в результате чего нередко случаи вынесения неправильных, необоснованных приговоров, отменяемых в порядке надзора Военной железнодорожной коллегией Верховного Суда Союза ССР»³¹.

Более масштабными были нарушения норм процессуального права. Так, массово имели место факты переписывания приговоров. Например, в ВТ Карагандинской ж. д.³² начальник УВТ М. Шнейдер в январе 1943 г. даже издал приказ № 12 «О протоколах судебных заседаний», в котором отметил, что «при ревизии ряда военных трибуналов и линейных судов установлены фак-

²⁵ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 177. Л. 182об.

²⁶ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 18. Л. 15.

²⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 177. Л. 183об.

²⁸ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 143. Л. 1.

²⁹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий ВС СССР (1944 г.). М. : Юр. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 26—27.

³⁰ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий ВС СССР (1944 г.). С. 122—123.

³¹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 177. Л. 183.

³² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 143. Л. 150.

ты недопустимого отношения к составлению протоколов судебных заседаний, граничащие в ряде случаев с преступными нарушениями закона». В судебных заседаниях «составляются только черновик или даже просто заметки, которые лишь через несколько дней (иногда 10—15 дней) подвергаются “отделке”. При этом зачастую секретари уже забыли содержание показаний, а восстановить их из-за чрезмерной краткости и небрежности записей невозможно. Такая практика в ВТ Красноярской ж. д. привела к фактам переписывания показаний с протоколов допроса на предварительном следствии.... В линейном суде Восточно-Сибирского и Селенгинского бассейнов и ВТ Пермской ж. д. обнаружены случаи, когда ряд дел рассмотрен без участия секретаря и без ведения протоколов судебных заседаний, которые впоследствии были составлены лицом, не участвовавшим в судебных заседаниях. При ревизиях обнаружено много протоколов судебных заседаний, в которых показания излагаются совершенно бессистемно и даже без какого-либо смысла, совершенно непонятно, в том числе и для лиц, подписавших протокол. При этом в таких протоколах нередко искажаются имевшие место факты. Такое преступно-небрежное отношение... приводит к невозможности установить, правильно ли вынесен приговор»³³.

Нередко в протоколы судебных заседаний вносились приписки, усугубляющие вину обвиняемых; протоколы составлялись небрежно, с ошибками: в одном протоколе даже могли быть указаны разные фамилии председательствующего по делу³⁴, составлялись небрежно и грязно, поэтому соответствующая коллегия Верховного Суда СССР «при рассмотрении дела в кассационном порядке была лишена возможности судить о правильности этих судебных документов»³⁵. Эти нарушения имели место вплоть до конца ВОВ³⁶.

Среди других процессуальных нарушений были: «не обсуждалась возможность слушания дела в отсутствие неявившихся свидетелей;

подсудимые не опрашивались об имеющих у них ходатайствах перед началом судебного заседания»; дела рассматривались заочно, «тогда как суду было известно, где находились» подсудимые³⁷.

Достаточно часто председательствующие не предоставляли возможности адвокатам, участвующим в судебном заседании, ознакомиться с протоколом судебного заседания, тем самым нарушая ст. 81 УПК РСФСР³⁸.

В военных трибуналах транспорта (Калининской, Московско-Киевской ж. д. и ВТ 6 и 15 отдельных ж.-д. бригад) обвинительные заключения подсудимым «не вручались за 24 часа, а обвиняемый с ним знакомился за несколько минут до начала слушания дела», что нарушало ст. 235 УПК РСФСР. Работники трибуналов объясняли это тем, что действовали «на основе установившейся практики в армейских трибуналах, где обвинительные заключения не вручаются, и делают ссылку на указание ВТ МВО от 15.04.1942 за № 01908/04801»³⁹. Нарушались также ст. 335 и 49 УПК. «При рассмотрении дел, когда обвиняемому вменяется в вину несколько преступлений, которые квалифицируются по нескольким статьям УК, военный трибунал при определении меры наказания определяет таковую не по каждой статье УК отдельно, а выносит меру наказания по одной статье УК с наибольшей санкцией, без ссылки о совокупности преступлений по ст. 49 УК»⁴⁰.

Повсеместно нарушались правила хранения вещественных доказательств. Отсутствовали описи предметов, изъятых в качестве вещественных доказательств, и постановления о приобщении их к делу (нарушение ст. 67 УПК РСФСР). Не определялась «судьба вещественных доказательств» (нарушение ст. 69 УПК РСФСР). Отсутствовал «контроль за хранением вещественных доказательств и направлением их в соответствии с судебными решениями»⁴¹.

Нарушения норм УПК имели место и со стороны транспортной прокуратуры. К примеру, «ряд военных прокуроров Московского

³³ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 34. Л. 14—13.

³⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 35. Л. 50.

³⁵ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 156. Л. 7.

³⁶ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 112. Л. 3.

³⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 156. Л. 12.

³⁸ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 156. Л. 7.

³⁹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 18. Л. 117—118.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 18. Л. 117—118.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 34. Л. 191.

ж.-д. узла в работе по борьбе с дезертирством и самовольными отлучками допускают грубое нарушение законов о порядке возбуждения и расследования дел этой категории, допускают упрощенчество — нарушение элементарных требований УПК... Неосновательно отказывают в возбуждении уголовного преследования против нарушителей трудовой дисциплины, проявляют пассивность и формальное отношение к розыску дезертиров». За это работники прокуратуры были привлечены к ответственности: «сняты с занимаемой должности, арестованы на 3 суток с исполнением служебных обязанностей и удержанием 50 % зарплаты за день ареста»⁴².

В период ВОВ имели место и такие случаи. Главный военный прокурор ж.-д. транспорта Н. Афанасьев отмечал: «Некоторые военные прокуроры участков, получив материал о дезертирстве с транспорта, не возбуждают дел, не ведут следствия, а прямо дают поручение милиции о розыске дезертиров»⁴³. Военные трибуналы направляли на исполнение свои приговоры и определения о розыске дезертиров в территориальные органы милиции, хотя должны были направлять в транспортные органы милиции⁴⁴. Военные следователи не соблюдали требований ст. 121 и 121-а УПК РСФСР⁴⁵.

При рассмотрении дел по Указу от 26 июня 1940 г. широкое распространение получило «одно из грубых нарушений закона... заочное рассмотрение дел о самовольном уходе при отсутствии сведений об извещении обвиняемого о слушании дела»⁴⁶.

Массовый характер имели ошибки в организационной работе, делопроизводстве, а также нарушение правил секретного делопроизводства. Так, в 1942 г. отмечалось, что многие трибуналы «вели свою работу замкнуто». Рассматривали практически все дела «не на производстве в присутствии рабочих и служащих транспорта, а в помещении трибунала»⁴⁷. Нередко указывалось на «пренебрежительное

и нерадивое отношение многих членов военных трибуналов к тщательной подготовке к рассмотрению дел, подлежащих судебному разбирательству... Перед рассмотрением дела они не выясняют особенностей и степени распространенности нарушений на том участке дороги, где совершено преступление. В результате этого рассмотрение дела и назначение меры наказания проводится без учета этих особенностей и производственные недостатки вскрываются трибуналами крайне недостаточно». Обобщение судебной практики по делам об авариях и крушениях «проводилось трибуналами от случая к случаю, поверхностно». Кроме этого, «многие ВТ не знают действительного положения на дорогах и не ставят перед руководством и политотделами дорог, обкомами партии вытекающих из судебной практики вопросов для улучшения работы на дороге... Значительная часть ВТ еще недостаточно и неудовлетворительно выполняют свои обязанности, заключающиеся не только в борьбе с конкретными преступниками и совершенными ими преступлениями, но и в деятельном участии ВТ в устранении условий, способствующих этим преступлениям, а также в установлении такой обстановки на дороге, которая исключала бы причины крушений и аварий»⁴⁸. Повсеместным было отсутствие плановости в работе военных трибуналов и прокуратур на транспорте⁴⁹.

Военные трибуналы транспорта несвоевременно отправляли донесения по делам с высшей мерой наказания. Так, ВТ Ленинской ж. д. донесение о приговоре в отношении Рывакова выслал через 17 дней после вынесения приговора⁵⁰. ВТ транспорта несвоевременно получали сведения о приведении приговоров в исполнение. К примеру, военный трибунал Ленинской ж. д. по приговорам, вынесенным еще в 1941 г., к 21.03.1942 не имел сведений об их исполнении⁵¹.

В феврале 1943 г. Военная железнодорожная коллегия Верховного Суда сообщила, что

⁴² ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 1176. Л. 14.

⁴³ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 1756. Л. 59.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 141. Л. 43.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 836. Л. 46.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 32. Л. 22.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 177. Л. 183.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 177. Л. 183.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 21. Д. 171. Л. 109.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 29. Л. 1—1об.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 29. Л. 1—1об.

«многие военные трибуналы железных дорог и некоторые трибуналы отдельных железнодорожных бригад по делам осужденных к ВМН не сообщают Коллегии требуемых сведений о времени приведения приговора в исполнение или о времени объявления заключенному о замене расстрела лишением свободы. Отдельные ВТ требуемые сведения если и сообщают, то с большим опозданием и только после неоднократных напоминаний». Особую недисциплинированность проявили председатели ВТ железных дорог: Ташкентской, Западной, Омской, Рязано-Уральской, Северо-Печорской, им. Л. М. Кагановича, им. В. В. Куйбышева, Томской, Горьковской, Южно-Уральской, Московско-Киевской — и отдельных железнодорожных бригад: 46, 43, 12, 23, 10, 8, 25 и 26⁵².

Военная воднотранспортная коллегия также отмечала, что «председатели ВТ задерживают подолгу присылку дел, истребованных Верховным Судом СССР по поступившим жалобам. Дело Кочеткова коллегия с июня 1943 г. трижды запрашивала из ВТ Аму-Дарьинского бассейна», но так и не получила⁵³.

В связи с этим в июле 1943 г. порядок сообщения о вынесении приговора с ВМН был изменен. Так, воднотранспортным судам было приказано о времени вынесения приговора и высылке дела с указанием должности, фамилии, имени и отчества осужденного доносить «телеграммой серии “Г” председателю Военной водно-транспортной коллегии Верховного Суда СССР и Главному военному прокурору морского и речного флота СССР в г. Москве». Приговоры с ВМН следовало приводить «в исполнение только по получении сообщения шифром от председателя Военной водно-транспортной коллегии Верховного Суда СССР об утверждении приговора и его исполнении»⁵⁴.

Тем не менее и в феврале 1944 г. отмечалось, что «некоторые представители ВТ не принимают должных мер к немедленной высылке

дел по запросу военной водно-транспортной коллегии Верховного Суда СССР»⁵⁵.

В связи с изданием Директивы № 53 от 05.02.1943 и Директивы № 62 от 10.02.1943 о передаче годных к строевой службе осужденных и подследственных за бытовые, имущественные и должностные преступления в порядке досрочного освобождения⁵⁶ военные трибуналы транспорта лишились «возможности рассматривать дела на обвиняемых», т.к. их направляли в действующую армию⁵⁷.

В июле 1942 г. Прокурор СССР В. Бочков и заместитель наркома внутренних дел С. Круглов разрешили «следственных заключенных по окончании следствия... направлять для работ в лагеря». Это «создало на местах недопустимую волокиту по рассмотрению дел». Так, ВТ Южно-Уральской ж. д. сообщал, что 22 июля были направлены в Челябинскую тюрьму копии обвинительного заключения для вручения обвиненным по Закону 07.08.1932, а также требование о доставке арестованных 24 июля в судебное заседание. Однако копии обвинительных заключений вручены не были и арестованные не доставлены, т.к. 23 августа арестованные были направлены в ИТК № 1⁵⁸.

В ходе совещания секретарей ВТ ж.-д. войск фронтов в январе 1944 г. отмечалось, что в делопроизводстве военных трибуналов отсутствует единообразие⁵⁹. Часто сообщалось об отсутствии сведений о хранении запрашиваемых вышестоящими судами дел⁶⁰.

В течение ВОВ военные прокуратуры транспорта не направляли в органы милиции постановления о прекращении приостановленных дел о дезертирах и, соответственно, их розыск не отменялся⁶¹. Они не проверяли также «систематически законность издаваемых соответствующими должностными лицами приказов и распоряжений», а ограничивались «рассмотрением поступивших жалоб». Поэтому отсутствовал «систематический надзор за законностью». Транспортные прокуроры «поверхностно

⁵² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 35. Л. 6.

⁵³ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 13. Д. 393. Л. 10.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 35. Л. 22.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 112. Л. 9.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 13. Д. 228. Л. 81.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 13. Д. 228. Л. 77.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 29. Л. 27—27 об.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 13. Д. 395. Л. 287.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 68. Л. 46.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 1756. Л. 53.

относились к составлению протестов и представлений»⁶².

Отмечались и «факты небрежного отношения некоторых прокуроров ж. д. к проверке и разрешению поступающих жалоб и заявлений трудящихся»⁶³. Отсутствовал контроль со стороны транспортных прокуроров и «за рассмотрением внесенных ими в порядке общего надзора протестов и представлений»⁶⁴. Составляли «некачественные заключения... о законности и обоснованности приговоров; в заключениях не приводили анализ доказательств и не опровергали доводы надзорной жалобы»⁶⁵. Прокуроры «не интересовались статистическими материалами»⁶⁶.

Нередко в уголовных делах отсутствовали необходимые документы, не исполнялись п. 3 и 4 приказа НКВД, НКЮ и прокурора СССР от 10.08.1942 о производстве розыска⁶⁷. ВС СССР отмечал нередко отсутствие подписи судей (судьи) в приговоре, вынесение приговора без учета мнения народных заседателей⁶⁸.

В послевоенный период основные недостатки в деятельности органов транспортной юстиции были связаны с неоперативностью центральных органов управления этой системой. Так, в первые послевоенные годы на транспорте наблюдалось «резкое усиление репрессий по воинским преступлениям по сравнению с военным временем», что объяснялось неприменением военными трибуналами после 9 мая 1945 г. «примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР, удельный вес которого в военное время равнялся 40—50 %». К примеру, реальное лишение свободы (ст. 193-7-в) по самовольным отлучкам в апреле 1945 г. по ВТ ж. д. было назначено 27,3 %, а в мае уже 50 %, по ВТ морского транспорта соответственно 27 и 55 %, по ВТ речного транспорта — 38,6 и 55 %⁶⁹.

Традиционно среди недостатков деятельности ВТ выделялись несерьезный подход к рассмотрению дел. Например, дел о бандитизме,

разбое, грабежах (Северо-Кавказская, Московско-Киевская, Московско-Рязанская, Октябрьская, Южно-Уральская ж. д.). Это связывали с «недостаточно глубоким изучением обстоятельств дел и следственного материала». Отмечалось также рассмотрение дел без вызова свидетелей⁷⁰.

В первые послевоенные годы обострилась проблема пробельности нормативной базы, на основании которой действовали органы транспортной юстиции. Так, министр юстиции РСФСР И. Басавин в письме секретарю ЦК ВКП (б) А. Кузнецову ставил вопрос: «По Указу ПВС СССР от 26 июня 1940 г... дела в отношении лиц, самовольно ушедших из учреждений и предприятий и скрывшихся от суда, должны быть судами приостановлены и определения о розыске направлены в органы милиции. Срок для их розыска составляет два месяца». В случае если милиция не смогла разыскать этих лиц, необходимо сообщить об этом суду. «Что должен делать суд?»⁷¹.

В ходе заседания коллегии Министерства юстиции СССР в январе 1948 г. также отмечались «факты неосновательного прекращения дел», «отмены приговоров с направлением на новое рассмотрение», ухудшение ведения следствия⁷².

Анализ деятельности созданных окружных судов ж.-д. транспорта за 1949—1950 гг. продемонстрировал, что они тоже страдали недостатками. Например, «мало рассматривали дел по первой инстанции и в ряде случаев совершенно неосновательно отказывались принимать к своему производству уголовные дела, отнесенные Указом ПВС СССР от 20.12.1948 к их подсудности (Урало-Сибирский, Средне-Азиатский, Центральный окружные суды)».

Окружные суды допускали большое количество «серьезных ошибок, влекущих за собой отмену или изменение приговора». Только за год их работы ЖДК ВС в кассационном порядке

⁶² ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 1756. Л. 70.

⁶³ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 28. Д. 1838. Л. 43.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 28. Д. 1838. Л. 54.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 28. Д. 1838. Л. 64.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 836. Л. 37.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 18. Л. 21.

⁶⁸ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий ВС СССР. С. 201, 202.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 135. Л. 29.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 289. Л. 16.

⁷¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 136. Д. 19. Л. 145.

⁷² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 513. Л. 7.

отменила и изменила приговоры в отношении 14 % осужденных окружными судами. Причем наибольшее количество ошибок было допущено окружным судом Урало-Сибирского округа.

Среди недостатков также были: отсутствие проверки качества предварительного следствия, поверхностная досудебная подготовка и судебное следствие, неосновательная отмена правильных определений линейных судов, составление и оформление определений по кассационным делам не в совещательной комнате и спустя несколько дней. Отмечалось также, что «определения... составляются неграмотно, содержат неграмотные выражения, нечеткие формулировки, а некоторые из них неубедительны, юридически плохо мотивированы». По-прежнему отсутствовала работа с народными заседателями и не составлялись планы работы⁷³.

В ходе кутового совещания работников прокуратур бассейнов и участков морского и речного флота (март 1950 г.) прокурор следственного отдела ГП МРФ Рабинков указывал на либеральную карательную политику линсудов в 1949 г., возбуждение дел с большим опозданием — через 2—3 и более месяцев, а также «бывали случаи, что через год — два», и «проблемы с хранением вещественных доказательств». Генеральный прокурор СССР Г. Сафонов отмечал: «Не научились расследовать дела об авариях, дела расследуются некачественно и с чрезвычайно большими сроками следствия»⁷⁴.

В 1952 г. линейные суды вновь критиковались за неосновательное оправдание «расхитителей государственного имущества», плохое проведение досудебной подготовки дел, недостаточно квалифицированный кадровый состав⁷⁵.

Кроме этого, в 1952 г. Совет Министров СССР отмечал, что «прокуратура и линейные суды зачастую привлекают к уголовной ответственности работников железнодорожного транспорта, в том числе и начальствующий состав, без достаточных к тому оснований»⁷⁶. «Серьезным недостатком в работе линейных судов железных

дорог» было признано нереагирование на факты неосновательного направления администрацией материалов для привлечения к уголовной ответственности железнодорожников.

Были отмечены также случаи «ослаблений» к злостным дезорганизаторам транспорта со стороны отдельных линсудов (Северо-Кавказской, Казанской, Кишиневской, Ярославской, Томской ж. д.)⁷⁷.

Отмечалось и недостаточное количество хорошо подготовленных, правильно организованных и проведенных непосредственно по месту совершения преступления на высоком политическом уровне судебных процессов; недооценка значения массово-разъяснительной работы председателями некоторых линейных судов, а также отсутствие вынесения частных определений некоторыми линсудами⁷⁸.

В 1954 г. вновь выяснилось, что суды формально подходили к разрешению вопроса о хранении вещественных доказательств по уголовным делам и в ряде случаев после вступления приговоров в законную силу уничтожали «такие вещественные доказательства, которые являются непосредственным, а нередко и единственным доказательством виновности осужденного (подлинные письма, листовки, личные записки и т.п.)»⁷⁹.

Итак, представляется возможным выделить ряд проблем органов транспортной юстиции, которые имели место на протяжении 1940—1950-х гг. К ним относятся: отклонение от поставленных задач и «либеральная», по мнению центра, карательная политика; ошибки в применении норм материального и процессуального права, недостатки организационной работы, делопроизводства, секретного делопроизводства.

Большинство из них были характерны и для других органов юстиции. Вероятно, это связано с отсутствием качественной системы подготовки кадров для органов транспортной юстиции. Это может быть связано также с общими проблемами для всех органов юстиции, среди которых основным являлось недостаточное финансирование их деятельности.

⁷³ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 609. Л. 191—193.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 28. Д. 441. Л. 8—94.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 712. Л. 1.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 712. Л. 51.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 712. Л. 52.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 712. Л. 54.

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 229. Л. 5.

Основные результаты подобных ошибок сводились к неосновательному возбуждению уголовных дел и неосновательному осуждению. В период ВОВ отмечается стремление ряда сотрудников транспортных трибуналов назначать санкции ниже низшего предела, особенно в отношении женщин и подростков. Однако подобные тенденции достаточно быстро пресекались вышестоящими судебными органами и НКЮ. Вероятно, с этим и связана противоречивая критика вышестоящими органами нижестоящих трибуналов и регулярные требования одновременно ужесточить выносимые санкции и пресечь незаконное осуждение.

Руководство страны не рассматривало органы юстиции на транспорте как исключительно судебные, карательные. В чрезвычайные периоды истории страны данная функция (карательная) действительно выходила на первый план. Этому способствовало отсутствие четко установленной компетенции данных органов (так называемые «резиновые» нормы). В чрезвычайные периоды это приводило к систематическому превышению их полномочий, массовым нарушениям норм материального и процессуального права.

В периоды политической стабилизации они должны были выполнять более широкие функции по воспитанию работников транспорта, пропаганде решений партии и правительства. Все это, по мнению руководства страны, должно было способствовать предотвращению преступлений.

Система органов транспортной юстиции представляла собой неповоротливый механизм, который не был способен оперативно перестроиться в случае необходимости. Органы часто использовали «шаблонный» подход в следствии и судопроизводстве. Ошибки, выявляемые в процессе ревизий, могли не устраняться месяцами. В период ВОВ руководство было вынуждено мириться с низким качеством работы данных органов. Однако после завершения ВОВ требования о повышении качества следствия и судопроизводства данными органами со стороны руководства страны стали появляться систематически. Тем не менее и после ВОВ имели место факты неосновательного осуждения, привлечения к ответственности без достаточных оснований, сохранялась проблема с сохранностью вещественных доказательств и небольшим количеством образцово-показательных процессов на транспорте.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Голяков И. Т. Советский суд. — М. : Гос. изд-во юр. лит., 1958. — 180 с.
2. Карев Д. С. Советская юстиция. — М. : Гос. изд-во юр. лит., 1948. — 139 с.
3. Кодинцев А. Я., Шкаревский Д. Н., Яноши В. В. Органы специальной юстиции СССР в 1930—1950-е годы. — Сургут : Изд-во СурГУ, 2016. — 255 с.
4. Кожевников М. В. История советского суда. — М., 1957. — 383 с.
5. Коробеев А. Транспортные преступления. — М. : Юридический центр-Пресс, 2003. — 406 с.
6. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. — М. : Росспэн, 2008. — 463 с.
7. Чучаев А., Пожарский А. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика. — М. : Проспект, 2018. — 256 с.
8. Berg G. P. von den. The Soviet system of Justice: figures and policy. — Dordrecht; Boston; Lancaster : Springer Netherlands, 1985. — 372 p.
9. Conquest G. Justice and the legal system in the USSR. — New York; Washington : A. F. Praeger, 1968. — 152 p.
10. Gorlizky Y. Delegalization in Russia: soviet comrades courts in retrospect // The American journal of comparative law. — 1998. — № 3. — Vol. 46. — Pp. 403—425.

Материал поступил в редакцию 7 декабря 2019 г.

REFERENCES

1. Golyakov IT. Sovetskiy Sud [Soviet courts]. Moscow: State publishing house of legal lit.;1958. (In Russ.)
2. Karev DS. Sovetskaya yustitsiya [Soviet justice]. Moscow: State publishing house of legal lit.; 1948. (In Russ.)
3. Kodintsev AY, Shkarevskiy DN, Yanoshi VV. Organy spetsialnoy yustitsii SSSR v 1930-1950-e gody [Bodies of special justice of the USSR in the 1930s-1950s]. Surgut: izd-vo SurGU; 2016. (In Russ.)
4. Kozhevnikov MV. Istoriya sovetskogo suda [History of the Soviet court]. Moscow; 1957. (In Russ.)
5. Korobeev A. Transportnye prestupleniya [Transport crimes]. Moscow: Law center-Press; 2003.(In Russ.)
6. Solomon P. Sovetskaya yustitsiya pri Staline [The Soviet justice system under Stalin]. Moscow: ROSSPEN; 2008. (In Russ.)
7. Chuchaev A, Pozharskiy A. Transportnye prestupleniya: ponyatie, vidy, kharakteristika [Transport crimes: concept, types, characteristics]. Moscow: Prospect; 2018. (In Russ.)
8. Berg GP von den. The Soviet system of Justice: figures and policy. Dordrecht; Boston; Lancaster: Springer Netherlands; 1985. (In Eng.)
9. Conquest G. Justice and the legal system in the USSR. New York; Washington: A. F. Praeger; 1968. (In Eng.)
10. Gorlizky Y. Delegalization in Russia: soviet comrades courts in retrospect. The American journal of comparative law. 1998;3(46):403-25. (In Eng.)

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.129-142

Е. Е. Богданова*,
М. Н. Малеина**,
Д. С. Ксенофонтова***

Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий¹

Аннотация. В условиях стремительного развития новых медицинских технологий всё большую актуальность приобретает проблема защиты прав граждан и обеспечения уважения человеческого достоинства. Авторы приходят к выводу, что защита прав пациента при использовании геномных технологий может осуществляться в порядке искового производства. Типичными способами защиты являются взыскание убытков в случае причинения вреда здоровью, компенсация морального вреда в связи с нарушением таких нематериальных благ, как жизнь, здоровье, физическая неприкосновенность, тайна частной жизни. Особое внимание уделяется проблеме защиты прав ребенка при использовании геномных технологий, в том числе права на естественное биологическое происхождение, права знать своих биологических родителей и семейную (генетическую) историю, поскольку использование достижений в генетике, биомедицине одним поколением людей может явиться серьезным вызовом для существования основных свобод и равенства будущих поколений. В настоящий момент государствам следует определить границы возможного вмешательства в сферу частного (родительского) произвола для того, чтобы не допустить в будущем причинение вреда рожденным с помощью современных технологий детям. Рассмотрение отдельных проблем защиты прав граждан при использовании геномных технологий свидетельствует об объективных сложностях в поиске их решений, обусловленных биоэтическими началами, необходимостью обеспечения справедливого баланса интересов сторон соответствующих отношений и третьих лиц, потребностью в минимизации потенциальных рисков. Прорывные достижения медицинской и биологической науки ставят перед государством важную задачу развития действенной системы правовых гарантий, направленных на обеспечение уважения человеческого достоинства, защиту прав и интересов

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14014.

© Богданова Е. Е., Малеина М. Н., Ксенофонтова Д. С., 2020

* *Богданова Елена Евгеньевна*, доктор юридических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
eebogdanova@msal.ru

** *Малеина Марина Николаевна*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
mnmaleina@msal.ru

*** *Ксенофонтова Дарья Сергеевна*, кандидат юридических наук, доцент кафедры семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
dsksenofontova@msal.ru

отдельного человека, недопущение биотехнологического конструирования человека для целей евгенической практики и др.

Ключевые слова: биотехнологии; геномные технологии; генотерапия; редактирование генома; CRISPR/Cas9; геном; биомедицинский клеточный продукт; права граждан; способы защиты; превентивный иск; судебно-медицинская генетическая экспертиза.

Для цитирования: Богданова Е. Е., Малеина М. Н., Ксенофонтова Д. С. Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 5. — С. 129—142. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.129-142.

Certain Problems of Citizens' Rights Protection when Using Genomic Technologies²

Elena E. Bogdanova, Dr. Sci. (Law), Docent, Acting Head of the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
eebogdanova@msal.ru

Marina N. Maleina, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
mnmaleina@msal.ru

Daria S. Ksenofontova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Family and Housing Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
dsksenofontova@msal.ru

Abstract. In the context of the rapid development of new medical technologies, the problem of protecting the rights of citizens and ensuring respect for human dignity is becoming increasingly urgent. The authors come to the conclusion that the protection of the patient's rights when using genomic technologies can be carried out in the order of claim proceedings. Typical methods of protection are recovery of damages in the event of injury to health, compensation for moral damage in connection with the violation of such non-material benefits as life, health, physical integrity, privacy. Particular attention is given to the problem of children's rights protection when using genomic technologies, including the right to natural biological origin, the right to know their biological parents and family (genetic) history, since the use of advances in genetics and biomedicine by one generation of people can be a serious challenge to the existence of fundamental freedoms and equality of future generations. At the moment, states should define the limits of possible intervention in the sphere of private (parental) arbitrariness in order to prevent future harm to children born with the help of modern technologies. Consideration of individual problems of the rights of citizens protection when using genomic technologies indicates objective difficulties in finding solutions due to bioethical principles, the need to ensure a fair balance between the interests of the parties to the relevant relationship and third parties, and the need to minimize potential risks. The breakthrough achievements of medical and biological science pose an important task for the state to develop an effective system of legal guarantees aimed at ensuring respect for human dignity, protecting the rights and interests of an individual, preventing the biotechnological construction of a person for the purposes of eugenic practice, etc.

Keywords: biotechnologies; genomic technologies; gene therapy; genome editing; CRISPR/Cas9; genome; biomedical cell product; citizens' rights; methods of protection; preventive action; forensic genetic examination.

Cite as: Bogdanova EE, Maleina MN, Ksenofontova DS. Otdelnye problemy zashchity prav grazhdan pri ispolzovanii genomnykh tekhnologiy [Certain Problems of Citizens' Rights Protection when Using Genomic Technologies]. *Lex russica*. 2020;73(5):129-142. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.129-142. (In Russ., abstract in Eng.).

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-14014.

Введение

В условиях стремительного развития новых медицинских технологий всё большую актуальность приобретает проблема защиты прав граждан и обеспечения уважения человеческого достоинства. Современные достижения в области геномики делают человека «мишенью технонауки», позволяют рассматривать его в качестве производной от генов, продукта генетических технологий, позволяющих не только защитить человека от отдельных заболеваний, но и улучшать его свойства³. Следует признать, что генетическое конструирование человека, исключая антропологические риски, своим базисом должно иметь глобальную гуманистическую трансформацию общественного устройства, где целью прогресса будут человек и его ценности⁴.

В связи с этим в ст. 2 Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека⁵ констатируется, что каждый человек имеет право на уважение достоинства и прав вне зависимости от генетических характеристик; личность человека не может сводиться к его генетическим характеристикам и требует уважения его уникальности и неповторимости. В свою очередь, исследования генома человека не должны превалировать над уважением прав человека, основных свобод и человеческого достоинства, вследствие чего целью прикладного использования результатов научных исследований в области геномики может служить исключительно уменьшение страданий людей и улучшение состояния здоровья каждого человека и всего человечества (ст. 10, 12). Сходные правовые положения закреплены в Конвенции о правах человека и биомедицине⁶, в преамбуле которой подчеркивается важность обеспечения достоинства человека и недопущение предосуди-

тельного использования достижений биологии и медицины.

Вместе с тем применение отдельных геномных технологий вызывает серьезную дискуссию в контексте обеспечения уважения достоинства человека и защиты его прав. В частности, речь идет о наследуемых модификациях генома человека. Так, в 2019 г. научное сообщество призвало ввести мораторий на редактирование генома человека в клинической практике на пятилетний период ввиду необходимости рассмотрения научных, этических, социальных и юридических вызовов, прежде всего связанных с защитой прав человека⁷.

В статье 13 Конвенции о правах человека и биомедицине установлен запрет на вмешательство в зародышевую линию человека. Однако, по мнению Джонатана Монтоммери, генеалогия запрета редактирования генома человека допускает отказ от абсолютистского подхода в целях предотвращения побочных эффектов, поскольку такое лишение гражданина доступа к генной терапии может быть рассмотрено как:

- во-первых, нарушение права человека на равный доступ к медицинскому обслуживанию (ст. 3 Конвенции о правах человека и биомедицине);
- во-вторых, нарушение запрета дискриминации в отношении человека по признаку его генетического наследия, отличающегося от генетического наследия тех, кто может лечиться посредством соматической терапии (ст. 11 Конвенции о правах человека и биомедицине);
- в-третьих, необеспечение всеобщего доступа к достижениям науки в области биологии, генетики и медицины, касающимся генома человека, когда целью таковых служит уменьшение страданий человека и улучшение состояния его здоровья (ст. 12 Всеоб-

³ Юдин Б. Г. Человека как объект, потребитель и мишень технонауки // Знание. Познавание. Умение. 2016. № 5. С. 6—7, 13—14.

⁴ См. подробнее: Попова О. В. Исследование этических проблем генетики в отечественной философской традиции (к истории идеи биотехнологического конструирования человека) // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 23—26.

⁵ Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека (принята 11 ноября 1997 г. на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины (Конвенция о правах человека и биомедицине) (ETS № 164) (заключена в г. Овьедо 4 апреля 1997 г.) // Документ официально не опубликован. СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Lander E. et al. Adopt a moratorium on heritable genome editing // Nature. 2019. 13 March. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-019-00726-5> (дата обращения: 10 декабря 2019 г.).

щей декларации о геноме человека и правах человека);

— в-четвертых, нарушение права на уважение частной и семейной жизни (ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁸), которое предполагает доступ к генной терапии, модифицирующей зародышевую линию клеток, так как неприменение данной терапии незаконно и дискриминационно в контексте допущения применения других методов генной терапии⁹.

Таким образом, развитие и внедрение в социальную практику современных геномных технологий детерминирует сложную проблему обеспечения надлежащей защиты прав как отдельного гражданина, так и человечества в целом.

I. Особенности защиты прав граждан при использовании геномных технологий

Понятие геномной технологии дается в научно-технической программе Союзного государства «Разработка инновационных геногеографических и геномных технологий идентификации личности и индивидуальных особенностей человека на основе изучения генофондов регионов Союзного государства» («ДНК-идентификация»)¹⁰: это совокупность методов и инструментов анализа всего генома человека или большого числа ДНК-маркеров, распределенных по геному, с номинальным качеством и оптимальными затратами, обусловленными текущим уровнем развития науки и техники.

В Федеральном законе от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»¹¹ ис-

пользуется близкое по смыслу словосочетание — «генная инженерия», которое было особенно популярно в литературе и нормативных актах второй половины XX в. Под генной инженерией понимается совокупность методов и технологий, в том числе технологий получения рекомбинантных рибонуклеиновых и дезоксирибонуклеиновых кислот, по выделению генов из организма, осуществлению манипуляций с генами и введению их в другие организмы (ст. 2). Это определение включает действия по созданию генно-инженерно-модифицированных организмов (вирусов, микроорганизмов, трансгенных растений и трансгенных животных, а также их клеток) и действия по воздействию на геном человека.

В литературе по биологии и медицине выделяются следующие методы и технологии с генами человека: блокировка вредного гена, разрушение вредного гена, введение нового активного гена или регулятора активности генов, замена участка дефектного (мутантного) гена исправным¹².

Целенаправленное искусственное изменение гена получило название генной терапии. В Законе «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» генная терапия раскрывается как совокупность генно-инженерных (биотехнологических) и медицинских методов, направленных на внесение изменений в генетический аппарат соматических клеток человека в целях лечения заболеваний (ст. 2). В научной литературе выделяется еще другой вид генной терапии — фетальная генотерапия, или вмешательство в зародышевую линию клеток, когда вносятся изменения в половые клетки с последующей передачей наследникам данного человека¹³.

⁸ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁹ См. подробнее: *Монтгомери Дж.* Модификация генома человека: вызовы со стороны сферы прав человека, обусловленные научно-техническими достижениями // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Права человека и биомедицина. Специальный выпуск. 2018. № 7. С. 29—42.

¹⁰ Постановление № 26 Совета Министров Союзного государства «О научно-технической программе Союзного государства “Разработка инновационных геногеографических и геномных технологий идентификации личности и индивидуальных особенностей человека на основе изучения генофондов регионов Союзного государства” (“ДНК — идентификация”)» (принято в г. Санкт-Петербурге 16 июня 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3348.

¹² *Берсимбаев Р. И.* Фундаментальные исследования и биотехнология // Биотехнология. Теория и практика. 2007. № 1. С. 6—7.

¹³ *Богатырева Н. В., Россик В. Е., Богатырев В. А., Шишкинская Н. В.* Комментарий к Федеральному закону от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».

Генная терапия проводится либо в культуре клеток больного (*in vitro*), либо непосредственно в организме (*in vivo*). Что же касается техники исполнения, то редактирование генома производится с помощью систем TALEN, ZFNs, CRISPR/Cas9.

Соматическая генная терапия применяется как метод высокотехнологичной медицинской помощи, поэтому можно предположить, что в процессе использования этой технологии могут быть нарушены обычные права пациента — право на квалифицированную медицинскую помощь, право на информацию о состоянии своего здоровья, методе лечения и последствиях, право на сохранение медицинской тайны.

Защита этих прав пациента может осуществляться в порядке искового производства. Типичными способами защиты являются взыскание убытков в случае причинения вреда здоровью, компенсация морального вреда в связи с нарушением таких нематериальных благ, как жизнь, здоровье, физическая неприкосновенность, тайна частной жизни.

Защита пациента может вызвать сложности из-за отсутствия специальных нормативных актов. Так, оказание квалифицированной медицинской помощи подтверждается или опровергается на основе положения об организации оказания медицинской помощи по определенному виду медицинской помощи, порядка оказания медицинской помощи, стандарта медицинской помощи, утверждаемых уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. Однако для генной терапии такие документы не приняты¹⁴.

Вопросы качества проведения генной терапии могли бы быть поставлены при назначении судом судебно-медицинской генетической экспертизы. Приказом Росстандарта от 12 декабря 2016 г. № 2009-ст введен в действие «ГОСТ Р 57343-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Судебная молекулярно-генетическая экспертиза. Термины и определения», из названия и содержания которого следует, что унифицирована только применяемая терминология. Кроме того, надо отметить, что основной фронт работы генетической экспертизы пока со-

стоит в сравнении биологических образцов для вывода о биологическом родстве или для идентификации личности; анализ качества проведения изменения соматических клеток человека не проводился. Поэтому в настоящее время за основу оценки качества генной терапии используется медицинская карта пациента, в которой отражены основные действия медицинских работников.

Реализация права пациента на информацию о состоянии своего здоровья, методе лечения и последствиях также имеет специфику при генной терапии. Во-первых, не всегда в доступной форме (как это требуется законом) каждому пациенту можно объяснить метод оказания медицинской помощи (например, порядок введения регулятора активности генов и его действие). Во-вторых, сообщаемый прогноз развития заболевания, в связи с которым рекомендуется проведение генной терапии, имеет вероятностный характер; имеются риски, сопровождающие этот метод (например, введение больших доз векторов-переносчиков может оказать токсическое воздействие на организм реципиента и пр.).

В случае спора в связи с нежелательными последствиями генной терапии как метода со ссылкой пациента на недостаточную информированность в качестве доказательства осведомленности пациента используется заполненная и подписанная форма информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство (в которой пациент подтверждает, что ему разъяснены цели, методы оказания медицинской помощи, связанный с ними риск, возможные варианты медицинских вмешательств, их последствия, в том числе вероятность развития осложнений, а также предполагаемые результаты оказания медицинской помощи).

Право пациента на сохранение медицинской тайны при генной терапии реализуется в объеме положений ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁵, то есть конфиденциальность распространяется: а) на факт обращения за оказанием медицинской помощи; б) сведения о состоянии

¹⁴ Наиболее близко по содержанию подходит приказ Минздрава России от 31 октября 2012 г. № 567н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю “хирургия (трансплантация органов и (или) тканей человека)”» (Российская газета. Спецвыпуск. 11.04.2013. № 78/1). Однако, на наш взгляд, аналогия закона неприменима в связи с неодинаковой технологией пересадки органа (ткани) и участка гена.

¹⁵ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

здоровья и диагнозе; в) иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении. Между тем особое внимание необходимо уделить правовому режиму сведений, полученных при медицинском обследовании и лечении, касающихся биологических родственников. Дело в том, что лечению предшествует генетическое консультирование и тестирование, включающие сбор информации о биологических родственниках пациента. Это может быть нежелательная информация о наследственных заболеваниях, о привычках и образе жизни, о семейном положении. В связи с этим, на наш взгляд, правом требования сохранения медицинской тайны обладает и статус истца получает не только пациент, проходящий генетическое обследование и лечение, но и его биологические родственники в части, касающейся их здоровья и частной жизни.

Геномные технологии могли бы быть использованы и для клонирования человека. Федеральный закон от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека»¹⁶ ввел запрет создания человека, генетически идентичного другому живому или умершему человеку, путем переноса в лишенную ядра женскую половую клетку ядра соматической клетки человека — до дня вступления в силу федерального закона, устанавливающего порядок использования технологий клонирования организмов в целях клонирования человека (ст. 1, 2). Уголовная ответственность за совершение таких действий не установлена. Какие способы защиты может предложить российское гражданское законодательство в случае выявления попыток клонирования человека?

Из перечня способов защиты, перечисленных в ст. 12 Гражданского кодекса РФ¹⁷, практически может быть применено пресечение действий, создающих угрозу нарушения права. Этот способ защиты получил конкретизацию в ст. 1065 ГК РФ¹⁸, согласно которой допускается предъявление иска о запрещении деятельности, создающей опасность причинения вреда в будущем.

По предмету спора такое требование относится к группе исков превентивного характе-

ра. Следует согласиться с высказыванием, что «с превентивным иском связано превентивное решение, ориентированное на предупреждение спора — конфликта, правонарушения, на то, чтобы оказать содействие, сохранить нормальные отношения, здоровый человеческий облик и правовой статус»¹⁹.

Основанием предъявления иска о запрещении деятельности, создающей опасность в будущем, являются: а) факт продолжающейся деятельности, б) ее характеристика в качестве опасной, в) возможность причинения такой деятельностью вреда любого вида.

Закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» в зависимости от степени потенциальной опасности, возникающей при осуществлении генно-инженерной деятельности, для замкнутых систем устанавливает четыре уровня риска потенциально вредного воздействия генно-инженерной деятельности на здоровье человека (ч. 3 ст. 7). Генно-инженерно-модифицированные организмы, предназначенные для выпуска в окружающую среду, подлежат государственной регистрации, а сама генно-инженерная деятельность III и IV уровней риска, осуществляемая в замкнутых системах, лицензируется. Таким образом, законодатель уже сейчас оценивает деятельность медицинских, научно-исследовательских лабораторий, центров, институтов в области генно-инженерной деятельности как потенциально опасную.

Однако в силу запрета клонирования человека этот Закон не упоминает об угрозе для жизни и целостности человека как биологического вида в случае создания и выпуска генно-инженерно-модифицированных организмов с изменением наследственного генетического материала человека.

Истцом выступает заинтересованное лицо, которое в исковом заявлении должно отразить, в чем заключается нарушение либо угроза нарушения его прав, свобод или законных интересов. По существу, гражданин, узнавший о работе лаборатории, создающей трансгенный организм с наследственным материалом человека, должен обосновать, что такая деятель-

¹⁶ СЗ РФ. 2002. № 21. Ст. 1917.

¹⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации: часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

¹⁹ Мурадян Э. М. Превентивные иски // Государство и право. 2001. № 4.

ность угрожает именно его правам на жизнь и здоровье. Такую причинную связь установить сложно. В юридической литературе предлагается внести «уточнения, направленные на недопустимость отказа от принятия иска по делам о запрещении деятельности, создающей опасность причинения вреда в будущем, под предлогом отсутствия личного интереса у истца», и решить вопрос о наделении отдельных государственных органов, должностных лиц, а также некоторых общественных организаций правом на обращение в суд с исками о запрещении деятельности, создающей опасность причинения вреда в будущем²⁰.

Полагаем, что у прокурора имеется правовая возможность обратиться в суд с иском в защиту прав на жизнь и здоровье неопределенного круга лиц (п. 3 ст. 131, 45 ГК РФ). В обоснование иска можно было бы сослаться на ст. 11 Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека («не допускается практика, противоречащая человеческому достоинству, такая как практика клонирования в целях воспроизводства человеческой особи») и российский Закон «О временном запрете на клонирование человека». Кроме того, можно дать широкое толкование понятию «неопределенный круг лиц», включив в него не только ныне проживающих граждан, население региона, страны, но и будущие поколения.

Что же касается характеристики самого способа защиты, то запрет создающей опасность деятельности может привести фактически к ликвидации юридического лица, если такая деятельность была основной, профильной.

II. Проблемы защиты прав ребенка при применении геномных технологий

Быстрое развитие и широкое применение геномных технологий в репродуктивной медицине имеет своими основными целями решение проблем бесплодия и рождение детей с наименьшим риском возникновения генетических заболеваний. В то же время представляется, что

в процессе достижения поставленных гуманистических задач права детей, рожденных вследствие применения современных технологий, не вполне эффективно защищены действующим законодательством.

На необходимость обеспечения защиты прав детей обращают внимание как отечественные, так и зарубежные ученые, однако в науке недостаточно исследуется вопрос об особенностях защиты прав детей, рожденных в связи с применением новейших достижений в биомедицине. Как правило, в таких исследованиях авторы сконцентрированы на особенностях защиты прав родителей, прав суррогатной матери и других «взрослых» субъектов права²¹.

В целом разделяет такой подход и судебная практика. Так, в постановлении Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»²² (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 16) предусмотрено, что по смыслу семейного законодательства (п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ²³) рождение ребенка с использованием супругами (одинокой женщиной) донорского генетического материала не влечет установления родительских прав и обязанностей между донором и ребенком независимо от того, было данное лицо известно родителям ребенка или нет (анонимный донор). С учетом этого лицо, являвшееся донором генетического материала, не вправе при разрешении требований об оспаривании и (или) установлении отцовства (материнства) ссылаться на то обстоятельство, что оно является фактическим родителем ребенка.

По этим же основаниям не могут быть удовлетворены и требования лиц, записанных в качестве родителей (единственного родителя) ребенка, об установлении отцовства в отношении лица, являвшегося донором генетического материала, с использованием которого был рожден ребенок (п. 32 Постановления Пленума ВС РФ № 16).

Например, заявительница полагала, что действующее законодательство нарушает ее право

²⁰ *Мохов А. А.* Дела о предупреждении причинения вреда в будущем (на примере геномных исследований и внедрения их результатов в практику) // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 112.

²¹ См., например: *Вавильчева Т.* Тенденции развития российской судебной практики по вопросам прав человека в области биомедицины // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 9. С. 20—31.

²² Бюллетень ВС РФ. 2017. № 7.

²³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

и право ее дочери, родившейся в результате процедуры вспомогательной репродуктивной технологии, на установление отцовства в отношении лица, выступавшего донором на возмездной основе, осознававшего последствия своих действий и руководствовавшегося желанием заработать на этом. Она также ссылалась на то, что такое положение дел ставит ее ребенка в неравное положение с детьми, родившимися в результате естественного зачатия. Верховный Суд РФ в итоге рассмотрения отказал в удовлетворении заявленного требования²⁴.

Представляется, что данное решение Верховного Суда РФ наглядно иллюстрирует сложившийся подход, когда правоприменитель и зачастую законодатель не различают интересы ребенка и интересы его родителя, в конкретной ситуации — матери. Права заявительницы законодательство действительно не нарушает, так как она, будучи полностью дееспособной, была в состоянии оценить все правовые последствия рождения ребенка от анонимного донора.

Но так ли данная позиция судебной практики справедлива по отношению к ребенку, родившемуся вследствие такой медицинской процедуры?

В этой связи заслуживает внимания мнение М. Самервилл, которая полагает, что одним из фундаментальных прав ребенка является право на естественное биологическое происхождение, а также признаваемая правом возможность ребенка знать своих биологических родителей и семейную (генетическую) историю. Как отмечает указанный автор, дети имеют право на зачатие от спермы определенного, живого, взрослого мужчины и от неизменной яйцеклетки конкретной, живой, взрослой женщины²⁵.

Действительно, применение современных технологий, в том числе анонимного донорства спермы и яйцеклеток, приводит к появлению детей — генетических сирот (*genetic orphans*), не знающих одного или даже обоих своих генетических родителей. В то же время есть основания полагать, что значительное количество мужчин и женщин откажутся быть донорами, если они перестанут быть анонимными и получать денежную компенсацию за переданный генетический материал²⁶.

Можно представить также ситуацию, когда кто-либо, получив доступ к ДНК лица и установив, что данное лицо являлось донором спер-

²⁴ Решение Верховного Суда РФ от 13 января 2011 г. № ГКПИ10-1601 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим пункта 6 Инструкции по применению методов вспомогательных репродуктивных технологий, утв. приказом Минздрава РФ от 26 февраля 2003 г. № 67» // СПС «КонсультантПлюс».

Кроме того, в этом контексте внимания заслуживает определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 июля 2019 г. по делу № 64-КГ19-6 (СПС «КонсультантПлюс»). Так, истица обратилась в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов. В обоснование своих требований она указала, что ответчик является отцом ее детей вследствие участия в экстракорпоральном оплодотворении (искусственной инсеминации с использованием биологического материала выбранного истцом донора — ответчика), в ходе которого выразил согласие принимать участие в воспитании детей, подписав заявление истца о добровольном согласии на медицинское вмешательство в графе «муж». Верховный Суд РФ указал, что правовое значение для последствий проведения процедуры экстракорпорального оплодотворения имеет нахождение участников этой процедуры в браке, тогда как некое «партнерство» женщины и донора спермы, на которое ссылался суд апелляционной инстанции, не может служить достаточным основанием для установления отцовства в судебном порядке.

²⁵ *Somervill M.* Children's human rights to natural biological origins and family structure // *International Journal of the Family Law*. 2010. № 35. Vol. 1. P. 35, 38, 53.

²⁶ Анализируя законодательство европейских государств, Р. Лукасевич отмечает, что пожертвование гамет может быть анонимным, опознаваемым и известным. В первом случае получатели гамет и доноры не знают друг друга, а рожденный ребенок по достижении совершеннолетнего возраста получает только неидентифицирующую информацию о доноре, ввиду чего нарушается его право знать о своем происхождении. При опознаваемом пожертвовании получатели гамет и доноры не знают друг друга, однако рожденный ребенок получает доступ к идентифицирующей информации о доноре. В случае известного пожертвования получатели гамет и доноры знакомы. Таким образом, в европейских государствах не сложилось единого юридического и этического стандарта по вопросу донорства гамет. См. подробнее: *Трикоз Е. Н.* Защита прав человека в контексте развития биоэтики и геномики (обзор международного круглого стола) // *Вестник РУДН. Серия : Юридические науки*. 2019. Т. 23. № 1. С. 148—149.

мы, пожелает предать такие сведения огласке. Показателен в этой связи случай в судебной практике ФРГ, когда суд обязал врачебное учреждение раскрыть имя донора спермы по иску его дочери, рожденной с применением соответствующей технологии. Следует отметить, что в Германии более 100 тыс. детей были зачаты таким образом и все они не знают своих биологических отцов. Некоторые из них создают сообщества в Интернете и заказывают генетические исследования, размещая результаты в открытых банках данных. Необходимо учитывать то, что по законодательству ФРГ установление отцовства донора спермы вызывает соответствующие правовые последствия, включая и признание права таких детей быть наследниками.

Как уже отмечалось, в силу п. 32 Постановления Пленума ВС РФ № 16 не могут быть удовлетворены требования лиц, записанных в качестве родителей (единственного родителя) ребенка, об установлении отцовства в отношении лица, являвшегося донором генетического материала, с использованием которого был рожден ребенок. Однако ничего не говорится о ситуации, когда подобное требование об установлении отцовства или материнства (при применении технологии митохондриального переноса) заявит сам ребенок, рожденный с помощью материала, полученного от донора. Представляется, что в данной ситуации законодателю необходимо выработать правовую позицию относительно рожденных вследствие применения биомедицинских, геномных технологий детей.

В этой связи заслуживает внимания вопрос и о праве усыновленного на получение генетической информации о своих биологических родителях и соотношении данного права с тайной усыновления и семейной тайной. Так, по одному из споров граждане обратились в Конституционный Суд РФ о возможности получения потомками усыновленного сведений об усыновлении после смерти усыновленного и усыновителей.

Конституционный Суд РФ разъяснил, что в ситуациях усыновления сведения о происхождении ребенка, хотя они и имеют конфиденциальный характер, могут оказаться незаменимыми для раскрытия генетической истории семьи и выявления биологических связей, составляющих важную часть идентичности каждого человека, включая тайну имени, места рождения и иных обстоятельств усыновления, в частности при необходимости выявления (диагностики) наследственных заболеваний, предотвращения браков с близкими кровными родственниками и т.д. В таких случаях речь идет об удовлетворении лицом определенного информационного интереса, который состоит в том, чтобы знать о происхождении своих родителей, о своих предках. В этой связи юридическая возможность предоставления потомкам усыновленного лица информации, касающейся его усыновления, после его смерти — при отсутствии высказанной его усыновителями при жизни воли на раскрытие тайны усыновления — не может рассматриваться как не имеющая необходимого конституционного обоснования²⁷.

Европейский Суд по правам человека также обращал внимание на то, что ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод защищает право человека на сохранение индивидуальности и самореализацию, при этом получение достоверной информации о личности родителей, являющейся одной из неотъемлемых составляющих идентичности, способствует развитию человека²⁸.

Однако, на наш взгляд, институт тайны усыновления в настоящий момент не совсем адекватно регулирует сложившиеся общественные отношения с учетом развития генетического тестирования и увеличения роли генетической информации. Полагаем, что усыновленному лицу, достигшему 18-летнего возраста, при наличии медицинских показаний должно быть предоставлено право требовать раскрытия тайны усыновления для проведения диагностики (лечения) наследственных заболеваний. В иных ситуациях, когда раскрытие тайны усыновления

²⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гущиной» // СЗ РФ. 2015. № 26. Ст. 3944.

²⁸ См., например: постановление Европейского Суда по правам человека от 13 февраля 2003 г. «Дело «Одьевр (Odiuvre) против Франции»» (жалоба № 42326/98) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2003. № 7 ; постановление Европейского Суда по правам человека от 13 июля 2006 г. «Дело «Йегги (Jaggi) против Швейцарии»» (жалоба № 58757/00) // Там же. 2007. № 2.

необходимо для установления лицом своей генетической истории, раскрытие тайны должно производиться с согласия усыновителей или после их смерти — при отсутствии явно выраженного несогласия.

Представляется, что данный подход можно учесть при решении вопроса о правах детей, рожденных вследствие применения биомедицинских, геномных технологий, предусмотрев в законодательстве правило, что ребенок, рожденный от донора спермы или митохондрии, не вправе требовать установления отцовства или материнства, несмотря на известное ограничение его права знать своих биологических родителей и семейную историю. В то же время такому лицу, достигшему 18-летнего возраста, при наличии медицинских показаний должно быть предоставлено право требовать раскрытия личности донора, если это необходимо для проведения диагностики (лечения) наследственных заболеваний.

На наш взгляд, необходимо установить законодательный запрет на использование при рождении детей abortивного генетического материала и материала умерших лиц, так как обратная ситуация может привести к серьезным психологическим травмам рожденных детей и переживанию ими нравственных страданий вследствие осознания особенностей своей генетической идентичности.

Так, по одному из споров в суд обратилась бабушка ребенка, рожденного методом суррогатного материнства с использованием биологического материала ее умершего сына, и потребовала возложить на органы ЗАГС обязанность указать в свидетельстве о рождении сведения об умершем отце ребенка и о бабушке-заявительнице как о родителей.

Суд не признал отказ органов ЗАГС в государственной регистрации рождения ребенка незаконным, основываясь на том, что в данном случае рождение ребенка с помощью вспомогательных репродуктивных технологий не являлось методом лечения бесплодия. В свою очередь, требование заявителя — биологиче-

ской бабушки ребенка — о регистрации ее в качестве его матери и об указании ее умершего сына в качестве его отца имеют проблемы этического характера, не преследуют цели лечения бесплодия и противоречат сущности родительского правоотношения²⁹.

Известный философ Ю. Хабермас отмечает в связи с этим, что «вмешательство в происхождение отдельных людей разрушает необходимое условие нравственного основания общества — что все люди должны быть свободными от чужого влияния на их внутреннюю сущность (идентичность), только тогда они имеют возможность участвовать в человеческом взаимодействии, вследствие которого возникает единая человеческая мораль»³⁰.

Серьезную проблему представляют собой геномные технологии, которые способны создавать так называемых «дизайнерских» детей. По данной проблеме Дж. Розато отмечает, что «с использованием технологий экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) и предимплантационной генетической диагностики (ПГД) вместе родители получают возможность отбирать эмбрион с желаемыми чертами (свойствами), которые отражаются в геноме родившегося ребенка. Например, должен ли родиться мальчик или девочка; ребенок с определенным цветом глаз, волос; обладающим иммунитетом к определенным заболеваниям и др.»³¹.

Как полагает М. Самервилл, технологии, направленные на создание «дизайнерских» детей, рождение которых включает манипуляции с человеческими эмбрионами, разрушают основу их человечности, идентификации в качестве человеческого существа и способны в результате широкого использования разрушить равенство людей³².

Следует отметить, что в 2019 г. Всемирная организация здравоохранения приняла решение о созыве Экспертного комитета по разработке глобальных стандартов в сфере надзора за исследованиями по редактированию генов человека в целях рассмотрения научных, этических, социальных и юридических вызовов,

²⁹ Привод. по: *Вавилычева Т.* Тенденции развития российской судебной практики по вопросам прав человека в области биомедицины // *Прецеденты Европейского Суда по правам человека.* 2017. № 9. С. 20—31.

³⁰ *Anderson J.* Review: *Habermas J.* The future of human nature // *Ethics.* 2005. Vol. 115. No. 4. Pp. 816—821. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.1086/430477> (дата обращения: 10 декабря 2019 г.).

³¹ *Rosato J.* The children of Art (Assisted reproductive technology): Should the Law Protect them from Harm // *Utah Law Review.* 2004. № 1. Pp. 57—110.

³² *Somervill M.* Op. cit. P. 39.

связанных с редактированием генов человека, для обеспечения надлежащей оценки риска и пользы. Причиной явилось исследование китайского ученого Хэ Цзянькуя, который способствовал созданию первых в мире людей с искусственно измененными генами. ДНК новорожденных девочек-близнецов, зачатых при помощи экстракорпорального оплодотворения, было изменено посредством метода CRISPR/Cas9 в целях формирования у детей иммунитета к вирусу ВИЧ, носителем которого являлся их отец³³.

Данную ситуацию усугубляют этическая спорность применения метода ПГД, так как его процесс включает отбор одних эмбрионов на основании какого-либо их преимуществ перед другими, а также появившаяся в настоящий момент возможность применения технологий, направленных на редактирование генома эмбриона³⁴. Эмбрионы, которые не были отобраны, подлежат редукции (разрушению) или хранятся и используются в научно-исследовательских целях. Таким образом, метод ПГД включает скрининг и отбор только тех эмбрионов, которые отвечают определенным ожидаемым качествам. Представляется, что отбор одного ребенка преимущественно перед другим, манипуляции по улучшению его генома могут изменить природу родительских отношений и в итоге повлиять на общество в целом.

В этой связи возникает вопрос о праве государства вмешиваться в процесс принятия родителями решения относительно рождения детей с помощью технологий ЭКО, ПГД, CRISPR и др.

Дж. Розато полагает, что государство по общему правилу не вправе вмешиваться в принятие родителями решений по поводу рождения детей. Например, государство не может применить санкции к матери, которая в возрасте старше 50 лет решает родить ребенка, несмотря на значительный риск возникновения у него генетических заболеваний; государство не может требовать, чтобы мать нескольких детей-инвалидов сделала аборт. В таких случаях государство не может каким-то образом вступить в

данные отношения и предупредить возможное причинение ребенку вреда в будущем³⁵.

В то же время Д. Дэвис отмечает, что подобные решения родителей можно охарактеризовать как конфликт «между родительской автономией и потенциальной автономией ребенка. Если право ребенка на будущее благополучное развитие находится под угрозой таких решений, автономия родителей должна уступать автономии ребенка»³⁶.

Таким образом, можно признать, что вмешательство государства допустимо, если решение родителей, избравших соответствующие генетические и биомедицинские процедуры для рождения ребенка, предполагает значительный риск возникновения у него в будущем физических или нравственных страданий вследствие такого решения.

В то же время возникает вопрос о возможности предъявления ребенком соответствующих требований к государству, создавшему условия причинения вреда его здоровью.

Так, по одному из дел, рассмотренных ЕСПЧ, заявительница утверждала, что добивалась информирования о состоянии плода путем дородового генетического исследования, которое позволило бы ей принять основанное на медицинских данных информированное решение относительно сохранения беременности. Вместо этого из-за проблем в системе здравоохранения Польши, в частности из-за уклонения государства от исполнения законодательства об отказе по мотивам совести и о доступе к дородовым услугам и к легальному аборту, врачи умышленно отказывали ей в своевременном информировании и медицинских услугах, которые должны были рассматриваться как обычные, доступные и целесообразные при обстоятельствах ее дела. Затягивание диагностических анализов также отсрочило принятие потенциально информированного решения относительно прерывания беременности, на которое заявительница имела право, что в итоге сделало аборт невозможным. В результате заявительница родила ребенка с серьезным

³³ Прибытков К. ВОЗ сформировала экспертный комитет для оценки последствий изменения генов человека // ТАСС. 15.02.2019. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6119748> (дата обращения: 8 сентября 2019 г.).

³⁴ Следует отметить, что научное сообщество призвало ввести мораторий на редактирование генома человека в клинической практике на пятилетний период. См.: URL: <https://sci-news.ru/2019/ne-vse-uchenye...moratorij-crispr/> (дата обращения: 10 декабря 2019 г.).

³⁵ Rosato J. Op. cit.

³⁶ Davis D. Genetic dilemmas: Reproductive technology, Parental choice and children futures. Psychology Press, 2001. P. 32.

наследственным заболеванием — синдромом Тернера.

Как отметил в своем решении ЕСПЧ, в то время как правила государства в отношении аборта относятся к традиционному уравниванию личной жизни и публичного интереса, они должны — в случае терапевтического аборта — быть сопоставлены с позитивными обязательствами государства по обеспечению физической неприкосновенности будущих матерей³⁷.

Однако ЕСПЧ ничего не говорит о праве ребенка, родившегося с серьезным заболеванием вследствие политики государства в отношении дородового генетического скрининга, требовать от такого государства компенсации причиненного вреда здоровью и компенсации морального вреда. Какое в данном случае следует принять решение: компенсирует ли дарованное государством право на жизнь те страдания, которые такой ребенок должен претерпевать в течение всей своей жизни?

В связи с этим, на наш взгляд, следует учитывать, что использование достижений в генетике, биомедицине одним поколением людей может явиться серьезным вызовом для существования основных свобод и равенства будущих поколений. Поэтому в настоящий момент государству следует определить границы возможного вмешательства в сферу частного (родительского) произвола для того, чтобы не допустить в будущем причинения вреда

рожденным с помощью современных технологий детям.

Заключение

Рассмотрение отдельных проблем защиты прав граждан при использовании геномных технологий свидетельствует об объективных сложностях в поиске их решений, обусловленных биоэтическими началами, необходимостью обеспечения справедливого баланса интересов сторон соответствующих отношений и третьих лиц, потребностью в минимизации потенциальных рисков. Стремительное развитие современных медицинских технологий, прорывные достижения медицинской и биологической науки ставят перед государством важную задачу развития действенной системы правовых гарантий, направленных на обеспечение уважения человеческого достоинства, защиту прав и интересов отдельного человека, недопущение биотехнологического конструирования человека для целей евгенической практики и др.

Следует согласиться с мнением С. О'Салливан о том, что сложившаяся концепция отставания права, согласно которой задача государства сводится к реагированию на технологические изменения и корректированию действующего законодательства, должна уступить получающему распространение в доктрине подходу поиска путей объединения техно-

³⁷ Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 мая 2011 г. «Дело “R.R. (R.R.) против Польши”» (жалоба № 27617/04) // Избранные постановления Европейского Суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского Суда по правам человека». Специальный выпуск. 2012. № 2.

Государственная политика в отношении эмбрионального скрининга рассматривалась также в постановлении Европейского Суда по правам человека от 28 августа 2012 г. «Дело “Коста и Паван (Costa and Pavan) против Италии”» (жалоба № 54270/10) (Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 2). Так, после рождения первого ребенка заявители узнали, что являются носителями муковисцидоза. Забеременев вновь, заявительница прошла пренатальный анализ, который выявил наличие данного заболевания у плода, ввиду чего заявители приняли решение о прерывании беременности по медицинским показаниям. Заявители намеревались пройти генетическую диагностику до имплантации эмбриона в рамках экстракорпорального оплодотворения, однако в соответствии с законодательством Италии эмбриональный скрининг допускался только в отношении бесплодных пар или в случае наличия у одного из партнеров вирусного заболевания, передающегося половым путем. По мнению Европейского Суда по правам человека, итальянское законодательство не являлось последовательным: с одной стороны, оно запрещало эмбриональный скрининг, который бы позволил отобрать для имплантации эмбрионы, незатронутые муковисцидозом, а с другой стороны, допускало аборт при наличии данного заболевания. Вследствие этого невозможно пренебречь беспокойством заявительницы ввиду потенциальной угрозы наличия у ребенка указанного заболевания, а также страданиями матери, поставленной перед болезненным выбором аборта. Таким образом, вмешательство в право заявитель на уважение частной и семейной жизни было непропорциональным.

логий с этическими ценностями и нормами в области защиты прав человека. Таким образом, при оценке новых медицинских технологий следует концентрировать внимание не столько на их потенциальном применении, сколько на тех ценностях, которые подлежат приоритетной охране и определяют избираемые модели управления в обществе и науке³⁸.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Богатырева Н. В., Россик В. Е., Богатырев В. А., Шишкинская Н. В.* Комментарий к Федеральному закону от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».
2. *Берсимбаев Р. И.* Фундаментальные исследования и биотехнология // Биотехнология. Теория и практика. — 2007. — № 1. — С. 5—10.
3. *Вавилычева Т.* Тенденции развития российской судебной практики по вопросам прав человека в области биомедицины // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. — 2017. — № 9. — С. 20—31.
4. *Монтгомери Дж.* Модификация генома человека: вызовы со стороны сферы прав человека, обусловленные научно-техническими достижениями // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Права человека и биомедицина. Специальный выпуск. — 2018. — № 7. — С. 29—42.
5. *Мохов А. А.* Дела о предупреждении причинения вреда в будущем (на примере геномных исследований и внедрения их результатов в практику) // Вестник гражданского процесса. — 2019. — № 2. — С. 105—120.
6. *Мурадян Э. М.* Превентивные иски // Государство и право. — 2001. — № 4. — С. 23—27.
7. *О’Салливан С.* В поисках баланса между техническим прогрессом и уважением человеческого достоинства // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Права человека и биомедицина. Специальный выпуск. — 2018. — № 7. — С. 5—10.
8. *Попова О. В.* Исследование этических проблем генетики в отечественной философской традиции (к истории идеи биотехнологического конструирования человека) // Знание. Понимание. Умение. — 2017. — № 3. — С. 20—30.
9. *Трикоз Е. Н.* Защита прав человека в контексте развития биоэтики и геномики (обзор международного круглого стола) // Вестник РУДН. Серия : Юридические науки. — 2019. — Т. 23. — № 1. — С. 141—154.
10. *Юдин Б. Г.* Человека как объект, потребитель и мишень технауки // Знание. Понимание. Умение. — 2016. — № 5. — С. 5—22.
11. *Anderson J.* Review: Habermas J. The future of human nature // Ethics. — 2005. — Vol. 115. — No. 4. — Pp. 816—821. — URL: <http://www.jstor.org/stable/10.1086/430477> (дата обращения: 10 декабря 2019 г.).
12. *Davis D.* Genetic dilemmas: Reproductive technology, Parental choice and children futures. — Psychology Press, 2001. — 115 p.
13. *Rosato J.* The children of Art (Assisted reproductive technology): Should the Law Protect them from Harm // Utah Law Abstract. — 2004. — № 1. — Pp. 57—110.
14. *Somervill M.* Children’s human rights to natural biological origins and family structure // International Journal of the Family Law. — 2010. — № 35. — Vol. 1. — Pp. 35—53.

Материал поступил в редакцию 10 октября 2019 г.

³⁸ *О’Салливан С.* В поисках баланса между техническим прогрессом и уважением человеческого достоинства // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Права человека и биомедицина. Специальный выпуск. 2018. № 7. С. 10.

REFERENCES

1. Bogatyreva NV, Rossik VE, Bogatyrev VA, Shishkinskaya NV. Kommentariy k Federalnomu zakonu ot 5 yulya 1996. № 86-FZ «O gosudarstvennom regulirovanii v oblasti genno-inzhenernoy deyatelnosti» (postateynyy) [Comment to Federal law No. 86-FZ of July 5, 1996 "On state regulation in the field of genetic engineering" (article-by-article)]. Legal reference system "Konsultant Plus:" [Electronic resource]. «KonsultantPlus». (In Russ.)
2. Bersimbayev RI. Fundamentalnye issledovaniya i biotekhnologiya [Basic research and biotechnology]. *Biotekhnologiya. Teoriya i praktika* [Biotechnology. Theory and practice]. 2007;1:5-10. (In Russ.)
3. Vavilycheva T. Tendentsii razvitiya rossiyskoy sudebnoy praktiki po voprosam prav cheloveka v oblasti biomeditsiny [Trends in the development of Russian judicial practice on human rights issues in the field of Biomedicine]. *Pretsedenty Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka* [Precedents of the European Court of human rights]. 2017;9:20-31. (In Russ.)
4. Montgomery J. Modifikatsiya genoma cheloveka: vyzovy so storony sfery prav cheloveka, obuslovlennye nauchno-tekhnicheskimi dostizheniyami [Modification of the human genome: challenges from the field of human rights caused by scientific and technical achievements]. *Pretsedenty evropeyskogo suda po pravam cheloveka. Prava cheloveka i biomeditsina. Spetsialnyy vypusk* [Precedents of the European Court of human rights. Human rights and Biomedicine. Special issue]. 2018;7:29-42. (In Russ.)
5. Mokhov AA. Dela o preduprezhdenii prichineniya vreda v budushchem (na primere genomnykh issledovaniy i vnedreniya ikh rezultatov v praktiku) [Cases on prevention of harm in the future (on the example of genomic research and implementation of their results in practice)]. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa*. 2019;2:105-20. (In Russ.)
6. Muradyan EM. Preventivnye iski [Preventive claims]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2001;4:23-7. (In Russ.)
7. O'Sullivan S. V poiskakh balansa mezhdru tekhnicheskim progressom i uvazheniem chelovecheskogo dostoinstva [In search of a balance between technological progress and respect for human dignity]. *Pretsedenty evropeyskogo suda po pravam cheloveka. Prava cheloveka i biomeditsina. Spetsialnyy vypusk* [Precedents of the European Court of human rights. Human rights and Biomedicine. Special issue]. 2018;7:5-10. (In Russ.)
8. Popova OV. Issledovanie eticheskikh problem genetiki v otechestvennoy filosofskoy traditsii (k istorii idei biotekhnologicheskogo konstruirovaniya cheloveka) [Research on ethical problems of genetics in the domestic philosophical tradition (to the history of the idea of biotechnological construction of man)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2017;3:20-30. (In Russ.)
9. Trikoz EN. Zashchita prav cheloveka v kontekste razvitiya bioetiki i genomiki (obzor mezhdunarodnogo kruglogo stola) [Protection of human rights in the context of the development of bioethics and genomics (review of the international round table)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki* [RUDN Journal. Series: Legal Sciences]. 2019;23(1):141-54. (In Russ.)
10. Yudin BG. Chelovek kak obekt, potrebitel i mishen tekhnologii [Man as an object, consumer and target of technoscience]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Knowledge. Skill]. 2016;5:5-22. (In Russ.)
11. Anderson J. Review: Habermas J. The future of human nature. *Ethics*. 2005;115(4):816-21. Available from: <http://www.jstor.org/stable/10.1086/430477> [cited 2019 December 10]. (In Russ.)
12. Davis D. Genetic dilemmas: Reproductive technology, Parental choice and children futures. Psychology Press; 2001. (In Eng.)
13. Rosato J. The children of Art (Assisted reproductive technology): Should the Law Protect them from Harm. *Utah Law Abstract*. 2004;1:57-110. (In Eng.)
14. Somervill M. Children's human rights to natural biological origins and family structure. *International Journal of the Family Law*. 2010;35(1):35-53. (In Eng.)

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.143-147

M. Zekić*

Challenges and Perspectives of the EU Accession Policy — a Reflection on Criminal Law

Abstract. Should we join the European Union or not? The European Union is not some imaginative goal to be pursued. It requires and offers concrete solutions. At the same time, it seeks out and establishes values and obligations to be fulfilled and inserted in a concrete political life. These obligations and values are universal and it is up to each state to assess whether the acceptance and realization of those interests and values is in its own interest. It should be borne in mind that the legal state and the rule of law, respect for human rights and freedoms, a market economy with developed social policy, fight against corruption and terrorism and many other values that the European Union stands for are essential to every democratic society and exactly these values are a goal that every human being strives for. Eurasian integration is also in favor of these values, but instead of ultimatum and conditioning, they offer a more flexible negotiation method.

It is indisputable, at the moment, that in the region of the Western Balkans, the Republic of Serbia is at the back line of the European integration process. It has entered these processes as the last interested state, but in addition it constantly faces major internal problems and insufficient understanding, as well as new conditions that are constantly being set for its accession. If we add the fact that the decrease of the interest of citizens to join the European Union is currently being noticed, it is clear why the question of who to approach is becoming actualized. One of the goals of the reforms undertaken in the accession process is the harmonization of internal regulations with Communitarian Law. In doing so, it should be borne in mind that total harmonization is almost impossible.

Keywords: European Union; association; reforms; Criminal Law; policy; problems; Eurasian integration.

Cite as: Zekić M. Challenges and Perspectives of the EU Accession Policy — a Reflection on Criminal Law. *Lex russica*. 2020;73(5):143-147. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.143-147. (In Eng., abstract in Russ.).

Вызовы и перспективы политики расширения ЕС. Размышления об уголовном праве

Marija Zekić, магистр права, адвокат
ул. Воеводы Браны, д. 19, Белград, Сербия, 110000
marijabuena@gmail.com

Аннотация. Должны ли мы вступать в Европейский Союз или нет? Вступление в Европейский Союз — это не какая-то воображаемая цель, которую мы преследуем. Эта цель требует и предлагает конкретные решения. В то же время она выявляет и устанавливает ценности и обязательства, которые должны выполняться и стать частью определенной политической жизни. Эти обязательства и ценности являются универсальными, и каждое государство само должно определить, отвечает ли принятие и реализация этих интересов и ценностей интересам страны. Следует иметь в виду, что правовое государство и верховенство права, уважение прав и свобод человека, рыночная экономика с развитой социальной политикой, борьба

© Zekić M., 2020

* Zekić Marija, Master of Law, Lawyer
ul. Voevody Brany, d. 19, Belgrade, Serbia, 11000
marijabuena@gmail.com

с коррупцией и терроризмом и многие другие ценности, за которые выступает Европейский Союз, необходимы каждому демократическому обществу и именно эти ценности являются целью, к которой стремится каждый человек. Евразийская интеграция также выступает за эти ценности, но вместо ультиматума и условий она предлагает более гибкий подход к переговорам.

В настоящее время бесспорно, что в регионе Западных Балкан Республика Сербия находится на переднем крае процесса европейской интеграции. Однако Сербия постоянно сталкивается с серьезными внутренними проблемами и недостаточным их пониманием, а также с новыми условиями, которые постоянно ставятся перед ней для присоединения к ЕС. Если добавить, что в настоящее время наблюдается снижение интереса граждан к вступлению страны в Европейский Союз, становится ясно, почему актуализируется вопрос о том, к кому необходимо обращаться. Одной из целей реформ, проводимых в процессе присоединения, является приведение внутреннего законодательства в соответствие с нормами коммунитарного права. При этом следует иметь в виду, что полная гармонизация права практически невозможна.

Ключевые слова: Европейский Союз; объединение; реформы; уголовное право; политика; проблемы; евразийская интеграция.

Для цитирования: Zekić M. Challenges and Perspectives of the EU Accession Policy — a Reflection on Criminal Law // *Lex russica*. — 2020. — Т. 73. — № 5. — С. 143—147. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.143-147.

There is no doubt that Europe is the cradle of civilization that continues to be a role model to many modern countries today. The Republic of Serbia, not only territorially but also by its rich history, belongs to the European cultural area. Due to its geopolitical position, Serbia often bore impacts by many forces that wanted and sought to gain control over this region. It is for these reasons that Serbia and its citizens have often been confronted with the Hamlet dilemma. Starting from which way to go, who to choose as a friend, as an ally and as a companion in arms, up to which socio-economic system to build and develop. Of course, through historical development, Serbia has sometimes resolved this dilemma with great success, and sometimes it had expensively paid for its choices.

At the beginning of the 21st century, Serbia is again facing the Hamlet dilemma, whether to accept the values of the European Union and become its equal member or to join Eurasian integrations? There is no simple answer to this question. Many scientists, social workers and prominent politicians have expressed their views on this life issue. In recent times, many intellectuals hold point of view in which Serbia doesn't belong to the European Union, and that by joining the EU it will lose its sovereignty and that it will not make economic progress. They advocate that Serbia binds its future to the Eurasian Union, because they believe that the alliance will allow faster economic and every other prosperity. However, there are still opinions that start from the fact that the values espoused by the European Union are overall accepted, universal, accepted by most European countries and that Serbia belongs to that family.

It is necessary to start from the fact that the European Union is not a magic word that has the power and the solution to all problems. It is a living organism that is being built, developed and promoted. At every stage of socio-economic development, its institutions are being upgraded and changed. Some states, EU founding countries, dissatisfied with the direction of the undergoing reforms, as well as with their intensity, are proceeding with an exit from this organization.

It is indisputable that at that stage of social development, when there was a rapprochement in the field of economic relations between the countries of the European Union, the desire to create more complete and stronger institutional cooperation was born. Not only in this field but also in the field of political cooperation, and also in the development and functioning of the common market, as well as the harmonization of their legislation. At numerous international conferences, the European Union has continually sought to increase the protection of common interests, strengthen democracy and the rule of law, respect for human rights and fundamental freedoms, strengthen judicial and civil justice cooperation and cooperation in the field of internal affairs.

Countries that want to become equal members of the European Union have to align their legislation with the legislation of the European Union, i.e. the *acquis communautaire*. As a general term, the *acquis communautaire* comprehends all that the European Communities have achieved in legal, political, economic and administrative terms in order to achieve the objectives set before the European Community and later the European Union. In the praxis of accession to the European Union so far, problems in the functioning of the

judiciary have been expressed in all countries, and shortcomings of the system were not rare, which is the reason why the judiciary was not independent. In addition, inefficient and politicized administration was present in all countries. Under such conditions, it was impossible to develop and affirm the rule of law, as institutions most often did not act in accordance with their Constitution and established powers.

In order to fully harmonize national criminal legislation, such changes are often made so that acts that have never occurred in the history of an acceding country have been prescribed as criminal offenses. Such a Criminal Law is not capable of effectively responding to the challenges of the 21st century, and the judicial power, since it is an imprecisely formulated legal norm, is unable to apply it.

In what direction should the criminal legislation be reformed in the 21st century, that is, in the period of transformation of the judicial system of the Republic of Serbia. It is well-known that the centuries-old aspirations of progressive humanity were directed in such a way that the perpetrators of the crime, no matter where the crime was committed and who did it, should not escape the punishment deserved. That is why the idea of harmonizing criminal legislation or establishing a generally accepted international criminal court arose very early. Numerous scientific and other creators have contributed to the realization of this idea. The experience gained through the work of the courts in Nuremberg and Tokyo, and even the ad hoc tribunals formed for the former Yugoslavia, significantly contributed to the embodiment of this idea. The period of open divergences of blocks, especially expressed in the Cold War era, had a negative impact on the idea of creating an international criminal justice system.

The international criminal justice system today is realistically limited by the existence of two levels: national and international, which together should form a unified system. We are confronted with the fact that the political goals of individual powerful countries are not intended to strengthen the international judiciary. In these countries, international criminal standards are not incorporated into national criminal legislation as super national norms. There is no practical application of international criminal justice by national courts.

Each stage of the development of human society is characterized by the relationship of man as an individual towards it, a man who was able

to survive and develop his personality in relation to other people. Modern society, characterized by the increasingly open globalization of the world, offers us countless different destructive views of modern society. Man, as an individual loses meaning and significance because, more than ever, globalization is trying to impose a false identity, virtual values, fictional rights and a false future on human society. In this way, violence against man and his nature is being performed and his nature is becoming less and less a part of a social community tailored to its needs.

Despite such efforts, there is a difference today in the development of the legal systems of individual states, which in practice leads to the same rights being protected in different ways and with different success from state to state. Therefore, there is an obligation to harmonize the Criminal Law, regardless of whether one is aspiring to the EU or to the EAEU. It is an indisputable fact that almost all the countries of the world at the beginning of the 21st century are more or less faced with phenomena such as: organized crime; corruption; terrorism; human trafficking; endangering human rights and freedoms; money laundering; computer crime and similar. These forms of criminal activity represent the most serious threat to the initiated reforms of the criminal legislation and the realization of universal human rights and freedoms. The successful fight against these crimes forms the cornerstone of the exercise of human freedoms and rights as universal values, in which Criminal Law plays an indispensable role.

Aware of the problems encountered in harmonizing the legal system, the European Union has provided various financial assistance programs to EU 's accession countries, in order to facilitate the necessary reforms as easily as possible. One of these programs is the PHARE program, which aims to strengthen the capacity of the judiciary and administration (institution building) with the assistance of national experts from Member States, as well as to support institutions related to acquisitions and enforcement of achievements. Such programs constitute a financial component of assistance in accession to the European Union. In the last ten years alone, some € 28 billion of non-refundable aids have been granted from the EU budget.

It is justified to ask a question where is the Republic of Serbia in all the above stated processes? The cooperation between the Republic of Serbia and the European Union is not of recent

date. This cooperation has been going on for over 35 years and is full of successes and downfalls as well as of creation of new instruments, both for cooperation and for sanctions. One should not lose sight of the fact that during this period, the Republic of Serbia has gone through three state structures (SFRY, FRY and the State Union of Serbia and Montenegro).

It is necessary to create a compatible legal system of Serbia with the European Union in order to enable efficient functioning and effective implementation of the adopted laws and regulations, as well as quality administrative and judicial infrastructure, so that they can be properly and effectively implemented.

It is of utmost importance for the Republic of Serbia to regulate cooperation in the area of justice, freedom and security, that is, in the field of justice and home affairs. In the reform processes that the Republic of Serbia must undertake, it is necessary to ensure the strengthening of the

rule of law and the enforcement of rights, the development of judicial mechanisms, and the strengthening of institutions at all levels. A special place belongs to strengthening and developing an independent judiciary and improving its efficiency, as well as permanently improving the professional competence of court employees. The overall assessment is that the judicial system in the Republic of Serbia is heavily influenced by the executive authority.

During the reform of the criminal legislation, considerable attention must be paid to fighting rising crime, which includes the prevention and suppression of crime and other illegal activities, such as: drug trafficking and drug consumption, human trafficking, corruption, money laundering, illicit trade in goods, smuggling, illicit arm trafficking, terrorism and similar. In all these fields, the Republic of Serbia is taking significant steps to fight them, but this struggle must be even more fruitful.

REFERENCES

1. *Berend T. I.* The Contemporary Crisis of the European Union: prospects for the future. — New York : Routledge, 2017.
2. *Gareis S., Hauser G. and Kernic F.* The European Union — A Global Actor? — Leverkusen FRG : Barbara Budrich Publishers, 2013.
3. *Grinin L., Korotayev A., Tausch A.* Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery. — New York : Dordrecht ; London: Springer International, 2016.
4. *Kenealy D., Peterson J. and Corbett R.* The European Union: How does it work? — Oxford : Oxford University Press, 2015.
5. *King D. and Le Galès P.* Reconfiguring European States in Crisis. — Oxford : Oxford University Press, 2017.
6. *Васић Д., Радић И., Симић М., Хрњаз М., Милосављевић М.* Учимо о Европи. — Београд : Центар за слободне изборе и демократију, 2005.
7. *Вукадиновић Р.* Увод у институције и право Европске уније. — Крагујевац : Правни факултет, 2014.
8. *Драгојловић Н.* Србија у процесу европских интеграција. — Београд : Европски покрет у Србији, 2012.
9. *Камбовски В.* Казнено право. — Скопље : Просвета, 2016.
10. *Камбовски В.* Основни проблеми судског права као гарант правне сигурности. Зборник радова. — Београд : Тара, 2007.
11. *Ковач О.* Регионални приступ Европске уније сарадњи држава претходне Југославије // Међународна политика, бр. 1051 (1996): 1—4.
12. *Кошутић Б., Ракић Б. и Милосављевић Б.* Увод у право европских интеграција. — Београд : Правни факултет Универзитета у Београду, Центар за издаваштво и информисање, 2013.
13. *Лопандић Д. и Кроња Ја.* Регионалне институције и мултилатерална сарадња на Балкану. — Београд : Европски покрет у Србији, 2010.
14. *Међак В.* Споразум о стабилизацији и придруживању — ССП // Европски стандарди у Србији : зборник радова / уредник Је. Милић. — Београд : Фонд Центар за демократију, 2009.
15. *Ного С.* Судско право. — Београд : Мегатренд, 2010.

Материал поступио в редакцију 12 марта 2020 г.

REFERENCES

1. Berend TI. *The Contemporary Crisis of the European Union: prospects for the future*. New York: Routledge; 2017. (In Eng.)
2. Gareis S, Hauser G and Kernic F. *The European Union — A Global Actor?* Leverkusen FRG: Barbara Budrich Publishers; 2013. (In Eng.)
3. Grinin L, Korotayev A, Tausch A. *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery*. New York: Dordrecht; London: Springer International; 2016. (In Eng.)
4. Kenealy D, Peterson J and Corbett R. *The European Union: How does it work?* Oxford: Oxford University Press; 2015. (In Eng.)
5. King D and Le Galès P. *Reconfiguring European States in Crisis*. Oxford: Oxford University Press; 2017. (In Eng.)
6. Vasich D, Radich I, Simich M, Khrnaz M, Milosavlevich M. *Uchimo o Evropi*. Beograd: Tsentar za slobodne izbore i demokratiju; 2005. (In Serb.)
7. Vukadinovich P. *Uvod u institutsie i pravo Evropske unie*. Kragujevac: Pravni fakultet; 2014. (In Serb.)
8. Dragoylovich N. *Srbija u protsesu evropskikh integratsiya*. Beograd: Evropski pokret u Srbii; 2012. (In Serb.)
9. Kambovski V. *Kazneno pravo*. Skopje: Prosveta; 2016. (In Serb.)
10. Kambovski V. *Osnovni problemi sudskog prava kao garant pravne sigurnosti*. Zbornik radova. Beograd: Tara; 2007. (In Serb.)
11. Kovach O. *Regionalni pristup Evropske unie saradni drzhava pretkhodne Jugoslavie*. *Mezhdunarodna politika*, br. 1051. 1996. (In Serb.)
12. Koshutich B, Rakich B, Milosavlevich B. *Uvod u pravo evropskikh integratsija*. Beograd : Pravni fakultet Universiteta u Beogradu, Tsentar za izdavashtvo i informisane; 2013. (In Serb.)
13. Lopandich D and Krona Ja. *Regionalne institutsije i multilateralna saradna na Balkanu*. Beograd: Evropski pokret u Srbii; 2010. (In Serb.)
14. Mezhak V. *Sporazum o stabilizatsii i pridruzhivanu — SSP*. In: Milich Je, editor. *Evropski standardi u Srbiji : zbornik radova*. Beograd: Fond Tsentar za demokratiju; 2009. (In Serb.)
15. Nogo S. *Sudsko pravo*. Beograd: Megatrend; 2010. (In Serb.)

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.148-156

А. Н. Сиряков*

Классификация осужденных к лишению свободы в Испании

Аннотация. Статья посвящена правовому регулированию первичного и последующего присвоения первой, второй, третьей или индивидуальной степени осужденным, содержащимся в местах лишения свободы Испании. Формулируются понятие и задачи пенитенциарной классификации, раскрывается ее процедура, критерии, а также исключения из правил. Распределение осужденных по степеням имеет юридическое последствие. Оно состоит в направлении осужденных в пенитенциарные учреждения (отделения) определенного режима с соответствующими условиями отбывания наказания. Субъектами, участвующими в процедуре присвоения степени или пересмотра степени (прогресс или регресс), являются пенитенциарные учреждения и органы, ими управляющие, а по отношению к квалификации в третью (самую мягкую) степень — суд по надзору за пенитенциарными учреждениями. Обращается внимание на важнейший принцип испанской пенитенциарной системы — научную индивидуализацию наказания. В чистом виде он означает, что присвоение осужденному степени не привязывается к фактическому сроку отбытия наказания, виду преступления, его характеру, а определяется исключительно личными данными и индивидуальной программой исправления. Однако в настоящее время первоначальная классификация и пересмотр степени зависят не только от указанных факторов, но и от уголовно-правовых, криминологических и уголовно-исполнительных данных. Особенностью является также возможность присвоения индивидуальной степени, которая сочетает в себе характеристики различных степеней и является примером гибкости в процессе достижения главной цели пенитенциарной деятельности — перевоспитания и социальной реинтеграции осужденных к лишению свободы. В российском уголовно-исполнительном законодательстве при распределении осужденных также используются приемы классификации, когда суд назначает вид исправительного учреждения, а администрация учреждения изменяет условия содержания и выносит ходатайство об изменении вида учреждения. В двух последних случаях вполне возможно улучшить отечественное законодательство посредством установления критериев и системы классификации на основе исправления и отношения к основным средствам исправления.

Ключевые слова: исполнение лишения свободы; пенитенциарные учреждения; лишение свободы; классификация осужденных; степени классификации; критерии классификации; Испания; индивидуализация наказания.

Для цитирования: Сиряков А. Н. Классификация осужденных к лишению свободы в Испании // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 5. — С. 148—156. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.148-156.

Classification of Persons Sentenced to Imprisonment in Spain

Aleksey N. Siryakov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Penal Law, Academy of FSIN of Russia
ul. Sennaya, d. 1, Ryazan, Russia, 390000
643350@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the legal regulation of the initial and subsequent assignment of the first, second, third or individual degrees to convicts held in Spanish prisons. The concept and tasks of the penitentiary classification are formulated, its procedure, criteria, and exceptions to the rules are revealed. The distribution of

© Сиряков А. Н., 2020

* Сиряков Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России
Сенная ул., д. 1, г. Рязань, Россия, 390000
643350@mail.ru

convicts by degree has a legal consequence. It consists in sending convicts to penitentiary institutions (departments) of a certain regime with appropriate conditions for serving their sentences. The subjects involved in the procedure for awarding a degree or revising a degree (progress or regression) are the penitentiary institutions and their governing bodies, and in relation to the qualification to the third (mildest) degree, the penitentiary supervision court. Attention is given to the most important principle of the Spanish penitentiary system — the scientific individualization of punishment. In its purest form, it means that the assignment of a degree to a convicted person is not tied to the real term of serving the sentence, the type of crime, or its nature, but is determined solely by personal data and an individual correction program. However, at present, the initial classification and revision of the degree depend not only on these factors, but also on the criminal law, criminological and penal data. A special feature is also the possibility of awarding an individual degree, which combines the characteristics of various degrees and is an example of flexibility in the process of achieving the main goal of penitentiary activities — re-education and social reintegration of prisoners sentenced to imprisonment.

In Russian penal enforcement legislation, classification techniques are also used in the distribution of convicts, when the court appoints the type of correctional institution, and the administration of the institution changes the conditions of detention and makes a request to change the type of institution. In the latter two cases, it is quite possible to improve domestic legislation by establishing criteria and a classification system based on correction and treatment of the main means of correction.

Keywords: enforcement of imprisonment; penitentiary; imprisonment; classification of prisoners; degree classification; classification criteria; Spain; individualization of punishment.

Cite as: Siryakov AN. Klassifikatsiya osuzhdennykh k lisheniyu svobody v Ispanii [Classification of Persons Sentenced to Imprisonment in Spain]. *Lex russica*. 2020;73(5):148-156. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.148-156. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Общепринятым стандартом при размещении осужденных в местах принудительного содержания являются указанные в Правилах Нельсона Манделы¹ рекомендации по раздельному содержанию людей по полу, возрасту, юридическим основаниям (правило 11) и классификации на категории для облегчения работы по возвращению их в общество (правило 93).

Правовые установления Королевства Испании в этом вопросе не являются исключением. Статья 16 Органического закона 1/1979, 26 сентября «Основы исправительных учреждений» (в ред. от 01.07.2003) (*Ley Orgánica 1/1979, de 26 de septiembre, General Penitenciaria*, далее — LOGP) требует несовместного содержания мужчин и женщин, взрослых и несовершеннолетних, подсудимых и осужденных, совершивших умышленные и неосторожные преступления, здоровых и больных. Наряду с таким пенитенциарным разделением (*la separación penitenciaria*) испанскому законодательству и правоприменительной практике присуща пе-

нитенциарная классификация (*la clasificación penitenciaria*). Она представляет собой формализованную процедуру, проводимую администрацией учреждения, по отнесению каждого осужденного к конкретной группе (степени)² в зависимости от его психологических, социальных, уголовно-правовых и пенитенциарных данных. Основная задача пенитенциарной классификации — способствовать реализации ч. 2 ст. 25 Конституции Испании, ориентирующей исполнение лишения свободы на перевоспитание и социальную реинтеграцию. Достижению этой цели служит, согласно ст. 59 LOGP, пенитенциарное исправление, которое, в соответствии со ст. 63 и 72 того же документа, должно быть индивидуальным, чему способствует распределение осужденных по степеням для определения наиболее подходящего им режима. Предусматривается три классификационные степени (*grados de clasificación*), каждая из которых не только определяет правовой статус осужденного, но и является основанием для его нахождения в учреждении (отделении) соответствующего режима, в конкретных усло-

¹ Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/175> (дата обращения: 07.10.2019).

² *Gómez Leganés S.* La evolución de la clasificación penitenciaria. Madrid, 2003. P. 61. URL: <http://www.interior.gob.es/documents/642317/1201664/La+evoluci%C3%B3n+de+la+clasificaci%C3%B3n+penitenciaria+%28NI+PO+126-10-054-3%29.pdf/dbaec3c9-bdfe-43fa-8714-23ada8c25594> (дата обращения: 07.09.2019).

виях содержания. Первую степень квалификации осужденного означает направление его в закрытые учреждения, в которых меры контроля и безопасности являются самыми строгими. Вторая степень соответствует учреждению с обычным режимом. Третья — с открытым (полусвободным).

Интересно, что в настоящее время программным документом Правительства России в сфере исполнения уголовных наказаний³ отмечена необходимость совершенствования пенитенциарной деятельности с учетом международных стандартов, однако в действующем уголовно-исполнительном законодательстве термин «классификация» вообще не употребляется, в отличие, например, от Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г.⁴ Вместе с тем в научной сфере активно обсуждаются уровни классификации осужденных⁵, критерии классификации⁶, а в самих учреждениях проводится работа по распределению осужденных в зависимости от их психолого-педагогических, криминологических и иных особенностей личности. В связи с этим зарубежный опыт правового регулирования этой сферы может представлять не только познавательный, но и практический интерес.

Правовые акты о пенитенциарной классификации

В современной Испании общественные отношения по поводу пенитенциарной классификации получили регулирование в трех документах: LOGP, Уголовном кодексе (Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre, del Código Penal) и Королевском декрете 190/1996 от 9 февраля «Об утверждении Пенитенциарного регламента» (Real Decreto 190/1996, de 9 de febrero, por el que se aprueba el Reglamento Penitenciario, далее — RP). В них формулируются правовые установления о процедуре пенитенциарной классификации, ее критериях, об исключениях из правил.

Процедура пенитенциарной классификации

Пенитенциарная классификация состоит в комплексе мер по первоначальной классификации и осуществлению ее пересмотра.

Первоначальная классификация. С момента попадания осужденного в пенитенциарное учреждение специалисты Технической группы (Equipo Técnico) анализируют его личность посредством бесед, исследования личного дела, наблюдения. На основе этих мероприятий уточняются биографические данные, ближайшее окружение человека, криминологический тип личности, решается вопрос о возможности совершения им новых преступлений, принимается во внимание продолжительность приговора, социальная среда, куда возвратится осужденный. Затем информация передается в коллегиальный орган пенитенциарного учреждения — Совет по исправлению (Junta de Tratamiento), который не позднее чем через два месяца с момента поступления копии приговора в учреждение формулирует в отношении осужденных на срок свыше одного года обоснованные предложения в виде представления к первоначальной степени классификации, индивидуальной программы исправления, назначения соответствующего учреждения и направляет их в Руководящий центр (Centro Directivo) (ст. 273 RP)⁷. Указанный орган в течение еще двух месяцев выносит решение по представлению, классифицируя осужденных в одну из трех степеней. При этом решающее значение при равных уголовно-правовых условиях будут иметь личностные факторы осужденного и его индивидуальная программа исправления. Они позволяют отнести осужденных, совершивших одинаковые преступления, к разным квалификационным степеням (за некоторым исключением), что повлечет за собой неодинаковый режим отбывания наказания и разные условия содержания. Такой подход представляет собой так называемую систему научной индивидуализации исполнения уголов-

³ См.: распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

⁴ См.: постановление ВЦИК 16 октября 1924 г. «Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870.

⁵ См.: Южанин В. Е. Современные проблемы классификации осужденных и распределения их в исправительном учреждении // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2 (20). С. 14—18.

⁶ См.: Савушкин С. М. Общие положения классификации осужденных к лишению свободы // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 166—169.

⁷ При осуждении на срок менее одного года единогласное решение формулируется Советом, за исключением классификации в первую степень.

ного наказания (El sistema de individualización científica) — главный лозунг испанского пенитенциарного законодательства⁸. По данным Генерального секретариата пенитенциарных учреждений, из общего числа классифицированных осужденных Испании в 2017 г., а это 51 744 человека, первоначальной классификации было подвергнуто 19 665 осужденных⁹.

В российском законодательстве режим учреждения для отбывания лишения свободы определяется приговором суда. Суд, в свою очередь, опирается на положения ст. 58 УК РФ и постановление Пленума Верховного Суда от 29.05.2014 № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений». Администрация исправительного учреждения конкретного вида приступает к исполнению наказания, помещая осужденного в отряд с обычными условиями отбывания наказания, за исключением требований ст. 122, 124, 127, 130 УИК РФ. Изучение личности осужденного в период нахождения в карантинном помещении позволяет администрации направить его в конкретный отряд, в котором он будет проживать. При направлении осужденного в учреждение федеральный и территориальный орган управления уголовно-исполнительной системой также не имеют возможности определить вид режима. Ввиду значительной численности осужденных и мест лишения свободы это решение представляется оправданным.

Пересмотр классификации. В ходе исполнения уголовного наказания, в соответствии со ст. 65 LOGP, каждые 6 месяцев производится пересмотр первоначальной классификации, то есть выявляется прогресс или регресс в степени, что предполагает изменение типа учреждения или режима и условий содержания. Процедура эта осуществляется в сроки, установленные для первоначальной классификации. Однако Совет по исправлению вправе отказать осужденному в направлении предложения в Руководящий центр, если считает это нецелесообразным. В случаях, когда один и тот же Совет вновь повторяет классификацию пер-

вой степени, заключенный может потребовать, чтобы его следующее предложение о классификации было внесено в Наблюдательный совет (Central Penitenciaria de Observación). Такое же право предоставляется при аналогичных обстоятельствах в случае нахождения во второй степени и отбытии половины срока. На практике количество таких случаев невелико и в среднем составляет около 2 % от общего числа осужденных лиц.

Прогресс степени означает положительное изменение таких сторон личности, которые непосредственно связаны с преступной деятельностью, что проявляется в поведении осужденных, влечет за собой повышение к ним доверия и предоставление им больших свобод. Классификация в третью степень, в отличие от обычного порядка, утверждается Судом по надзору. При этом, по первоначальной мысли авторов закона, прогресс степени не мог быть увязан с какими-либо формальными сроками фактического отбытия лишения свободы — еще одним примером реализации системы научной индивидуализации. Однако в настоящее время, после внесения изменений в законодательство, такое правило применимо лишь в отношении осужденных на срок не свыше 5 лет (ч. 2 ст. 36 УК Испании), что позволило назвать систему научной индивидуализации в нынешнем виде правовой иллюзией¹⁰, является возвратом к классической прогрессивной системе и отходом от идей социальной реинтеграции осужденных. За 12 месяцев 2017 г. прогресс степени был отмечен в отношении 6 857 человек. Регресс — у 2 197 человек, которые продемонстрировали отрицательную динамику при прогнозе социальной интеграции, личности и поведения. Еще в отношении 18 008 осужденных пересмотр классификации результатов не дал, а дела 5 017 человек находились на рассмотрении.

Важно отметить, что даже если осужденный не принимает участия в программе исправления, то есть не участвует в мероприятиях, организуемых в учреждении, то согласно ст. 106

⁸ Подробнее об этом см.: Bermejo F. D. Individualización científica y tratamiento en prision. Madrid, 2014. P. 439. URL: http://www.interior.gob.es/documents/642317/1201664/Individualizaci%C3%B3n_cientifica_y_tratamiento_en_prisi%C3%B3n_126140622.pdf/f3e5a423-429c-44f9-8010-b2e9a89656f0 (дата обращения: 08.10.2019).

⁹ Здесь и далее данные статистики см.: Informe General IIPP 2017 // URL: <http://www.interior.gob.es/web/archivos-y-documentacion/documentacion-y-publicaciones/publicaciones-descargables/instituciones-penitenciarias/informe-general> (дата обращения: 25.09.2019).

¹⁰ См.: Gómez Leganés S. La evolución de la clasificación penitenciaria.

и ч. 4 ст. 112 решение о прогрессе или регрессе степени определяется путем непосредственного наблюдения за поведением и соответствующих докладов пенитенциарного персонала Экспертных групп, имеющих отношение к заключенному, а также с использованием имеющихся документальных данных. Испанскому законодателю также известен термин «временный регресс» (*Regresión provisional*), который означает временный перевод осужденного из третьей степени во вторую в качестве обеспечительной меры. Например, когда осужденные привлекаются в качестве обвиняемых по новому делу.

Сходство с институтом пересмотра классификации можно усматривать в изменении условий содержания и вида исправительного учреждения в российском законодательстве. УИК РФ допускает возможность администрации учреждения принять решение о переводе осужденного в другие условия отбывания наказания в рамках одного режима (с меньшим или большим количеством правоограничений) (ст. 87) либо внести в суд представление об изменении вида исправительного учреждения (изменении режима) (ст. 78).

Критерии пенитенциарной классификации

Критерии, установленные российским законодателем для изменения условий содержания (отбытие определенного срока, отсутствие взысканий и добросовестное отношение к труду) и изменения вида исправительного учреждения (отбытие части срока, признание осужденного положительно характеризующимся либо злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, уголовно-правовые требования), не являются необычными для испанского законодательства.

В Испании в первую степень классифицируются осужденные, являющиеся крайне опасными или явно не приспособленными к общим правилам упорядоченного общежития в условиях обычного или открытого режима. К ним, согласно ст. 91 и 102 RP, относятся:

- осужденные, характер преступлений которых на протяжении всей их преступной деятельности указывает на агрессивную, насильственную и антисоциальную личность;
- совершившие преступления, посягающие на жизнь или физическую неприкосновенность личности, сексуальную свободу или соб-

- ственность, совершенные особо жестокими способами или в особо жестоких формах;
- члены преступных организаций или вооруженных банд, если они демонстрируют в обоих случаях явные признаки соблюдения внутренней дисциплины указанных организаций или группировок;
- активные участники бунтов, беспорядков;
- неоднократные нарушители дисциплины, совершившие серьезные или очень серьезные правонарушения;
- зачинщики и злостные нарушители режима содержания, подвергнувшие опасности жизнь и здоровье персонала, администрации, других осужденных или посторонних лиц как внутри, так и за пределами исправительного учреждения;
- допустившие ввоз или хранение огнестрельного оружия в пенитенциарных учреждениях, а также хранение ядовитых веществ, наркотических средств и психотропных веществ в значительном количестве для целей незаконного оборота.

Из общего числа классифицированных осужденных Испании в 2017 г., по данным Генерального секретариата пенитенциарных учреждений, первую степень классификации имели 2,3 %, или 1 186 человек.

Во вторую степень, согласно ст. 92 и 102 RP, квалифицируются осужденные, которые в силу некоторых личных обстоятельств и нормально-го пенитенциарного сосуществования не способны жить в данный момент в условиях полусвободы либо демонстрирующие позитивные изменения, что выражается в таких факторах, как: заинтересованность в участии и сотрудничестве в запланированных воспитательных мероприятиях; отсутствие в течение длительного времени взысканий или их погашение; должное отношение к другим. К данной степени были отнесены наибольшее число осужденных — 71,6 %, или 37 029 человек.

В третью степень, как требует статья 102 RP, переводятся осужденные, которые в силу своих личных и пенитенциарных обстоятельств имеют право на режим жизни в условиях полусвободы. К этой степени в 2017 г. были отнесены 26,1 % (13 529 человек).

Для классификации в третью степень основное требование изложено в Уголовном кодексе, а также в ст. 72 LOGP и ч. 3 ст. 104 RP. В соответствии с указанными документами, это минимальный срок фактического отбывания наказания. Так, в RP зафиксирован общий ми-

минимальный срок фактического отбытия наказания — 1/4 часть назначенного наказания. При этом осужденный обязан пройти курс обучения, достаточный для получения надлежащих знаний, иметь положительно характеристику личности, семьи, социальной среды, в которую он возвращается. В статьях 36, 78 и 78-bis УК Испании этот срок увеличен и зависит от лица, совершившего преступление, вида преступления и срока наказания. Он составляет при совершении единичного преступления 1/2 назначенного наказания, 15 или 20 лет. При совокупности преступлений — 1/5 максимального предела общей суммы назначенных наказаний либо 18, 20, 22, 28, 35 лет.

При совершении единичного преступления 20 лет потребуются находиться в местах принудительного содержания осужденным к пожизненному заключению с возможностью пересмотра за подстрекательство, создание, организацию, руководство террористической организацией или участие в ней, а также совершение террористических преступлений (гл. VII разд. XXII ч. II); по всем остальным деяниям — 15 лет. Минимальный срок фактического отбытия в размере 1/2 от назначенного наказания устанавливается в отношении осужденных на срок свыше 5 лет за преступления, перечисленные в гл. VII разд. XXII ч. I; совершенные в рамках преступной организации или группы; развратные действия в отношении несовершеннолетних, не достигших 16 лет, а также половое сношение с ними (ст. 183); преступления, связанные с проституцией, сексуальной эксплуатацией и развращением лиц, не достигших 13 лет (гл. V разд. VIII ч. II).

В случае совокупности преступлений испанский законодатель предусмотрел возможность назначения наказания выше 20-летнего максимального предела, в 25, 30 или 40 лет. В случае, когда лицу было назначено наказание менее половины этих максимальных сроков по преступлениям террористического характера или в группе, возможность для классификации в третью степень может наступить по отбытии 1/5 максимального предела общей суммы назначенных наказаний. Если лицо осуждается по совокупности преступлений и наказанием за одно из которых является пожизненное заключение с возможностью пересмотра, то для квалификации в третью степень требуется отбытие не менее 18 лет (если по остальным преступлениям наказание в совокупности не превышает 5 лет); 20 лет (если по остальным

преступлениям наказание в совокупности не превышает 15 лет); 22 года (если по остальным преступлениям назначено наказание в 25 лет и более). В отношении лиц, совершивших террористические преступления и осужденных к пожизненному заключению с возможностью пересмотра, минимальное количество времени, проведенного в местах принудительного содержания, составит 24 года (если по остальным преступлениям наказание в совокупности не превышает 15 лет) и 32 года (если по остальным преступлениям назначено наказание в 25 лет и более).

Классификация в третью степень, помимо требований, установленных в УК, предполагает, как это закрепляет ст. 72 LOGP при совершении преступлений против собственности, прав трудящихся, безопасности общества, государственной службы, включенных в гл. V—IX титула XIX ч. II Уголовного кодекса, оценку обогащения осужденного в результате совершенного им преступления, характера ущерба и количества потерпевших, чтобы на этой основе осуществить действия по возмещению вреда, причиненного преступлением: возвращение похищенного, возмещение ущерба, компенсацию морального вреда. В отношении лиц, совершивших террористические преступления или преступления в рамках преступных организаций, помимо вышеназванных условий, устанавливаются дополнительные требования: отказ от участия в террористической или организованной преступной деятельности; активное сотрудничество со следствием, способствовавшее получению доказательств преступной деятельности или предотвращению иных преступлений; просьба о прощении от жертв преступления; информация, подтверждающая указанные действия.

Однако в ситуации, когда осужденному исполнилось 70 лет, либо при наличии у него неизлечимого заболевания суд, исходя из гуманитарных соображений и учитывая позицию прокуратуры, пенитенциарного учреждения и других сторон, может осуществить классификацию осужденного в третью степень вне зависимости от показателей, необходимых для классификации. Обо всех решениях по классификации или переводу в третью степень, принятых Руководящим центром или по единодушному согласию Совета по исправлению, уведомляется прокуратура.

Как видим, испанским законодательством устанавливаются уголовно-правовые (срок на-

казания, характер преступления); индивидуальные (психологическое состояние, возраст, наличие социальных навыков и др.); криминологические (тип преступника, криминальная карьера и т.п.); уголовно-исполнительные критерии (степень классификации, поведение, фактическое отбытие срока); прогноз поведения; социальная среда до осуждения и после освобождения.

Исключения из общих правил

Важнейшим исключением во всей системе пенитенциарной классификации осужденных является возможность внесения экспертной группой предложений Совету по исправлению о квалификации осужденного не в первую, вторую или третью степень, а в индивидуальную. Индивидуальная степень представляет собой синтез характерных черт всех или некоторых степеней при условии, что они основаны на реализации конкретной программы исправления, учитывающей индивидуальные особенности осужденного. Эта исключительная мера требует последующего одобрения соответствующего судьи по надзору (ст. 72 LOGP, ст. 74, 100, 101 RP). Например, осужденный, классифицированный в первую степень, может получить больше времени для нахождения вне камеры, возможность выхода за пределы учреждения для выполнения конкретной программы исправления и т.д. Как указано в ст. 71 LOGP, степень ограничений должна рассматриваться как средство, а не как самоцель. Именно поэтому испанский законодатель называет данную меру примером реализации принципа гибкости, который лежит в основе уже упомянутой научной индивидуализации исполнения уголовного наказания. Вместе с тем в научной литературе отмечается, что данное исключение вызывает вопросы. Во-первых, оно создает риск произвола со стороны пенитенциарной администрации. Во-вторых, размывает границы традиционных степеней классификации и соответствующих им режимов. В-третьих, нарушает равенство осужденных перед законом, предоставляя осужденным во вторую степень привилегии третьей степени без возмещения, например, ущерба, причиненного преступлением, или без отбытия необходимого минимального срока, как этого требует Уголов-

ный кодекс¹¹. В 2017 г. данная мера была применена к 3 % всех осужденных (55 осужденным в первую степень, 1 715 — во вторую степень и 1 в третью).

Остальные исключения не вызывают каких-либо серьезных споров и в целом понятны и логичны. Так, осужденные, классифицированные к первой степени, по прямому разрешению судьи по надзору в случае смерти или серьезного заболевания родителей, супруга, детей, братьев и сестер и других лиц, тесно связанных с ними, а также родов жены или лица, с которым заключенный связан аналогичными отношениями, а также по аналогичным важным и проверенным причинам при наличии надлежащих мер безопасности могут получить чрезвычайное разрешение на выезд за пределы учреждения, если не имеется исключительных обстоятельств, препятствующих этому (ст. 154). Такие же выезды могут получить и осужденные ко второй степени исправления при обеспечении надлежащих мер безопасности и наличии предварительного медицинского заключения для амбулаторных внебюджетных консультаций на срок до 13 часов и до 2 дней при их госпитализации во внебюджетное медицинское учреждение. В российском уголовно-исполнительном законодательстве имеются сходные нормы, касающиеся выездов осужденных за пределы исправительного учреждения.

Лица, отнесенные ко второй степени, имеющие низкий уровень социальной опасности и не подверженные риску нарушения приговора, могут регулярно обращаться в стороннее учреждение для осуществления конкретной программы специализированной помощи, если это необходимо для исправления и социальной реинтеграции. Продолжительность каждого суточного выезда не должна превышать 8 часов, а программа помощи требует разрешения судьи по надзору. Если программа требует своевременного или нерегулярного выезда, разрешение должно быть предоставлено Руководящим центром (ст. 117). Они могут также перемещаться самостоятельно, без надзора при использовании обычных разрешений на выход.

Такие же правила установлены для всех осужденных, классифицируемых в третью степень. Кроме того, они могут быть кандидатами и участвовать в качестве избирателя комиссий

¹¹ См.: *Gómez Leganés S. Clasificación Penitenciaria y Medio Abierto: Tesis Doctoral. Tomo II. Valencia, 2013. P. 326. URL: <http://roderic.uv.es/handle/10550/26359> (дата обращения: 20.09.2019).*

осужденных (ст. 56 RP) (аналог отмененных в России самодеятельных организаций). При этом для таких осужденных возможно установление ограниченного открытого режима (ст. 82). Так, если осужденные имеют особую криминальную траекторию, аномальную личность или иные личные качества, а также в тех случаях, когда не могут выполнять работу за пределами учреждения или руководствуясь исправлением, Совет по исправлению может установить подходящие для этих заключенных условия (*modalidad*) содержания в открытом режиме, но ограничить выходы за пределы учреждения, установив требования контроля и охраны (*tutela*), которые применяются по мере необходимости.

Выводы

Во-первых, в испанском законодательстве, в соответствии с международными рекомендациями, осуществляется работа по классификации осужденных, находящихся в местах лишения свободы. Каждого осужденного подвергают первоначальной (с целью отнесения к определенной классификационной степени), а затем, через каждые 6 месяцев, последующей классификации (для определения необходимости изменения классификационной степени). Степень классификации является основанием для направления осужденного в учреждение (отделение) соответствующего режима. Наряду с установленными тремя степенями классификации, в виде исключения допускается присваивать индивидуальную степень, которая представляет собой набор правомочий, характерных для различных классификационных степеней. В России классификация осужденных проводится, однако отсутствует закрепление в законе ее системы.

Во-вторых, классификация и определение режима отбывания наказания возложены на пенитенциарные учреждения и органы управления пенитенциарной системой, за исключением классификации в третью степень, утверждаемую судом по надзору за пенитенциарными учреждениями. В отличие от России, где судья при определении вида исправительного учреждения ориентируется только на закон и разъяснения Пленума Верховного Суда, в Испании субъекты, принимающие решение о класси-

фикации осужденных, опираются в основном на индивидуальную программу исправления, учитывая уголовно-правовые, индивидуальные, криминологические и уголовно-исполнительные критерии.

В-третьих, испанская классификация осужденных с момента ее создания претерпела существенные изменения. Если раньше она позволяла воплощать идею научной индивидуализации исполнения наказаний как вариацию или даже альтернативу прогрессивной системы, не предполагала формализма, последовательного перехода от более строгой ступени к менее строгой, ориентировалась на личность осужденного и выполнение программы исправления, то в настоящее время она таковой не является.

В-четвертых, испанская пенитенциарная классификация обслуживает устоявшееся в этом государстве распределение осужденных по вертикали, когда степень классификации изменяет режим. Учитывая, что большинство пенитенциарных учреждений Испании являются гибридными, территориально осужденный не покидает пределы учреждения, а переводится в другое отделение с соответствующим режимом. В России суд при назначении лишения свободы распределяет осужденных вертикально (в учреждения соответствующего режима). При этом судье не требуется формализованная классификация осужденных, поскольку он ориентируется на требования закона, в котором предусматриваются различные критерии разделения осужденных. Администрация учреждения при поступлении осужденного определяет его в установленные для этого режима условия отбывания наказания, а затем может изменить их, осуществляя горизонтальное распределение, либо ходатайствовать перед судом об изменении учреждения (вертикальное распределение). В этой части российское законодательство может быть улучшено путем формирования как критериев, так и системы классификации, помимо упоминания положительно (отрицательно) характеризующихся осужденных и злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказаний. Ориентиром для этого могла бы стать нормативно установленная классификация осужденных с учетом их исправления и отношения к основным средствам исправления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Савушкин С. М. Общие положения классификации осужденных к лишению свободы // Вестник экономики, права и социологии. — 2016. — № 1. — С. 166—169.
2. Южанин В. Е. Современные проблемы классификации осужденных и распределения их в исправительном учреждении // Уголовно-исполнительное право. — 2015. — № 2 (20). — С. 14—18.
3. Bermejo F. D. Individualización científica y tratamiento en prision. — Madrid, 2014. — 602 p.
4. Gómez Leganés S. Clasificación Penitenciaria y Medio Abierto : Tesis Doctoral. Tomo II. — Valencia, 2013. — 1057 p. — URL: <http://roderic.uv.es/handle/10550/26359> (дата обращения: 20.09.2019).
5. Gómez Leganés S. La evolución de la clasificación penitenciaria. — Madrid, 2003. — 299 p.

Материал поступил в редакцию 8 октября 2019 г.

REFERENCES

1. Savushkin SM. Obshchie polozheniya klassifikatsii osuzhdennykh k lisheniyu svobody [General provisions of the classification of persons sentenced to deprivation of liberty]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [The Review of Economy, the Law and Sociology]. 2016;1:166-69. (In Russ.)
2. Yuzhanin VE. Sovremennye problemy klassifikatsii osuzhdennykh i raspredeleniya ikh v ispravitel'nom uchrezhdenii [Modern problems of classification of convicts and their distribution in a correctional institution]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2015;2(20):14-8. (In Russ.)
3. Bermejo FD. Individualización científica y tratamiento en prision. Madrid; 2014. (In Spanish)
4. Gómez Leganés S. Clasificación Penitenciaria y Medio Abierto: Tesis Doctoral. Tomo II. Valencia; 2013. Available from: <http://roderic.uv.es/handle/10550/26359> [cited 2019, 20 Oct]. (In Spanish)
5. Gómez Leganés S. La evolución de la clasificación penitenciaria. Madrid; 2003. (In Spanish)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА NOVUS LEX

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.157-166

Н. В. Новикова*

Проблемы защиты инвестиций работодателя в образование работников и лиц, ищущих работу, средствами трудового права

Аннотация. В Рекомендации МОТ № 195 «О развитии людских ресурсов: образование, подготовка кадров и непрерывное обучение» (принята в г. Женеве 17.06.2004 на 92-й сессии Генеральной конференции МОТ) указывается, что государства-члены должны обеспечивать разработку и укрепление систем профессионального образования и подготовки кадров, предоставляющих надлежащие возможности для развития и аттестации квалификации, отвечающей требованиям рынка труда. В Трудовом кодексе Российской Федерации содержится комплекс правовых норм, которыми регулируются отношения по подготовке и дополнительному профессиональному образованию работников и лиц, ищущих работу. Анализ этих норм позволяет сделать вывод о том, что работодатели могут либо вести обучение на собственной учебно-производственной базе, либо направлять работников на обучение в образовательные организации с предоставлением им гарантий по сохранению места работы, средней заработной платы, оплате командировочных расходов. И в том и другом случае подготовка и дополнительное профессиональное образование работников производятся за счет средств работодателя. Соответствующие расходы работодателя можно назвать инвестициями, потому что в результате обучения работников и лиц, ищущих работу, должен наступить в будущем полезный эффект в форме труда определенного качества. В статье анализируются актуальные проблемы защиты экономических интересов работодателей, которые за свой счет проводят обучение работников и лиц, ищущих работу. Выявляются противоречия в нормах ТК РФ и в судебной практике по вопросам определения состава затрат работодателя, связанных с обучением, условий ученического договора и соглашения об обучении о сроке отработки у работодателя, о возмещении работником расходов на обучение в случае увольнения без уважительных причин. Доказывается необходимость усиления правового механизма защиты инвестиций работодателей в обучение работников, но при этом обращается внимание на защиту прав работника как экономически более слабой стороны трудового договора. В частности, предлагается исключить из подлежащих возмещению затрат работодателя на обучение работника или ученика выплаченную заработную плату и стипендию, поскольку они необходимы для существования работника, ученика. Результатом изучения доктринальных, нормативных и судебных источников по вопросам обучения работников за счет средств работодателя стали предложения по внесению изменений в ст. 4, 207, 249 ТК РФ.

Ключевые слова: образование работников; расходы работодателя на обучение работников; срок отработки у работодателя после обучения; материальная ответственность работника перед работодателем за отработку после обучения; ученический договор.

Для цитирования: Новикова Н. В. Проблемы защиты инвестиций работодателя в образование работников и лиц, ищущих работу, средствами трудового права // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 5. — С. 157—166. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.157-166.

© Новикова Н. В., 2020

* Новикова Наталья Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета ул. Букирева, д. 15, г. Пермь, Россия, 614990
novikova@pspu.ru

Problems of the Employer's Investment Protection in the Employees and Job Seekers Education by means of Labor Law

Natalya V. Novikova, Cand. Sci. (Law), Docent, Associate Professor of the Department of Labor and International Law, Perm State National Research University
ul. Bukireva, d. 15, Perm, Russia, 614990
novikova@pspu.ru

Abstract. In ILO Recommendation No. 195 "On human resource development: education, training and continuing education" (adopted in Geneva on 17.06.2004 at the 92nd session of the ILO General conference) it is stated that member States should ensure the development and strengthening of vocational education and training systems that provide adequate opportunities for the development and certification of skills that meet the requirements of the labour market. The Labor Code of the Russian Federation contains a set of legal norms that regulate the relationship between training and additional professional education of employees and job seekers. The analysis of these norms allows us to conclude that employers can either conduct training on their own training and production base, or send employees to study in educational organizations with guarantees for maintaining their jobs, average wages, and travel expenses coverage. In both cases, the training and additional professional education of employees are carried out at the expense of the employer. The corresponding expenses of the employer can be called investments, because as a result of training employees and job seekers, there should be a useful effect in the future in the form of work of a certain quality. The paper analyzes the current problems of economic interests protection of the employers who provide training for employees and job seekers at their own expense. The author reveals contradictions in the rules of the labour code and in judicial practice regarding the determination of the composition of the expenses of the employer related to the learning conditions of the student agreement and learning agreement on the work repayment period with the employer, on reimbursement of training costs in case of dismissal without valid reasons. The author proves the need to strengthen the legal mechanism for employers' investments protection for employee training, but at the same time draws attention to the protection of employee rights as the economically weaker side of the employment contract. In particular, it is proposed to exclude paid wages and scholarships from the employer's reimbursable expenses for training an employee or student, since they are necessary for the existence of the employee or student. The study of doctrinal, regulatory and judicial sources on employee training at the expense of the employer resulted in proposals for amendments to articles 4, 207, 249 of the Labor Code of the Russian Federation.

Keywords: employee education; employer's expenses for employee training; employer's term of service after training; employee's financial responsibility to the employer for working after training; apprenticeship contract.

Cite as: Novikova NV. Problemy zashchity investitsiy rabotodatel'ya v obrazovanie rabotnikov i lits, ishchushchikh rabotu, sredstvami trudovogo prava [Problems of the Employer's Investment Protection in the Employees and Job Seekers Education by means of Labor Law]. *Lex russica*. 2020;73(5):157-166. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.157-166. (In Russ., abstract in Eng.).

В соответствии с ч. 1 ст. 196 Трудового кодекса Российской Федерации работодатель имеет право определять необходимость подготовки и дополнительного профессионального образования работников для собственных нужд. Думается, что это субъективное право работодателей закреплено в ТК РФ вполне обоснованно, поскольку в условиях рыночной экономики работодатели самостоятельно планируют и реализуют кадровую политику, несут расходы на образование работников и при этом обеспечивают достижение современных государственных задач подготовки высококвалифицированных кадров для реализации идей об инновационной и цифровой экономике. В связи с этим возникает вопрос о степени защиты ин-

вестиций работодателя в образование не только работника по договорам на его обучение по программам профессионального образования и дополнительного профессионального образования, но и лица, ищущего работу, по ученическому договору средствами трудового права. С одной стороны, законодатель предусмотрел ответственность работников, которые обучаются за счет средств работодателей или получают профессию на его производстве в рамках института ученичества. Это ст. 249 и абз. 2 ст. 207 ТК РФ. Общий смысл указанных норм заключается в том, что, если работодатель не получит в будущем полезного результата в виде труда обученного лица, то он имеет возможность взыскать с него понесенные затраты (расхо-

ды) на обучение. Однако анализ норм ТК РФ и материалов судебной практики не позволяет утверждать, что трудовое законодательство создает прочную правовую основу для защиты экономических интересов работодателей. Выделим ряд проблемных моментов.

1. Несмотря на одинаковую цель предусмотренной законодателем ответственности работника и лица, ищущего работу, за неисполнение обязанности по отработке или трудоустройству перед работодателем, который понес расходы на их обучение, санкции абз. 2 ст. 207 и ст. 249 ТК РФ необоснованно различаются. Так, если ученик по окончании обучения не приступает к обусловленной ученическим договором работе, то он по требованию работодателя возмещает полученную за время ученичества стипендию, а также другие расходы, произведенные в связи с обучением. А в ст. 249 ТК РФ предусмотрен механизм пропорционального возмещения расходов в зависимости от фактически не отработанного после окончания обучения времени. Такой подход видится более справедливым, по сравнению со ст. 207 ТК РФ, поскольку ученик мог приступить к работе, но отработать незначительное время. В этом случае у работодателя формально не возникает права на взыскание расходов, ведь в соответствии со ст. 249 ТК РФ условие об отработке должно быть согласовано либо в трудовом договоре, либо в соглашении об обучении. Можно ли ученический договор считать соглашением об обучении за счет средств работодателя? Формально нет, хотя в судебной практике встречаются решения, ставящие знак равенства между этими видами договоров. Например, в кассационном определении Кировского областного суда от 31.05.2011 по делу № 33-1809 было выявлено ухудшение положения работника, обучившегося по ученическому договору, по сравнению со ст. 249 ТК РФ. Работодатель на основании абз. 2 ст. 207 ТК РФ требовал взыскать все расходы с работника, с которым был заключен ученический договор, но который проработал некоторое время и затем уволился. Суд в такой ситуации применил положения ст. 249 ТК РФ, но не дал правовой оценки ученическому договору. Думается, что в ст. 249 ТК РФ необходимо

после слов «соглашением об обучении» включить слова «ученическим договором», чтобы защитить интересы работодателей, готовящих будущих работников на своей материально-производственной базе.

Далее, как следует из ст. 57, 249 ТК РФ, в трудовом договоре или в соглашении об обучении стороны *могут согласовать* срок отработки после обучения за счет средств работодателя, а в соответствии со ст. 199 ТК РФ срок отработки является *обязательным* условием ученического договора. Думается, что и в этом случае необходимо придерживаться единого подхода к условиям ответственности как работника, так и ученика (будущего работника) перед работодателем, который вкладывает в них средства. В связи с этим видится целесообразным в абз. 1 ст. 199 ТК РФ слова «в соответствии с полученной квалификацией проработать по трудовому договору с работодателем в течение срока, установленного в ученическом договоре», исключить и перенести их в абз. 2, то есть условие об отработке после обучения по ученическому договору также отнести к дополнительным условиям, устанавливаемым сторонами по согласованию между собой.

2. В науке трудового права дискутируется вопрос о правовой сущности отработки работника или ученика после обучения за счет средств работодателя. Само по себе понятие «отработка» не соответствует фундаментальному принципу трудового права — принципу свободы трудового договора, который выражается в строгой добровольности поступления на работу, в свободе перехода на другую работу и свободе оставления работы по желанию работника или служащего¹. Следует согласиться также с А. Ф. Нурдиновой, что принцип свободы труда тесно связан с запрещением принудительного труда². Следовательно, необходимо определиться, имеются ли признаки принудительности у отработки после обучения за счет средств работодателя. В соответствии с п. 1 ст. 2 Конвенции МОТ № 29 «Относительно принудительного или обязательного труда»³ термин «принудительный или обязательный труд» означает всякую работу или службу, которую требуют от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания и для

¹ Советское трудовое право / под ред. Н. Г. Александрова. М., 1972. С. 78.

² Нурдинова А. Ф. Проблемы совершенствования ТК РФ // Трудовое право. 2004. № 3. С. 32.

³ Конвенция № 29 Международной организации труда (с изм. от 11.06.2014) «Относительно принудительного или обязательного труда» (принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Ведомости ВС СССР. 02.07.1956. № 13. Ст. 279.

которой это лицо не предложило добровольно своих услуг. В статье 4 ТК РФ это понятие еще более расширяется: принудительной является также работа, которую работник вынужден выполнять под угрозой применения какого-либо наказания (насильственного воздействия), хотя в соответствии с ТК РФ или иными федеральными законами он вправе от нее отказаться⁴. Таким образом, для принудительной работы характерны следующие признаки: наличие угрозы применения к работнику наказания; работник не выражал добровольного согласия на работу; работник вправе был отказаться от выполнения работы согласно ТК РФ. В случае заключения ученического договора, иного договора об обучении работника (будущего работника) за счет средств работодателя условие об отработке добровольно согласовывается сторонами трудового договора, соглашения об обучении, ученического договора; оно возникает не под угрозой наказания, а вследствие оценки эквивалентности обязательств работника (будущего работника) и работодателя, которая лежит в основе трудового правоотношения («деньги — труд»); в ТК РФ содержится закрытый перечень причин, по которым работник вправе отказаться от работы. Следует вывод, что отработка не является принудительным трудом. Для того чтобы в дальнейшем не возникло дискуссий по этому поводу, предлагается ст. 4 ТК РФ дополнить еще одним видом работы, которая не обладает признаками принудительного труда: работа, выполняемая после обучения за счет средств работодателя в течение обусловленного договором срока отработки.

3. Для реализации права работодателя на взыскание с работника затрат, связанных с обучением, имеет значение причина увольнения работника до истечения срока отработки или причина, по которой ученик не приступил к работе. По общему правилу она должна быть неуважительной, но закон не предлагает даже примерного перечня таких причин. В литера-

туре высказано мнение, что неуважительными причинами следует считать виновные противоправные проступки, послужившие основанием расторжения трудового договора по инициативе работодателя (пп. 5—11 ч. 1 ст. 81 ТК РФ)⁵. А уважительные причины — это жизненные ситуации, возникающие по независящим от воли работника обстоятельствам при отсутствии его вины, при наличии которых он освобождается от возмещения затрат, связанных с обучением⁶.

Поскольку ст. 249 ТК РФ отнесена к институту материальной ответственности работника, то согласно требованиям ст. 247 ТК РФ обязанность установить причину возникновения ущерба возлагается на работодателя, поэтому не работник обязан указывать причину увольнения, а работодатель обязан выяснять, по каким причинам увольняется работник. Если причины увольнения не будут выяснены и в дальнейшем будет доказано, что они были уважительными, хотя и не были указаны в заявлении об увольнении по собственному желанию, то, как считает Д. М. Кейзеров, на работника нельзя возложить обязанность по возмещению работодателю затрат на обучение⁷. В качестве примера уважительной причины увольнения, при которой не наступает материальная ответственность работника перед работодателем, можно привести непредоставление работы в соответствии с полученной профессией. Так, *апелляционным определением Хабаровского краевого суда от 06.02.2017 по делу № 33-905/2017*⁸ решение суда первой инстанции об отказе истцу (работодателю) взыскать расходы на обучение гражданки С., заключившей ученический договор, признано законным и обоснованным в связи с тем, что С. отказалась после обучения заключить трудовой договор по причине непредоставления ей работы в соответствии с полученной профессией.

До тех пор пока в ТК РФ не появится перечень уважительных причин, при которых работник будет освобожден от ответственности

⁴ Международные трудовые стандарты и российское трудовое право: перспективы координации : монография / Э. Н. Бондаренко, Е. С. Герасимова, С. Ю. Головина [и др.] ; под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. М. : Норма, Инфра-М, 2016.

⁵ Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный). Новая редакция / О. В. Смирнов [и др.]. М., 2006. С. 556.

⁶ Брюхина Е. Р. Право на труд и право на образование: регулирование отношений по профессиональной переподготовке работников в России : дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2007. С. 181.

⁷ Кейзеров Д. М. Материальная ответственность работников в условиях рыночной экономики современной России: некоторые проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2005. С. 103.

⁸ СПС «КонсультантПлюс».

перед работодателем, не избежать споров между ними, поэтому в настоящее время объективную оценку причинам увольнения может дать только суд.

Однако, если исходить из задачи по определению степени защиты инвестиций работодателя в образование работника средствами трудового права, приходится поставить под сомнение целесообразность включения в ст. 207 и 249 ТК РФ условия о возмещении затрат работодателя в зависимости от причины досрочного увольнения работника или невыхода ученика на работу по полученной квалификации. Как известно, одним из признаков материальной ответственности работника является его виновное действие (бездействие), то есть законодатель связывает вопрос о возможном взыскании с работника расходов на обучение только при неуважительности причины увольнения как по инициативе работника, так и по инициативе работодателя в случаях, которые относятся к нарушению дисциплины труда. Но ведь работник, независимо от причины увольнения, получил за счет средств работодателя нематериальное благо, повысил «стоимость» своей рабочей силы на рынке труда, поэтому, на мой взгляд, нарушается баланс интересов сторон трудового правоотношения, если должны быть учтены причины увольнения работника. Возможно, причина увольнения влияет на определение вины как признака материальной ответственности работника. Однако думается, что ответственность работника и ученика, предусмотренная ст. 249 ТК РФ, не является частью института материальной ответственности, а также, как следует из смысла ст. 207 ТК РФ, является обязательственным условием договора об обучении. В связи с этим необходимо либо в ТК РФ перечислить причины, при наличии которых работник был бы освобожден от обязанности по возмещению работодателю затрат (расходов) на его обучение, либо, как предлагают некоторые специалисты, определить их в договоре⁹. Федеральная служба по труду и занятости тоже рекомендует работодателям во избежание спо-

ров определять уважительные причины в соглашении об обучении (письмо от 18.10.2013 № 852-6-1¹⁰).

4. Нормы ТК РФ не позволяют четко определить, какие затраты (расходы) работодатель вправе предъявить работнику, если тот не выполнил условия об отработке. Наука трудового права также не дает однозначный ответ на этот вопрос. Поскольку ст. 249 ТК РФ расположена в разделе о материальной ответственности работника, Д. М. Кейзеров считает, что на ситуацию о возмещении расходов на обучение распространяются правила о материальной ответственности работников. Это значит, что необходимо руководствоваться ст. 241 ТК РФ о пределах материальной ответственности работника: за причиненный ущерб работник несет материальную ответственность в пределах своего среднего месячного заработка, если иное не предусмотрено ТК РФ или иными федеральными законами¹¹. Иной точки зрения придерживается В. И. Миронов: затраты на обучение могут быть возмещены в размере, превышающем средний заработок работника¹². Действительно, исходя из смысла ст. 249 ТК РФ и ее принадлежности к институту материальной ответственности работника, неясно, полная или ограниченная материальная ответственность может наступить у работника. Законодатель не учитывает также соизмеримость суммы расходов работодателя на обучение и размера заработной платы работника, ее отсутствие у лица, ищущего работу (поэтому денежных средств может не быть, чтобы возместить работодателю расходы). В пункте 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.11.2006 № 52 (в ред. 28.09.2010)¹³ обращается внимание, что в соответствии с ч. 1 ст. 250 ТК РФ с учетом материального положения работника суды могут снизить размер сумм, подлежащих взысканию, но не вправе полностью освободить работника от такой обязанности. К сожалению, официального разъяснения по поводу применения именно ст. 249 ТК РФ в указанном акте не имеется. Вероятно, в современном трудо-

⁹ Азаров Г. П. Материальная ответственность по трудовому праву // СПС «КонсультантПлюс», 2011.

¹⁰ СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Кейзеров Д. М. Указ. соч. С. 96.

¹² Миронов В. И. Материальная ответственность сторон трудового договора // Трудовое право. 2002. № 9. С. 64.

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.11.2006 № 52 (ред. от 28.09.2010) «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6.

вом законодательстве предпринята попытка защитить экономические интересы работодателя путем гражданско-правового обеспечения обязательств без связи с нормами о материальной ответственности работника. Об этом свидетельствует позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в *определениях от 15.07.2010 № 1005-О-О и от 24.03.2015 № 498-О*¹⁴. Суд указал, что действующая правовая конструкция об обязанности работников возмещать затраты работодателя на обучение направлена на обеспечение баланса прав и интересов сторон трудового правоотношения, способствует повышению профессионального уровня данного работника и приобретению им дополнительных преимуществ на рынке труда, а также имеет целью компенсировать работодателю затраты по обучению работника, досрочно прекратившего трудовые отношения с данным работодателем без уважительных причин.

На мой взгляд, при решении вопроса о пределах суммы, подлежащей взысканию, необходимо отказаться от связи с институтом материальной ответственности и руководствоваться составом затрат (расходов) работодателя, подлежащих возмещению, в качестве обязательственного условия договора на обучение. В соответствии со ст. 207 ТК РФ с ученика, который не приступил к работе, может быть взыскана стипендия и иные расходы на обучение. В статье 249 ТК РФ используется другой термин — «затраты», но не раскрывается его содержание, поэтому некоторые работодатели по аналогии со ст. 207 ТК РФ взыскивают с работников, кроме собственно стоимости обучения, еще и командировочные расходы, среднюю заработную плату, которую работодатели обязаны выплачивать работникам на период обучения.

Обоснованность включения в состав затрат на обучение не только суммы за обучение, но и других понесенных работодателем расходов подтверждена материалами судебной практики. Например, *апелляционным определением Красноярского краевого суда от 18.02.2015 по делу № 33-1538* подтверждена правильность

решения суда первой инстанции о взыскании с работника (ответчика) выплаченных ему за весь период обучения по ученическому договору на профессиональное обучение по программе «машинист электровоза» в учебном структурном подразделении истца (филиал ОАО РЖД — филиал Красноярской железной дороги) суммы стипендии, командировочных расходов, стоимости обучения в связи с тем, что работник был отчислен за неуспеваемость и уволился по собственному желанию. Поскольку ученическим договором предусмотрено условие об отработке сроком три года, а в случае увольнения без уважительных причин работник обязуется возместить расходы работодателя, связанные с обучением, суд, сославшись на договор, а также на ст. 198, 199, 207 и 249 ТК РФ, взыскал с работника расходы в полном объеме.

Вместе с тем существует и противоположная судебная практика, например *апелляционное определение Оренбургского областного суда от 02.09.2015 по делу № 33-5467/2015; апелляционное определение Вологодского областного суда от 21.05.2014 по делу № 33-2453/2014; апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 10.02.2016 по делу № 33-714/2016*. На ее основе учеными сделан справедливый вывод о том, что «не могут быть включены в число расходов, связанных с обучением, гарантированные законодательством выплаты работникам, проходящим обучение»¹⁵. В Обзоре практики рассмотрения судами дел о материальной ответственности работника, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ, разъясняется, что «положениями Трудового кодекса Российской Федерации гарантируется возмещение работодателем командировочных расходов работникам, направляемым на профессиональное обучение или дополнительное профессиональное образование с отрывом от работы в другую местность. Такие расходы не включаются в затраты, понесенные работодателем на обучение работника, и не подлежат возмещению работником работодателю в случае увольнения работника

¹⁴ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Занданов И. Как возместить расходы (затраты), связанные с обучением работников (лиц, ищущих работу) // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2007. № 6. С. 47; Защита трудовых прав граждан и прав в сфере социального обеспечения / сост. Л. Благодир, И. Л. Дубровская. Киров, 2005. С. 156—161; Бекетова Ю. Споры по возмещению ущерба, причиненного работником // Трудовое право. 2016. № 1. С. 29—36.

без уважительных причин до истечения срока, обусловленного соглашением об обучении»¹⁶.

Возникает вопрос: можно ли стипендию, которую получает ученик по время ученичества, также отнести к гарантиям? Думается, да, поскольку стипендия, во-первых, должна выплачиваться обязательно не ниже минимального размера труда (ст. 199, 204 ТК РФ); во-вторых, замещает ученику заработную плату и является необходимым средством к существованию на период обучения. Следовательно, есть основания для исключения стипендий из расходов на обучение, которые подлежат возмещению работодателю в случае неисполнения учеником обязанности приступить к работе.

Несмотря на то что приведенные размышления направлены на защиту интересов работника, они не ухудшают положение работодателя как субъекта трудового права. Исходя из функций трудового права и целей трудового законодательства, считаю, что с работника может быть взыскана только стоимость обучения, независимо от ее размера, и командировочные расходы в пределах утвержденной законодательством нормы, но не могут быть взысканы гарантии по сохранению заработной платы, выплаты стипендии. Если подлежащие возмещению расходы будут выше заработной платы работника, то работодатель и суд вправе с учетом фактического материального положения работника снизить размер взыскиваемой суммы. И это положение необходимо прямо закрепить в ТК РФ либо на уровне акта Пленума Верховного Суда РФ.

5. Срок отработки фактически определяет работодатель как экономически более сильная сторона трудового договора. В этой ситуации возникает проблема обоснованности и соизмеримости срока отработки со стоимостью и сроками обучения. Так, А. М. Лушников и М. В. Лушникова усматривают в больших сроках (например, в 10—15 лет) признаки принудительного труда, запрещенного ст. 3 ТК РФ, и предлагают закрепить в ст. 199 ТК РФ верхний предел срока отработки — не более 5 лет. Аргументами в пользу именно такого предела ученые называют: практику заключения ученических договоров, в которой, как правило, срок отработки составляет 3—5 лет; установленный законом предельный срок срочных трудовых договоров; необходи-

мость стимулировать работников к продолжению работы не длительными сроками отработки, а иными средствами трудового права (повышением заработной платы, созданием благоприятных условий труда, выплатой стимулирующих надбавок)¹⁷. Наука трудового права исходит из общеправового принципа разумности и соразмерности между нарушением и мерой ответственности, хотя на практике реализовать указанный принцип достаточно сложно. Можно понять интерес работодателя, но и обращать трудовое право в крепостническую идеологию недопустимо, поэтому полностью разделяю предложение А. М. Лушников и М. В. Лушниковой о закреплении в ТК РФ максимального 5-летнего срока отработки, если обучение проводилось за счет средств работодателя.

Однако есть необходимость рассмотреть еще один критерий ограничения срока отработки — это срок действия удостоверения, иного документа об обучении, дающего работнику специальное право. В связи с этим предлагается ст. 249 ТК РФ дополнить новым абзацем: «Срок отработки не может превышать пяти лет или срока действия документа, дающего после обучения специальное право работнику на выполнение трудовой функции, допуск к работе. В срок отработки не включаются периоды отпусков, за исключением учебных, и отстранение от работы».

6. ТК РФ не дает ответа на вопрос работодателей, инвестирующих в образование работников (будущих работников), о том, какой период отработки может засчитываться работнику: тот, который он фактически состоит в трудовых отношениях с работодателем, или только тот, в который он фактически осуществлял трудовую функцию, то есть был полезен работодателю? Если, например, работница прошла обучение за счет средств работодателя, затем ушла в отпуск по уходу за ребенком и в этот период срок отработки истек, вправе ли работодатель продлить срок отработки? Думается, что при действующей редакции ст. 249 ТК РФ ответ будет отрицательным. При этом действительно усматривается ущемление интересов работодателей в приведенной ситуации. Следовательно, в ст. 249 ТК РФ желательно предусмотреть, что в срок отработки не входят периоды отпусков, за исключением учебных, отстранение от работы.

¹⁶ Обзор практики рассмотрения судами дел о материальной ответственности работника / утв. Президиумом Верховного суда РФ 05.12.2018. П. 11 // Администратор образования. 2019. № 3.

¹⁷ Тарусина Н. Н., Лушников А. М., Лушникова М. В. Социальные договоры в праве : монография. М. : Проспект, 2017. С. 350.

7. В действующем трудовом законодательстве имеется и еще один пробел, влияющий на защиту инвестиций работодателя в образование работника. Если работодатель проводит обучение, которое не связано с реализацией образовательных программ, но направлено на повышение качества выполнения работником трудовой функции (это могут быть тематические тренинги, лекции, семинары), то применение ст. 249 ТК РФ достаточно проблематично, потому что суды связывают обучение с ученическими договорами. Например, решением Михайловского районного суда Волгоградской области от 27 ноября 2015 г. в удовлетворении исковых требований работодателя о взыскании с работника расходов на обучение было отказано. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 13 мая 2016 г. решение суда первой инстанции оставлено без изменения. Разрешая спор, суды первой и второй инстанции, сославшись на ст. 196—200 и 249 ТК РФ, исходили из того, что между сторонами по делу заключались дополнительные соглашения к трудовому договору об обязанности работника отработать после обучения за счет средств работодателя, а ученический договор не заключался.

После прохождения курсов работник не приобрел новой специальности или квалификации, позволявших выполнять новый вид профессиональной деятельности, полученные в периоды обучения знания и навыки позволили ему занимать должность менеджера отдела продаж сельскохозяйственной техники без изменения профессии и специальности. Обучением на курсах работник повысил профессиональный уровень в рамках имеющейся квалификации, в связи с чем понесенные работодателем на повышение квалификации затраты не относятся к расходам, которые могут быть взысканы с работника. И только *определением Верховного Суда РФ от 17.04.2017 № 16-КГ17-3*¹⁸ решения судов первой и второй инстанции были отменены из-за существенного нарушения норм материального права. Верховный Суд РФ указал, что судами оставлено без внимания то обстоятельство, что нормы трудового законодательства, так же как и условия

заключенного сторонами дополнительного соглашения к трудовому договору, не ставят обязанность работника по возмещению работодателю затрат на обучение в случае досрочного прекращения работником трудовых отношений с работодателем без уважительных причин в зависимости от получения работником по итогам обучения новой специальности или квалификации. Между работодателем и работником может заключаться как ученический договор, так и иные договоры об обучении, то есть ученический договор не является единственным видом заключаемых между работником и работодателем договоров об обучении. Подготовка работников и их дополнительное профессиональное образование осуществляются работодателем в том числе и на условиях, определенных трудовым договором.

Несмотря на положительное решение для конкретного работодателя, не каждый имеет возможность дойти до высшей судебной инстанции. Необходимо на уровне ТК РФ урегулировать указанный вопрос.

8. В подготовке высококвалифицированных кадров участвуют не только работодатели — юридические лица, но и индивидуальные предприниматели. Однако формально они не наделены правом заключать с работниками или лицами, ищущими работу, ученические договоры. Следовательно, эта категория работодателей не может воспользоваться средствами трудового права для защиты своих инвестиций в профессиональное обучение работников.

В заключение хотелось бы отметить, что «одной из ключевых задач работодателя в системе управления человеческими ресурсами является защита инвестиций в человеческий капитал, в первую очередь в обучение и развитие персонала. Неэффективный правовой механизм защиты данного вида вложений зачастую способствует крайне нежелательной для работодателя текучести обученных кадров, а по сути, превращается в рост капитализации конкурентов, принявших этих работников»¹⁹. Следовательно, предложенные в данной статье изменения ст. 4, 207, 249 ТК РФ могли бы повысить гарантии для работодателей по закреплению и использованию профессионального потенциала своих работников.

¹⁸ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Кузнецов Д. Л. Актуальные вопросы правового регулирования обучения персонала // Актуальные проблемы трудового законодательства в условиях модернизации экономики : монография / отв. ред. проф. Ю. П. Орловский. М. : Юстицинформ, 2012.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Азаров Г. П. Материальная ответственность по трудовому праву // СПС «КонсультантПлюс», 2011.
2. Бекетова Ю. Споры по возмещению ущерба, причиненного работником // Трудовое право. — 2016. — № 1.
3. Брюхина Е. Р. Право на труд и право на образование: регулирование отношений по профессиональной переподготовке работников в России : дис. ... канд. юрид. наук. — Пермь, 2007.
4. Занданов И. Как возместить расходы (затраты), связанные с обучением работников (лиц, ищущих работу) // Кадровик. Трудовое право для кадровика. — 2007. — № 6.
5. Защита трудовых прав граждан и прав в сфере социального обеспечения / сост. А. Л. Благодар, И. Л. Дубровская. — Киров, 2005.
6. Кейзеров Д. М. Материальная ответственность работников в условиях рыночной экономики современной России: некоторые проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. — Пермь, 2005.
7. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный). Новая редакция / О. В. Смирнов [и др.]. — М., 2006.
8. Кузнецов Д. Л. Актуальные вопросы правового регулирования обучения персонала // Актуальные проблемы трудового законодательства в условиях модернизации экономики : монография / отв. ред. проф. Ю. П. Орловский. — М. : Юстицинформ, 2012.
9. Международные трудовые стандарты и российское трудовое право: перспективы координации : монография / Э. Н. Бондаренко, Е. С. Герасимова, С. Ю. Головина [и др.] ; под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. — М. : Норма, Инфра-М, 2016.
10. Миронов В. И. Материальная ответственность сторон трудового договора // Трудовое право. — 2002. — № 9.
11. Нуртдинова А. Ф. Проблемы совершенствования ТК РФ // Трудовое право. — 2004. — № 3.
12. Советское трудовое право / под ред. Н. Г. Александрова. — М., 1972.
13. Тарусина Н. Н., Лушников А. М., Лушников М. В. Социальные договоры в праве : монография. — М. : Проспект, 2017.

Материал поступил в редакцию 10 ноября 2019 г.

REFERENCES

1. Azarov GP. Materialnaya otvetstvennost po trudovomu pravu [Material liability under labor law]. Legal reference system "Konsultant Plus:" [Electronic resource]. «KonsultantPlus»; 2011. (In Russ.)
2. Beketova Yu. Spory po vozmeshcheniyu ushcherba, prichinennogo rabotnikom [Disputes over compensation for damages caused by an employee]. *Trudovoe pravo* [Labour law]. 2016;1. (In Russ.)
3. Bryukhina ER. Pravo na trud i pravo na obrazovanie: regulirovanie otnosheniy po professionalnoy perepodgotovke rabotnikov v Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk [The right to work and the right to education: regulation of relations on professional retraining of employees in Russia: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Perm; 2007. (In Russ.)
4. Zandanov I. Kak vozmestit raskhody (zatraty), svyazannye s obucheniem rabotnikov (lits, ishchushchikh rabotu) [How to reimburse expenses (expenses) related to training of employees (job seekers)]. *Kadrovik. Trudovoe pravo dlya kadrovika*. 2007;6. (In Russ.)
5. Blagodir AL, Dubrovskaya IL, editors. Zashchita trudovykh prav grazhdan i prav v sfere sotsialnogo obespecheniya [Protection of labor rights of citizens and rights in the sphere of social security]. Kirov, 2005.
6. Keyzerov DM. Materialnaya otvetstvennost rabotnikov v usloviyakh rynochnoy ekonomiki sovremennoy rossii: nekotorye problemy teorii i praktiki : dis. ... kand. yurid. nauk [Material responsibility of employees in the conditions of the market economy of modern Russia: some problems of theory and practice: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Perm, 2005.
7. Smirnov OV, et al. Kommentariy k Trudovomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy). Novaya redaktsiya [Commentary to the Labor Code of the Russian Federation (article-by-article). New edition]. Moscow; 2006. (In Russ.)

8. Kuznetsov DL. Aktualnye voprosy pravovogo regulirovaniya obucheniya personala [Current issues of legal regulation of personnel training]. In: Orlovskiy YuP, editor. Aktualnye problemy trudovogo zakonodatelstva v usloviyakh modernizatsii ekonomiki: monografiya [Actual problems of labor legislation in the conditions of economic modernization: monograph]. Moscow: Yustitsinform; 2012. (In Russ.)
9. Bondarenko EN, Gerasimova ES, Golovina SYu, et al. Mezhdunarodnye trudovye standarty i rossiyskoe trudovoe pravo: perspektivy koordinatsii: monografiya [International labor standards and Russian labor law: prospects for coordination: monograph]. Golovina SYu, Lyutov NL, editors. Moscow: Norma, Infra-M; 2016.
10. Mironov VI. Materialnaya otvetstvennost storon trudovogo dogovora [Material liability of the parties to an employment contract]. *Trudovoe pravo* [Labour law]. 2002;9.
11. Nurtdinova AF. Problemy sovershenstvovaniya TK RF [Problems of improving the Labor Code of the Russian Federation]. *Trudovoe pravo* [Labour law]. 2004;3.
12. Aleksandrov NG, editor. Sovetskoe trudovoe pravo [Soviet labor law]. Moscow; 1972.
13. Tarusina NN, Lushnikov AM, Lushnikova MV. Sotsialnye dogovory v prave: monografiya [Social contracts in law: a monograph]. Moscow: Prospect; 2017.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г.;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN UNIVERSITY LAW REVIEW

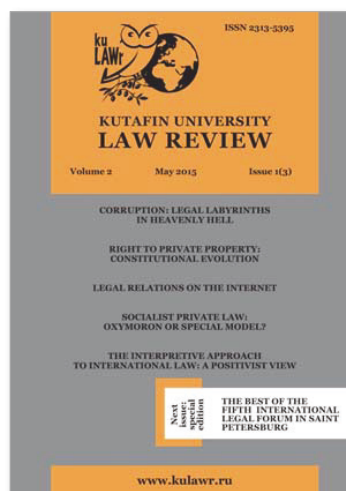
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит два раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков, а также студентов и аспирантов. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin University Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex Russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008